

Простой мистификатор

Казалось бы, так недавно вся страна смотрела в кинотеатрах СССР перестроенный фильм «Курьер», но минула уже четверть века. Милая песенка про старый рояль из фильма «Мы из джаза» сошла с экранов в народ уже 30 лет назад. Лёгкость и беззаботность «массового кино» растаяли, когда «Город Зеро» своей абсурдистской мистификацией заявил о серьёзных намерениях его автора. И с тех пор сложные, спорные, злободневные темы, метафоричность языка и образов, фильмы-размышления стали для кинорежиссёра художественным выбором. 8 июля Карену Шахназарову исполняется 60 лет. Поздравляем с юбилеем!

СТР. 11

Нью-интеллигенция на марше

Последнее время общество будоражит неслыханная новость: в стране зародилась «новая интеллигенция». Целая социальная прослойка. Активная, политически подкованная, граждански сознательная. Как и следовало ожидать, рождение нового гегемона окутано тайной.

СТР. 3

Читатели и чтецы

Если дети читают классику, значит, всё не так уж плохо в настоящем. Если они читают Чехова, Бунина, Горького, Островского со сцены, у взрослых, которые их слушают и оценивают, появляется надежда на будущее. Об итогах конкурса юных чтецов «Живая классика» размышляет член жюри, народная артистка России Елена Камбурова.

СТР. 4

Что ген расшифрованный нам готовит

Соискательница на должность секретаря была две: красота в элегантном платье и дурнушка в бесформенном пиджаке. Выбор работодателя вопреки привычному стереотипу пал на «золушку». Её генетическая карта никаких сюрпризов не обещала, а вот красавица, судя по геному, была предрасположена к агрессии. Фантастика? Да. Пока...

СТР. 12

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 17 892 человека. Заходите!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

EUROPE: D - 2,20€; A - 2,30€;
B - 2,30€; PL - 12,90 PLN; L - 2,30€;
CZ - 75,00 CZK; H - 720 HUF; SP - 2,50€;
I - 2,50€; GR - 2,5€; CYP - 1,35 CYP;
TR - 5 M. TRY; CH - 3,50 CHF; GB - 1,80 GBP;
DK - 20,00 DKK; S - 25,00 SEK;
NOR - 23,00 NOK; E - 15 EGP;
USA - 2,50 \$; C - 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Где проспект Ивана Калиты?

Анон/МЕРШЛОП

Юрий ПОЛЯКОВ

Нигде. В Москве такого нет, как нет площади, улицы или переулочка, носящего имя этого рачительного князя, который, говоря по-современному, запустил процесс превращения одного из окраинных городов Золотой орды в столицу Руси – собирательницу земель русских. Калитниковские улицы и проезды к Калите отношения не имеют, они лишь напоминают о том, что встарь здесь проживали калитники – ремесленники, мастеровитые кошельки. Странное дело, за исключением Юрия Долгорукого, Александра Невского и Дмитрия Донского (их советская власть в трудную минуту призвала под свои знамёна), ни один другой венценосный Рюрик или Романов не увековечен в московской топонимике. Где славные имена Ивана III, окончательно одолевшего ордынского ига, или Алексея Михайловича Тишайшего, начинавшего мягкую модернизацию России, которую его необузданный сын Пётр «рукой железной поднял на дыбы». Кстати, Петровка получила своё имя не в честь Петра Великого, а из-за близости Высоко-Петровского монастыря. Есть, правда, названия, косвенно хранящие память о великих монархах: Александровский сад (разбит при Александре Первом), Екатерининский сад (принадлежал одноимённому институту благородных девиц), Николаевский тупик – упирался в Николаевскую железную дорогу и чудом, а может, с глумливым умыслом сохранён большевиками. Вот вроде и всё. Ни тебе Александра Второго Освободителя, ни Александра Третьего Миротворца, ни царя-мученика Николая Второго. Знаете, вообще-то я не монархист, но и у меня такая «монархофобия» вызывает недоумение. Тот, кто бывал в столицах мира, навер-

ное, замечал: там имена императоров, королей, курфюрстов и других суверенов, даже невеликих, непременно запечатлены в названиях улиц. Я уже не говорю про Чингисхана, который в иных среднеазиатских республиках давно по частоте употребления затмил Ленина с Марксом. А в Москве нет даже улицы родоначальника царской династии – Михаила Фёдоровича. Как-то даже неловко в преддверии 400-летия Дома Романовых! Но не спешите, читатель, удивляться всем этим странностям, мы только вступаем в паноптикум парадоксальной московской топонимки. Небрежение самодержками было бы понятно при ранних коммунистах, они взрывали храмы, переименовывали всё, что напоминало о «тюрьме народов» и «самовластных злодеях», принципиально называли улицы во славу бунтовщиков-мятежников, если выражаться по старому стилю, и народных вожаков, если по новому: Разина, Пугачёва, Болотникова. Не забывали и цареубийц с бомбистами – Каляева и Халтурина. Но это было прежде, при ВКП(б) – КПСС. А что же сегодня, когда первые лица стоят со свечками в храмах, а визит в Отечество кого-нибудь из остаточных Романовых выглядит чуть ли не встречей в верхах? Да, в Москве нет теперь улиц Разина и Каляева... И правильно, нечего бунтовать против властей. Зато улицы Пугачёвская, Халтуринская и Болотниковская целёхоньки. Забыли про них, что ли, в угаре первичного накопления или решили, что всех смутьянов из истории тоже выкидывать не стоит? Не ясно. Но с особой бережностью Москва хранит память о декабристах, многие престолажи первого этапа освободительного движения получили прописку на улицах города: Каховский, Бестужевы, Одоевский... Люди, конечно, были

талантливые, смелые, с размахом, мечтали реформировать Россию, не стесняясь в средствах. Сам я недолго жил на улице Пестеля, который так планировал после уничтожения династии решить еврейский вопрос: предложить им креститься, а тех, кто откажется, построить в колонны и пешедролом отправить в Палестину. Он был твёрдо уверен, что миллионную толпу, возвращающуюся на историческую родину, остановить никто не захочет, даже покоряет и с собой дадут. М-да, сложилось на Сенатской по-другому, и будить было бы некого. А для героя Отечественной войны 1812 года генерала Милорадовича, некрасиво застреленного Каховским, переулочка в Москве не нашлось... Такая же грустная участь постигла многих государственных мужей, послуживших укреплению державы. Есть Сибирская улица, но нет улицы Ермака Тимофеевича – первопроходца Сибири. Ермакова Давца всего лишь увековечила фамилию бывшего домовладельца. А как пройти на площадь Столыпина? Никак. Её тоже нет на карте Москвы. Поразительно! Ведь в том вязком информационном натиске, что заменяет нам нынче идеологию, Пётр Аркадьевич представлен как самый главный и успешный реформатор за всю нашу историю. К тому же он любимец Никиты Михалкова, который продавливал его на первое место в телешоу «Имя России», будто приятеля-режиссёра на премию «Золотого орла». А вот аллея Сергея Юльевича Витте в Москве имеется. Правда, странно? Столыпина нет, а Витте есть. С чего бы? Ах, ну да, Витте как бы либерал, а Столыпин – монархист... Впрочем, это – лишь самая невинная из тех столетних нелепич, что заставили меня усестись за недоумённо-топонимические заметки.

Окончание на стр. 9

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

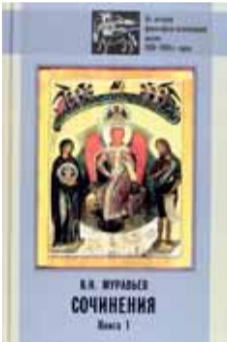

● Н.А. Заболоцкий. Поэмы. – М.: Прогресс-Плеяда, 2012. – 456 с.: ил. – 2000 экз.

В этой книге впервые собраны все сочинения выдающегося русского стихотворца, так или иначе имеющие отношение к жанру поэмы. Помимо трёх поэм, вошедших в Свод сочинений Заболоцкого согласно его завещанию, сюда включены длинные стихотворения, когда-либо носившие подзаголовок «Поэма» или «Отрывок из поэмы». Кроме того, поэтическое переложение «Слова о полку Игореве», стихотворный цикл «Рубрук в Монголии», наброски к неосуществлённому замыслу о герое по фамилии «Лодейников». Поэмы Заболоцкого – целое явление в русской поэзии XX века, и читатель легко в этом убедится, ознакомившись с ними в настоящей книге. Издание сопровождается обширными комментариями, иллюстрациями и документами, позволяющими заглянуть в творческую лабораторию мастера.

● В.Н. Муравьев. Сочинения (в двух книгах). – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 800 экз.

Издание представляет самые разные грани творчества Валериана Николаевича Муравьева (1885–1930), философа, писателя и публициста, в наследии которого соединяются традиции русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX века. Основу первой книги составила философская мистерия «София и Китоврас», посвящённая проблеме оправдания человека и истории, судьбам христианства, вопросам о путях и целях культуры. Вторая книга включает в себя философские и эстетические сочинения, проекты, письма, также впервые представлена драма Муравьева «Советник смерти». Афоризмы, заметки. Издание адресовано историкам русской мысли, философам, литературоведам, культурологам, а также всем интересующимся отечественным духовным наследием.

● Даниил Гранин. Заговор. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 320 с. – 4000 экз.

Новая книга Даниила Гранина – это размышление о времени, о том, что простой эпохи никогда не было и быть не может. С мужественной грустью вспоминает он тяготы военных лет, выпавшие на долю его поколения, и послевоенные годы, разрушившие надежды победителей на счастливую спокойную жизнь. Автор не обходит вниманием и сегодняшнюю действительность, которая, увы, тоже наводит на печальные мысли. В мире Гранина нет чётких этических границ, скорее – парадоксальность: сталкиваются грустное и весёлое, сложное и простое, обыденное и удивительное. В книге нет морализаторства, готовых ответов на сложные и волнующие вопросы, а есть только искреннее желание поделиться с читателем бесценным опытом много повидавшего и пережившего человека.

ТРЕТИЙ ВЕК С ЧИТАТЕЛЯМИ

Дорогие друзья!

Продолжается редакционная подписка на «ЛГ» с получением газеты непосредственно в редакцию по адресу: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6, каб. 205. Стоимость подписки на 6 месяцев (июль–декабрь 2012 г.) – 300 руб. Справки по телефону: 8 (499) 788-01-12, Анна Феклина.

ЮБИЛЕЯЦИЯ

275 километров книг

1 июля 1862 года император Александр II одобрил «Положение о Московском публичном музее и Румянцевском музее». Да, именно в составе нынешнего Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина родилась первая бесплатная публичная библиотека Москвы, в основу которой легла книжная коллекция графа Николая Румянцева. Российская государственная библиотека, которую все читатели до сих пор называют Ленинкой. А читателями этого уникального фонда отечественных и зарубежных изданий были в разные времена и обычные студенты, и великие

писатели, учёные, философы. Библиотека не эвакуировалась из Москвы и работала все тяжкие годы Великой Отечественной войны. Ленинка у всех общая и у каждого своя. Рассказывать о роли крупнейшего центра русской науки и культуры можно бесконечно. Но в дни празднования 150-летия этого бесценного хранилища источников знаний не грех сосредоточиться на цифрах. РГБ – это собрание 43 млн. единиц отечественных и зарубежных документов на 367 языках мира. Ежегодно библиотека пополняется 300–500 тысячами изданий. В здании необходимо постоянно поддерживать температуру 18–20 градусов, что в хранилище на 20 миллионов томов чрезвычайно сложно.

Помимо основного книжного фонда здесь представлены специализированные собрания из более чем 150 000 карт, 350 000 нот и звукозаписей, редких книг, изданий, диссертаций, газет и пр. Общая длина книжных полок РГБ – около 275 километров. В 2008 году в библиотеке открылось крупнейшее в Европе электронное хранилище

книг, а в 2009-м Российская государственная библиотека присоединилась к проекту Мировой цифровой библиотеки. В 2015 году рядом с основным комплексом намечено начать строительство нового здания. На строительство площадью в 80 тысяч квадратных метров потребуется 20 миллиардов рублей. Одновременно в залах новой библиотеки смогут находиться 2 тысячи читателей, и им не придётся ждать заказа более 30 минут. А можно и не ждать, а читать нужное издание в электронном виде. Любая книга, изданная на русском языке на территории России или российским издательством в странах СНГ, в двух экземплярах обязательно поступает в РГБ. Ежедневно в главную библиотеку страны записываются более 200 новых читателей. С юбилеем тебя, наша бесценная Ленинка, один из главных символов России!

ФОТОГЛАС

45 лет «ЛГ» выходит по средам, что хорошо известно читателям и подписчикам. И так получилось, что важное для истории отечественной журналистики событие, к которому самое непосредственное отношение имеет наша газета, тоже случилось в середине прошлой недели. В центре Москвы на Тверской улице, на доме 8, мы открыли мемориальную доску легендарному главному редактору «ЛГ», Герою Социалистического Труда писателю Александру Борисовичу Чаковскому. Именно при нём вышла в свет

первая «толстушка» СССР – 16-страничный еженедельник. Открытие состоялось при большом стечении народа – спасибо всем ветеранам и нашим друзьям, пришедшим на торжество, а также представителям газет, радио и телевидения. Перед собравшимися выступили заместитель председателя Государственной Думы РФ Людмила Швецова, главный редактор «ЛГ» Юрий Поляков, бывший первый заместитель А.Б. Чаковского Юрий Изюмов, председа-

тели Союз журналистов России и Москвы Всеволод Боданов и Павел Гусев, писатель Сергей Есин, депутаты Московской городской думы Евгений Герасимов и Степан Орлов, а также Сергей Чаковский, сын Александра Борисовича. Своё приветствие прислал писатель Генрих Боровик, оно заканчивается так: «Долгая и добрая память нашему Чаку – Александру Борисовичу Чаковскому!» Мы благодарим скульптора Игоря Новикова, архитектора Дмитрия

Васильченко, дизайнера Василия Васильченко. Это они сделали запоминающуюся, современную, стильную мемориальную доску, которая теперь украшает фасад дома, где жил наш главный. Признательны также за помощь и участие начальнику отдела охраны художественного наследия Департамента культуры Москвы Сергею Половинкину и ответственному секретарю Комиссии по увековечению памяти выдающихся событий и деятелей отечественной истории и культуры Валентине Шевчук.

ЗЛОБА ДНЯ

Зачем нужен закон Магнитского?

Комитет сената США по международным отношениям единогласно одобрил проект так называемого закона Магнитского. В его поддержку высказались и республиканцы, и демократы. Зачем он так понадобился американцам? Взяли поправки Джексона-Вэника к Закону о торговле США, многие десятилетия (с 1974 г.) отравляющему наши отношения? Сделает ли сей закон более патриотичными тех наших чиновников, которые держат свои средства в банках США и там же предпочитают учить своих детей?

«Перезагрузка» и косметика

Валерий КОМЯКОВ, генеральный директор Совета по национальной стратегии:

– Закон Магнитского начинает обретать ясные перспективы. Напомню: адвокат Сергей Магнитский (со слов его коллег) вскрыл схемы хищений представителями правоохранительных органов на сумму 230 миллионов долларов, в результате чего его самого обвинили в уклонении от уплаты налогов. После пыток состояние здоровья юриста ухудшилось, в медицинской помощи ему отказали, он умер в СИЗО «Матросская Тишина» в ноябре 2009 года.

В конце июня вслед за коллегами из палаты представителей Комитет по внешним связям сената США одобрил законопроект по «списку Магнитского». И вполне реально, что до конца президентской кампании в США он вступит в силу. Почему всё так повернулось?

Ускорение законодательства американских законодателей связано в первую очередь с тем, что популярность Обамы снижается. Да, инициаторами закона Магнитского были республиканцы, но демократы посчитали нужным, чтобы именно Обама обозначил тут американскую позицию. Добавит ли это его популярность? Возможно, хотя проблема прав человека в России – не самый важный пункт повестки дня президентской гонки в США.

В этой истории любопытны детали. Во-первых, секретность списка. Планировалось сделать его открытым, но потом, вспомнив о презумпции невиновности, ибо ни один из чиновников, причастных к «делу Магнитского», не осуждён российским правосудием, список засекретили. После реакции возмущённой общественности законодатели нашли компромисс, давля Госдепу самому решать вопрос открытости списка.

Во-вторых, сроки рассмотрения законопроекта в сенате. Комитет по внешним связям сената должен был собраться по данному поводу 19 июня, однако по просьбе сенатора-демократа от штата Вирджиния Джима Уэбба заседание было перенесено на «неопределённое время». Причины сенатор не объяснил, но, видимо, Обама не хотел портить настроение Владимиру Путину, с которым встречался в те дни на саммите G20 в Мексике. Путин вернулся в Москву, и спустя чуть более недели «неопределённое время» закончилось.

Наконец, третье – придание закону Магнитского статуса международного. Видимо, желая хоть чуток успокоить россий-

ских коллег, Госдеп получает право вносить в список «невъездных» не только российских чиновников, но и их собратьев из других стран, где есть проблемы с правами человека.

Что же официальная Россия? Набор эмоций. Адекватные и несимметричные ответные меры, заявления о «вмешательстве во внутренние дела» и т.п. Какие тут могут быть адекватные ответные меры? Что-то не видел я в нашем Сбербанке американских граждан, жаждущих пополнить вклады, да и детей американских бюрократов в наших вузах не встречал. Одни ковбои приезжают на русские просторы обучать наших крестьян.

Мнения обычных граждан иные. Мой приятель, далёкий от политики, сказал: мне просто стыдно, что этот закон принят в США. Это должны были сделать мы сами. Наши депутаты и сенаторы должны были потребовать наказать виновных в смерти адвоката.

История с законом Магнитского наводит на мысль, что истинными мотивами «перезагрузки» было не улучшение двусторонних отношений, а попытка склонить нашу бюрократию хоть на какие-то действия в области прав человека и реформы политической системы. Действия оказались лишь косметическими, а потому «перезагрузка» закончилась.

За порогом

Александр СЕВАСТ'ЯНОВ, политолог:

– США всё же решили взяться за наше воспитание и поэтапно принимают некий закон имени Магнитского, согласно которому от полутора до двух сотен российских чиновников окажутся «невъездными». Так в своё время отказали во въезде Иосифу Кобзону по подозрению в мафиозности. Как тот ни упирался, ни клялся в младенческой невинности – нет, и всё!

В некоторых европейских странах, похоже, намерены взять пример со «старшего брата», тоже задумываются о подобном законе, а между делом изучают банковские счета российского происхождения, на которые могут течь неправедные денюжки.

В принципе, конечно, это их дело – кого впускать к себе, кого нет. Возможно, у них своих коррупционеров хватает, зачем дополнительно ещё и наши? Хотя, на мой личный взгляд, презумпция невиновности должна всё же соблюдаться и без судебного решения санкций быть не должно.

Так что же теперь – кричать: «Наших быют! Где справедливость? Дискриминация!»

Однако я не очень огорчён таким законодательским поворотом в отношении отдельных чиновников. А тем более мафиози. Прежде всего потому, что считают: россий-

ские деньги должны находиться в России. Насколько мне известно, к такому выводу незадолго до выборов пришёл Владимир Путин. Может, это по его просьбе американцы закон сочинили?

Мечтается: хорошо бы во всём мире ВСЕ российские частные капиталы обьявили бы нон грата. Нежелательными. Как и всех их владельцев. А то, что такое – двести человек всего-то? Мы бы, со своей стороны, наоборот, обеспечили бы такую тайну вклада, которая никакому Кипру и Багамам не снилась, не говоря о Швейцарии, чьи банковские секреты давно вскрыты разными спецслужбами. И тогда распухая от денег Россия стала бы заслуженно процветать... Вот такой асимметричный ответ Западу.

Ну а если серьёзно, то случившееся, конечно, симптом. И сигнал нашей так называемой элите, каждый представитель которой отныне примерит на себя участь откатника.

И отличию: меньше будет пустых мечтаний. В начале путинского царствования властная элита жила тщеславными до безумия иллюзиями. Их выразил гендиректор информационного аналитического агентства при Управлении делами президента РФ Александр Игнатов, который возмечтал, чтобы российская правящая элита могла получить некую роль в системе глобального управления. Мечты, мечты...

Прошло двенадцать лет. Надежда нашей политической элиты влиться в состав мирового правительства и поругить немного земшаром, как оно рулит Россией, так и осталась мечтой бедных родственников, которых не пускают дальше каморки для прислуги. Деньги, даже очень большие, ещё не всё решают между джентльменами. И даже не дают статус джентльмена. Мировая элита жёстко указала российским коллегам на их реальное местоположение. Закон имени Магнитского лишь штрих на полотне. Нашим должно стать окончательно ясно, что их судьба всецело зависит от судьбы страны, которая дала им шанс. В полном соответствии с первым законом элит: лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме.

Чтобы российская элита стала более-менее равноправной среди мировых элит, она должна жить в России, вкладывать деньги в Россию, защищать и обулаивать её, учить своих детей в России, поднимать престиж России. И так три-четыре поколения. Возможно, потом её снова станут пускать в приличные дома.

Двумя кулаками

Вероника КРАШЕНИННИКОВА, генеральный директор Института внешнеполитических исследований и инициатив – ИНВИССИН:

– Законопроект Магнитского единогласно поддерживают и демократы, и республиканцы – и это отнюдь неудивительно. Расхожая идея о том, что России легче иметь дело с республиканцами, а демократы слишком много занимаются правами

человека, ошибочна. У боксёра два кулака: он работает то правым, то левым, исходя из ситуации – а голова у боксёра одна.

После встречи президентов Путина и Обамы 19 июня Белый дом внёс в закон изменение: привлекаться будут не только россияне, но и чиновники других стран. И этот иезуитский ход был представлен как поступок России!

«Дело Магнитского» выполняет несколько задач.

Во-первых, служит консолидации общественного мнения США против России. Чтобы демонизировать какое-либо государство, внутренняя пропаганда постоянно требует свежих тем, которые заполняют информационное пространство и позволяют постоянно муссировать пропагандистский негатив.

Во-вторых, «дело Магнитского» необходимо для мобилизации конгресса США. Он играет ключевую роль в формировании политического климата и повестки дня и в текущий период набирает бешую политическую форму для перехода к новому типу отношений с Россией.

В-третьих, принятие закона окажет поддержку российской оппозиции – не зря же Немцов, Рыжков и компания на протяжении нескольких лет ездили выступать в западные парламенты и делали фильмы на эту тему. При столь слаженной работе российской оппозиции и Вашингтона конгресс США не может не принять закон.

«Дело Магнитского» – очередной виток в нагнетании давления на Россию. В Вашингтоне поняли: мартовская смена власти в России положит конец «перезагрузке» как механизму превращения России в инструмент обслуживания интересов США. Причём нагнетание внешнего давления идёт параллельно и пропорционально наращиванию силы внутренней оппозиции. Маска «партнёра» будет сброшена, Вашингтон начнёт использовать более жёсткие инструменты в отношении России.

Посол США в России Майкл Макфол подчёркивал, что не нужно связывать американскую позицию по «делу Магнитского» с другими аспектами отношений между Россией и США: «Я бы хотел вернуться к нашему принципу неувязывания различных сфер отношений друг с другом, так как в противном случае это мешало бы нам сотрудничать по Сирии или по Ирану». В расшифрованном виде этот «принцип неувязывания» звучит так: мы ведём подрывную работу против вас и одновременно используем ваши ресурсы и влияние для реализации наших интересов, в частности для свержения руководства Сирии и Ирана.

Сделает ли закон наших чиновников более патриотичными? Известный список составляют сотрудники МВД, ФСБ, ФНС, Арбитражного суда, Генеральной прокуратуры и Управления по исполнению наказаний. Маловероятно, что эти люди держат на Западе свои самые ценные «3 Д» – деньги, дом. Однако список может пополняться, и это может повиснуть дамокловым мечом над некоторыми чиновниками. Но и здесь борьба с коррупцией не есть цель США: Вашингтону нужно выжимать выгодные для себя решения из тех чиновников, которые, как пойманная рыба, висят на коррупционном крючке.

СИТУАЦИЯ

Забытые соотечественники

В Совете Федерации выступил руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Константин Косачёв и рассказал о проблемах, которые предстоит решить данной организации...

Тот, кто бывает в бывших республиках СССР, за исключением Белоруссии, знает: русский язык отсюда уходит, там вырастает поколение, которое изъясняется на нём едва ли не на уровне африканцев.

И вот Россотрудничество разработало концепцию работы по распространению русского языка. Есть план разработать ещё и концепцию программы «Русская школа за рубежом» с учётом образовательных стандартов РФ. Ещё в агентстве считают необходимым «перевести на бюджетное финансирование патронаж имеющихся для России историко-мемориальное значение и находящихся за рубежом захоронений соотечественников». Всё верно, иные мемориалы и кладбища нельзя посещать без чувства стыда за свою страну. Остро стоят проблемы добровольных переводчиков. Тоже факт. Но как всё пойдёт дальше? Переждут ли перемены? Вопросов гораздо больше, чем ответов.

Россотрудничество считает, что для успешной работы необходимы и расширение полномочий, и решение вопросов кадрового и финансового обеспечения. «Выделяемые сегодня 300 тысяч рублей в год, то есть около 1 тысячи рублей в день, – это неоправданно мало», – подчеркнул Косачёв. Для сравнения: оказание помощи зарубежным странам было объявлено частью внешней политики США ещё в 1946 году. В 2010-м её общий объём составил \$39,4 миллиарда (1,1% бюджета страны). На обеспечение «справедливого и демократического управления» выделено \$3,65 миллиарда. За последние пять лет расходы на эти цели выросли более чем вдвое.

Ещё руководитель агентства заметил, что было бы полезно воссоздать Российский союз обществ дружбы и вернуть союзу Дом дружбы в особняке на Воздвиженке. Правда, адрес впрямую назван не был, но все догадались.

В середине девяностых началось выдавливание руководимой тогда Валентиной Терешковой Российской ассоциации международного сотрудничества (правопреемники ССОДа – Союза советских обществ дружбы) не только с политической арены, но и из места размещения, а это как раз особняк на Воздвиженке с соседними постройками. Рассказывают, что как-то легендарное место посетил тогдашний премьер Михаил Касьянов. Собрался минут на 15, да задержался. Туалеты ему не понравились, а всё остальное... Кто был, знает: там есть на что посмотреть. И было где проводить концерты, встречи, фестивали, выставки.

С того момента чиновничья иезуитская атака только усилилась. Длится не один год. Руководители обществ дружбы (видные деятели науки, культуры, образования) писали властям: SOS! Но... Терьер в особняке Дом приёмов правительства РФ (их, сами понимаете, не хватает власти предрежащей). Общества дружбы оказались на улице. Вместе с Домом дружбы был, по сути, поставлен крест на российской народной дипломатии. Страны, уважающие себя (Америка, Франция, Англия, Китай), как могут, развивают её, а у нас... особый путь. Когда кто-то слышит баритон Михаила Касьянова по поводу «честности во всём», пусть вспомнит об этом факте.

В середине нулевых до кого-то стало доходить, что совершена ошибка. Совет Федерации, судя по принятому постановлению, намерен поддержать Россотрудничество в вопросе выделения дополнительных средств на решение его программных целей. Может, и Дом дружбы появится...

Но вот удается ли переломить никудашную ситуацию в деле сотрудничества с соотечественниками? Спасут ли положение дополнительные средства и помещения? А может, нужны и новые идеи и подходы?

Владимир СУХОМЛИНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979
УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «Издательский дом «Литературная газета»
ИЗДАТЕЛЬ: АНО «Редакция «Литературной газеты»
Главный редактор: Юрий ПОЛЯКОВ
Первый заместитель главного редактора: Леонид Колпаков

Заместитель главного редактора: Валерий Павлов (представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)
ОТДЕЛЫ:
«Политика, экономика»: тел. 8-499-788-01-06 шеф-редактор Игорь Серков, обозреватель Владимир Сухомлинов
«Литература и библиография»: тел. 8-499-788-02-05 ведущий редактор Марина Кудимова; Игорь Панин
«Искусство»: тел. 8-499-788-02-12, Евгений Маликов

Анна Кузнецова, Арина Абрессимова
«Телевизионный»: тел. 8-499-788-00-53 ведущий редактор Александр Кондрашов; Олег Пуханцев
«Общество»: тел. 8-499-788-02-08 ведущий редактор Людмила Гамаунова; Наталья Гамаунова
«Клуб 12 стульев»: тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт
Обозреватели: Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Алев Жожуб, Игорь Гамаунов

Спецрепортёры: Анастасия Ермакова, Ольга Моторина
Отдел оформления: тел. 8-499-788-01-13 ведущий редактор Евгений Федоровский; художественный редактор Антон Меньшов
Собственные корреспонденты: Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Омская область, Татарстан), Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Сергей Евстратов (Республика Македония), Сергей Марьян (Закарпатье), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия),

Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай)
Московский тираж – 60 351 экз.
Федеральный тираж – 35 707 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.
Общий тираж: 138 558 экз.
Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписан к печати 3 июля 2012 г. Зак. № 12-07-00033
Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рензиторвать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)
Подписка и размещение рекламы: тел. 8-499-788-00-52
Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.
Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028
Автоинформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10
Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru
Факс: 8-499-788-00-52
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

«ЛГ» № 9, 2012 г.

ДИСКУССИЯ

Нью-интеллигенция на марше

Последнее время либеральную прессу будоражит неслыханная новость: в стране народилась «новая интеллигенция». Целая социальная прослойка — это вам не фунт изюму. Это вам не кот начхал. Активная, политически подкованная, граждански сознательная.

Как и следовало ожидать, рождение нового гегемона окутано тайной.

Прежде всего: ну откуда новой интеллигенции взялась? Ведь ещё в 1990-е было решено отправить мэнэсов, завлабов и прочих «пережитков совка» на свалку истории. Да-

бы их разговоры о справедливости и всемирной отзывчивости не мешали предприимчивым «креативным» пацанам разруливать дела и решать вопросы.

Правда, на свалку попали не все. Кое-кто из бывших людей оказался мобилизован и призван. Но в подавляющем большинстве бывшая прослойка советских образованцев направилась по трём направлениям: в эмиграцию, в чёлки и в запой. Порвалась цепь времён.

Так откуда же взялась новой интеллигенции сейчас, кто и для чего её придумывает и создаёт?

их зарабатывать. Старый интеллигент служил бескорыстно, то есть бесплатно. Сейчас всё иначе. Новые интеллигенты очень часто оказываются в бизнесе».

Это ключевая фраза. Вот теперь окончательное ясно, каким будет следующий «материал» для опытов. «Капитаны бизнеса» и сегодня присутствуют в списках нью-интеллигентов, вывешенных «МН».

Разумеется, это элементарная подмена, перевёртыш. Ведь можно было начать с другого конца и сказать: бизнес у нас нынче пошёл интеллигентный и морально ответственный. Готов строить летдома, давать на храмы, на социалку. Но за такие заявления в лучшем случае сразу засмеют. Всем известно, что делают в нашей социалке юргенсы и кудрины и для чего в России благотворительность. Кстати, ещё в начале «нулевых» писательница Татьяна Толстая на полном серьёзе объявила конкурс на прозу, где бы героем был «бизнесмен с человеческим лицом». То есть с социальной ответственностью. И сборник рассказов с такими «лицами», кажется, был опубликован. Почти одновременно с историями о добрых и справедливых милиционерах.

Сегодня это уже даже не смешно. А потому создатели новой прослойки перевора-

они толкали власть к кровавой расправе в 93-м, навязывали стране номенклатурный передел собственности. Сегодня они научились ругать власть, будучи во власти. Определяя её курс, устами министров требуя срочно уменьшить количество образованных людей в стране. Как точно заметил кто-то из левых лидеров, «совершенно очевидно, что те, кто выступал в качестве лидеров протеста, были в отношении к протесту такими же точно узурпаторами, как, с их точки зрения, власть была по отношению к обществу в целом. И даже, может быть, в большей степени, потому что поддержка власти в обществе всё равно была выше, чем поддержка оппозиционных лидеров среди их же собственных сторонников». Именно так это и называется. Обыкновенный цинизм.

Но это всё по части морали. А как обстоит дело с идеологией?

ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Это вопрос куда более конкретный, а главное — насущный. Ведь чтобы «рассерженный горожанин» легко жился в предложенную роль, его надо просветить и политически образовать. Объяснить, что полезно и что вредно для общества, о котором ему, согласно его новому статусу, надлежит думать денно и нощно.

Как известно, официальной идеологией, вложенной в том числе и в уста «новых интеллигентов», у нас является «теория модернизации». Мы более-менее знаем, что это такое. Это нанопильцы в дополнение к ржавой нефтяной трубе. Это амнистия капиталов. Это деградация науки, армии и индустрии. Это реформация православия плюс секвестр всего на свете — бесплатного образования и медицины, пенсионного возраста, родительских прав. Ну и регулярное хождение на митинги.

Если опыт доведет до конца, все эти «ценности» новому гегемону придётся принять, а затем заставить принимать и нас. Поэтому следует сказать пару слов об их происхождении.

После развала СССР и упразднения истмата в статусе интеллектуально модных побывало множество общественных теорий. Теория тоталитаризма, конфликта цивилизаций, конца истории и проч. Не последнее место среди них занимает теория модернизации. Суть её, если коротко, в следующем: развитые страны указывают менее развитым их путь. Менее развитые усваивают их идеологию и проходят их стадии развития — в общем, модернизируются.

Возникла эта теория в 50–60-е гг. и использовалась для контроля за бывшими колониями. Эти самые колонии, страны третьего мира, получили политическую свободу, но их нужно было вторично привязать к себе. Уже экономические. В период разрядки теория «модернизации» окончательно была признана несерьёзной и пропагандистской. Работы независимых исследователей показали, что метрополии вовсе не нуждаются в новых конкурентах и потому, используя своё влияние и финансовые инструменты, напротив, консервируют и тормозят развитие стран-аутсайдеров. Но после краха СССР теорию «модернизации» вновь вытаскивали из чулана, чтобы применить к «новичкам» из бывшего Восточного блока. Вот и вся разгалка. Вот с чем мы имели дело раньше и имеем сейчас. Вот с чем нам предстоит иметь дело в будущем.

Именно «новой интеллигенции» поручено заткнуть эту капсулю в «толстый-толстый слой шоколада», состоящий из гуманитарных ценностей. И эти люди будут служить нам моральным камертоном и являть чудеса гражданственности. Что ж, посмотрим их в деле. Труд актёров политического театра, как всякий труд, наверное, достоин уважения.

А нам надо понять, есть ли хоть какая-нибудь разница между «властью» и «новой интеллигенцией». И какое отношение ко всему этому имеют старые интеллигентские комплексы, помянутые всеу творцами очередного гегемона.

По-моему, абсолютно никакого.

Александр ШИПКОВ

СОЗДАНИЕ НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Всё началось в феврале 2012 года. Явление в мир новых интеллигентов провозгласили «Московские новости». Их отличие от большей части дорогих россиян, если верить газете, — это наличие гражданской сознательности и ответственности за судьбу страны. Названные добродетели, как выяснилось, и привели этих людей на митинги, откуда они вышли уже «новыми интеллигентами». Как это получилось, никто не знает.

Вообще-то явление нового человека — знакомая тема для тех, кто родился и жил в СССР. Но советские идеологи склонны были объяснять этот процесс строго научно. А современные знатоки коллективных душ рождение нового сословия объяснили по всем правилам космогонического мифа: мол, всё происходит из ничего.

Кем же господа новые интеллигенты были раньше? А никем. Это люди, морально преобразившиеся на волне снежных протестов и передвижных майданов. Просто моральное начало в них раньше дремало. Но случилась Болотная, случился проспект Сахарова — и оно проснулось. Вот почему они могут теперь носить гордое звание интеллигента. Не поверите, но списки «ударников» морального преображения тут же составили и опубликовали. На сайте «МН» в разделе «Мы вас представляем» (вот прямо так, чёрным по белому) повесили два списка образцовых нью-интеллигентов. Кого только там нет. Рестораторы, владельцы прачечных, общественники...

К сожалению, торжественное открытие Доски почёта омрачилось небольшим затруднением. Уважаемое издание внезапно призналось, что оно, «как и вся страна», исто- то, но безуспешно пытается «дать определение новому социальному слою, который, как оказалось, появился за последние годы в России».

Для верности «МН» сослались на реплику героя явно не своего романа, Владислава Суркова, который назвал этих новых людей «рассерженными горожанами». В тон Суркову колунами «МН» Виктория Мусвик предложила именовать этих существ «невидимыми людьми». А ещё, настаивает газета, они — «бандерлоги», «креативный класс», «взбунтовавшиеся хипстеры», «офисный планктон», «заевшиеся москвичи»...

Стоп. Определений более чем достаточно. Самим своим количеством определения эти создают весьма насыщенную среду — «гул языка», как сказал бы философ и критик Ролан Барт. Гул этот подобен концентрированному соляному раствору: того и гляди выпадут кристаллики. Вот из этого гула, как водится, и родился миф. О новом гегемоне. Креативном и неведомом.

Слово «гегемон» употреблено здесь неслучайно. Дело в том, что «новая интеллигенция», если принять во внимание обстоятельства её рождения, культурный уровень и социальные амбиции, похожа не столько на интеллигенцию старую, сколько на пролетариат. Во-первых, ближайшая задача «новых интеллигентов», как когда-то рабочего класса, — политически просветить и увлечь обывателя, привести его на митинг. Во-вторых, искусственность происхождения.

Когда-то красная власть наделала «гегемонов» из бывших крестьян, отлучив их от земли и согнав в города. Интеллигентам сегодня тем более неоткуда взяться. Ведь старая интеллигенция — «лишние люди», энтузиасты из «НИИ ЧАВО» сегодня уничтожены как класс и массово не воспроизводятся. Вся надежда на виртуальные технологии. На создание медийного образа.

МЕТОД ПРОФЕССОРА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Не зря Михаил Афанасьевич Булгаков облёк советский социальный эксперимент по получению Шариковых в медицинскую метафору. Что-то в этом роде затеяли, судя по всему, с нью-интеллигенцией. Но поскольку на дворе не военный коммунизм, а денежный феодализм, то и гегемон у нас соответствующий. В основном это тот самый офисный планктон. Сейчас на дворе «модернизация» (нано, твиттер, Большая Груба, пенсионеры капут). Нынешние соцтехнологи не озабочены даже такой малостью, как придумывание для новейшей офисной генерации

Большая часть прессы и ТВ, все заметные «контенты» обслуживают «манегеров». Еженедельники и «интеллектуальный глянец» — для манегера. Просто глянец и женские журналы, фитнес, спа — для супруги манегера. Подростковое чтиво, гаджеты, шоубиз — для его детей. Плюс сериалы из жизни подобных особей, «стильные» кафе, магазины образа жизни. И — «умная беллетристика» в лице Б. Акунина и прочих. С вечным «интеллектуальным» сюсюканьем и ободряющим похлопыванием по плечу: молодец, читатель, не забыл основы школьной программы.

Вот такой наборчик. А ведь настоящий планктон — это менее 10% населения страны. Но многие всё равно едят-читают-смо-

РИА-Новости

моральных принципов. Они просто присвоили манегерам, а заодно хипстерам и прочей софьяне титул «интеллигентов». А чтобы не слишком бросалось в глаза несоответствие, добавили эпитет: «новые». И точка.

Тут, правда, можно возразить: не все «новые интеллигенты» происходят из офисного планктона, не всех можно отнести к миддл-классу. Ведь, как справедливо замечают в «МН», «даже материальный статус этих людей очень разный — от полунцифры аспиранта до крупного бизнесмена». С крупным бизнесменом дорога редакция, может, и погорячилась. А в остальном всё верно.

Фокус, однако, в том, что принадлежность к миддл-классу в России в отличие от Европы — не вопрос достатка или статуса. Это вопрос нравов и идеологии. Взгляните на результаты опросов и удивитесь. «Средним классом» считают себя и миллионеры, и люди с месячным доходом в 45 000 рублей. Middle class по-русски — это убеждения (неолиберализм), вкусы (дешёвый гламур) и вполне конкретная мифология (нет бога кроме прогресса).

Кто-то когда-то назвал нацизм идеологией лавочников. Сегодняшний социал-дарвинизм — это идеология менеджеров. Специалисты по подсчёту чужих денег, чужих идей и чужих продуктов труда. А также тех — и они куда многочисленнее — кто хотел бы походить на них. Менеджеров по духу, а не по букве.

Тех, кто разделяет эту идеологию, во много раз больше, чем самого «офисного планктона». Недаром вся экономика услуг работает на этот стандарт. PR-агентства, дистрибуторы, девелоперы, провайдеры, рестораторы, банкиры, мерчандайзеры, дизайнеры, юристы, эксперты и проч.

трат всё то же самое. Когда меньшинство талантливых приклевывается большинством, это и называется гегемонией. «Новая интеллигенция» идёт тем же самым путём — точнее, её ведут.

Манегер сказал — манегер сделал. К «офисным» пришли гипофиз — моральные императивы старой интеллигенции. Чтобы получить на выходе нечто облагороженное. Эксперимент только начался.

Александр Архангельский сетует: «Они не ощущают себя особым избранным сословием, которому история поручила давать всему моральные оценки... С одной стороны, им не присуще чувство народного избрания, а с другой — они меряют исторический процесс моральным мерилом».

Ребяткам для простоты объяснили, что мораль и нравственность — это когда у нас на выборах мухлюют, а они выходят на площадь и требуют прекратить безобразие, млея от своей гражданской сознательности. Это делает их лидерами общества, избранными людьми, уполномоченными давать всему моральные оценки. «Новая интеллигенция должна быть политической активной», — утверждает «МН».

Вроде всё ясно. А вот поди ж ты. Приживаются императивы плоховато. Но постепенно опытный экземпляр, конечно, доведут до ума и отключат от аппаратов. А что дальше? А дальше — продолжение опыта. И... улучшение исходного материала.

Александр Архангельский уточняет: «Как ни удивительно, но впервые в русской истории зарабатывание денег и общественное служение перестали быть двумя вещами несовместными. Кем был раньше русский, да и советский интеллигент? Он не умел обращаться с деньгами, презирал тех, кто умел

чивают проблему на 180 градусов, как шахматную доску. Какие такие олигархи? Нет, просто этот парень, ну этот, новый интеллигент... ответственный такой. Он вообще-то ещё и бизнесом подрабатывает... Да кто бы сомневался».

МОРАЛЬ НЬЮ-ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

Без моральной риторики рождение нового гегемона не обошлось. От его провозвестников то и дело приходится слышать, что, мол, власть очень цинична, развращает общество. А задача неоинтеллигентов — внести в нашу жизнь старые, добрые, но хорошо забытые ценности. Смешно. Но смеяться нет сил.

Власть заинтересована в цинизме подданных. Так ими проще управлять. Но в обществе, где господствует самодержавие денег, цинизм пронизывает все сословия. Циничен бизнес — потому и намерен одеваться в шкуру интеллигенции. Цинична гуманитарная прослойка, сочиняющая нью-интеллигентов и выдувающая из своей дудочки красивые социальные фантомы.

Общество, которое не чувствует себя нацией, обречено на цинизм. Рассуждения в духе академика Дм. Лихачёва об экологии души и т.п. сегодня могут вызвать опять же только смех.

К счастью, у нас есть опыт 90-х. И обмануть нас снова будет не так просто. Сегодня никто не ползет за «Новым миром» в поисках поводов для размышлений и руководства к действию. И не станет слушать вождей «новой интеллигенции».

Сейчас эти вожди много говорят о политической ответственности. Мы помним, как

КНИЖНЫЙ РЯД

Знакомые истории

Нынешние российские политические романы имеют одну особенность — в них мало выдумки и много документальности. Нынешние политические реалии таковы, что по своей остроте не уступят самому убойному триллеру. Вот почему, работая над политическим детективом, драмой, трагифарсом, выдумывать можно по минимуму, а остальное — заимствовать из реальной жизни, совершив лишь небольшие переделки.

Роман «Кремлёвский Сурок» Сергея Комкова сделан именно так. Самая фантастичная часть рассказывает о том, как в кабинете кремлёвского чиновника Сыркова В.М. посылается американский сурок — супердроссированный живизн-киборг, под кожку которого вживлены чипы, позволяющие контролировать этого «агента» и даже влиять на людей, оказавшихся рядом с ним. Сурок-киборг, как и все

прочие американские сурки, сладко спит зимой, а весной просыпается. Разумеется, выборы президента РФ, состоявшиеся 14 марта 2004 года, подпали под период активности. Вот и вся фантастика. А остальное — жизненная правда.

Сурок, который сидит в кабинете «серого кремлёвского кардинала» Сыркова и подслушивает разговоры, узнаёт примерно то же, что мы каждый день узнаём из газет и Интернета. Фамилии тех, с кем взаимодействует Сырков, почти не камуфлируются. Мы сразу понимаем, кто такие «Герст с первого канала», Владимир Адольфович Жирновский, Фрикман, министры Перегреб и Антихристенко. У нас нет сомнений по поводу того, откуда взялось название компании «МУКОС» и название партии «Бегущие вместе».

В том же ключе сделан роман «Погружение во мрак», который является логическим продолжени-

Кремлёвский Сурок / Сергей Комков. — М.: Алгоритм, 2011. — 240 с. — (Кремлёвский триллер). — 3000 экз.

Тень Большого брата над Москвой: Сборник / Сергей Комков. — М.: Алгоритм, 2011. — 304 с. — (Кремлёвский триллер). — 3000 экз.

ем истории о кремлёвском сурке, но с другими героями. На первое место в повествовании выдвигается профессор Воронцов, который в качестве эксперта Государственной Думы много путешествует по России и может воочию наблюдать резуль-

таты деятельности нового правительства, сформированного после выборов 2004 года.

Каждый эпизод российской жизни, попадающий в поле зрения Воронцова, — готовый материал для разоблачительной статьи в прессе, а рассказ о судебном разбирательстве по поводу ЕГЭ и вовсе позаимствован из личного опыта автора романа, ведь Сергей Комков — президент Всероссийского фонда образования.

Ещё больше жизненности книгам добавляет стиль повествования — скупой на эпитеты, близкий к газетному репортажу. Создаётся ощущение, что похожая история только вчера промелькнула в печати. Как тому стилю быстро привыкаешь, поэтому сначала кажется очень необычным другое произведение Комкова, опубликованное под одной обложкой с романами о последних выборах 2004 года. «Тень Большого брата» — небольшая, очень ярко рассказанная повесть о том, как Президент Большой Земли, он же Большой брат, он же Вован,

задумал полетать на истребителе и чуть не погиб. На беду Президента в его ближнем кругу оказался Браток, стремящийся устранить Большого брата и стать новым руководителем страны. В результате на истребителе во время выполнения учебно-боевой задачи «случайно» взрывается ракета, а чудом уцелевший Президент «падает с неба» и проводит два незабываемых дня в отрезанной от мира таёжной деревеньке.

В этой повести кардинально меняется сама авторская манера, отступившая от репортажного стиля и приблизившаяся к сказке. Язык становится красочнее, образнее. Взять хотя бы строчки из пролога: «Дерево лет двадцать назад расщепило молния. Оно раскололось надвое, и засохшая отколота половина грустно повисла над пропастью. Упав в пропасть не давала тонкая, едва заметная сверху, но достаточно прочная внутри корневая система».

Перед нами та же социально-политическая сатира, но более древний её пласт — идущий от Салтыкова-Щедрина и его литературных

наследников. Именно поэтому в повести очень мало фамилий и названий, а есть только Президент, Премьер, Служба Безопасности. Есть также Палаты, которые до прихода Большого брата занимал некий Дед.

В своих книгах Сергей Комков, по сути, представляет нам два разных направления художественной литературы о политике. Одно из направлений представляет западную традицию — книга-расследование, составленная как будто из газетных статей. Второе направление — политическая сказка, которая особенно часто встречается именно в русской традиции.

Во всех случаях наша политическая реальность узнаваема, но русская литературная традиция всё равно кажется ближе, и в сказку, пусть даже самую фантастичную, верить хочется больше, чем в материалы журналистского расследования... А впрочем, каждый читатель решает сам.

ИЗДАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Я бы посоветовал писателям осваивать издательское дело»

Что происходит сегодня в издательской сфере? Нужна ли будет бумажная книга людям XXI века? Как писателям не отчаиваться и продолжать писать? Обо всём этом «ЛГ» беседует с поэтом, историком, фотографом, издателем, главным редактором издательства «Вече» Сергеем Дмитриевым.

— Сергей Николаевич, расскажите, пожалуйста, о наиболее интересных проектах издательства «Вече».

— К сожалению, сложность нынешней издательской жизни приводит к тому, что мы, как издательство не крупное, а среднее, вынуждены выпускать огромную палитру книг в разных сериях. У нас выходит минимально восемьсот названий в год. Из них примерно пятсот новинок. Удобнее выстраивать их в определённые серии, на сегодняшний день у нас работает около пятидесяти серий. Поэтому говорить о том, какие из этих серий самые интересные, довольно сложно. Из художественной литературы (проект этому, кстати, уже пятнадцать лет) — полное собрание сочинений Пикюля. Каждый год мы переиздаём его книги, у нас уже издано тринадцать собраний сочинений в разном виде, и интерес не иссякает. Несомненно, Пикюль до сих пор — лучший исторический романист. И — наша визитная карточка. На второе место я бы поставил серию художественной прозы — «Сибиряда». Мы сделали уже больше пятидесяти томов. Каждый месяц, как часы, выдаём по новой книге. Среди них не только классические произведения, но и романы современных писателей. Это самые продаваемые книги прозы.

— А тиражи какие?

— Семь-восемь тысяч. Если книга переиздается ещё раз, то десять-двенадцать. Надо заметить, лучше всего продажи идут в сибирском регионе. Сейчас вообще есть такая тенденция: региональные продажи конкретных книг намного выше, чем московские и петербургские. Понятно, что люди, живущие в Сибири или на Дальнем Востоке, хотят знать о своём крае, о своей истории. Для нас, конечно, сложнее из Москвы оперировать продажами в регионах. Если я, скажем, издал казачий роман, мне нужно его продавать в Ростове, на Кубани, а это довольно сложно с технической точки зрения. Но главное — интерес к книге, особенно в регионах, остаётся. В связи с этим мы разрабатываем специальные региональные проекты.

Из художественной прозы пользуется большим спросом серия «Военные приключения». Каждый месяц у нас выходит новая книжка. Тираж

поменьше, чем у «Сибиряды», но тоже неплохой — четыре-пять тысяч. Также неизменным успех у коллекций исторических романов, мы сделали уже семьдесят с лишним томов. А пару лет назад возобновили серию «Народная эпопея. Сделано в СССР» и «Народная эпопея. Любимая проза». Честно говоря, удивились, что советский классический роман, оказывается, востребован, тиражи примерно, как у «Сибиряды». Очень много книг мы продаём через каталоги, и примерно две трети всего тиража уходит в регионы.

Превосходно продаются просветительские серии «Сто великих», «Военные тайны XX века». Есть и новинки. Недавно мы открыли серию «Великие исторические персоны». Конечно, существует ЖЗЛ «Молодой гвардии», и она вне конкуренции. Кстати сказать, я же был главным редактором этого издательства и курировал там как раз ЖЗЛ. На мой взгляд, биографический жанр сейчас очень востребован, в этой серии мы издали уже около двадцати книг. Конечно, тиражи здесь меньше, но всё равно — это убедительный показатель того, что серьёзная литература всё-таки продается.

К юбилею 1812 года мы сделали специальную серию «1812 год». Безусловно, юбилейная тематика помогает эти книги продавать. Например, к юбилею Великой Отечественной войны мы сделали аж сто наименований книг! Такие вещи издательство должно чувствовать. Назревает юбилей Романовых, значит — мы делаем целую серию «Царский дом». Иногда приходится немного хитрить. Вот, например, выходит фильм «Пираты Карибского моря», мы делаем пиратскую серию, потому что знаем: на волне фильма эти книги будут пользоваться спросом.

Из ярких современных авторов назову Александра Проханова, мы выпускаем его десятитомное собрание, издал его новый, по-моему, очень любопытный роман «Человек Звезды», который представляет его творчество в неожиданном ракурсе. Упомяну и Елену Чудинову, известную и как прозаик, и как публицист. Мы издали её книгу публицистики «Похищение Европы» — об исламском вопросе в Европе, трилогию «Ларец», «Лилия», «Декабрь без

Рождества», а также готовим известную книгу «Мечеть парижской богематери».

Вообще мы отличаемся от других издательств тем, что у нас больше половины книг — это нон-фикшн. Наш конёк — историческая литература. Можно сказать, что мы первые историческое издательство в России. В год в издательстве «Вече» выходят четыреста-пятьсот книг по истории.

— Практически все издательства переживают сегодня трудные времена. Какие перспективы видятся вам в развитии издательского дела, и есть ли они вообще?

— Конечно, книжный рынок вступил в период стагнации, ощущается, что каждый год идёт некое падение. Но это падение только в некоторых нишах, допустим, в «Сибиряде» его нет. Пожалуй, больше всего кризисная ситуация ощущается в серьёзной академической истории. Возможно, потому, что в этих книгах совершенно отсутствует развлекательный элемент. То есть это книги — прежде всего для специалистов, для обычных читателей они тяжеловаты. Однако вот какой парадокс. Если сделать хорошую книжку, она всё равно продается, хорошие произведения так или иначе находят своего читателя. Через сарафанное радио, через Интернет, но всё узнаётся и находится.

Если говорить о перспективах, то главное — выбрать правильный подход. Во-первых, сегодня продажи серьёзно растут через интернет-магазины. У современного человека не всегда есть время прийти в книжный магазин, зачастую ему удобнее сделать заказ, не выходя из дома. Кстати, мы реализовали прекрасный проект «Мир глазами блогера», где запечатлены лучшие путешествия блогеров по свету, и, естественно, продажи этой книги выше именно благодаря Интернету. Хотя книга достаточно дорогая, её всё равно покупают. Также важны киосковые проекты, то есть продажа через киоски. Вот, скажем, мы сделали для продажи в киосках вместе с ОАО «Издательский дом «Литературная газета» (не путать с редакцией «ЛГ»). — *прим. ред.* 45 томов серии «Великие тайны истории». Подумайте, ведь только в одной Москве четыре тысячи киосков! Даже если в каждом будет продаваться в день по две-три книги, это уже станет заметно. Пока для нас сложное направление — работа с супермаркетами и крупными некишными магазинами, в том же «Ашане» больше востребована полсовская литература, чем та, которую выпускает «Вече», но всё же в данном направлении мы тоже пытаемся работать.

— Как, на ваш взгляд, бороться с наступлением массовой литературы и

сохранить небольшой островок литературы элитарной?

— В принципе всё, что я сказал, несколько противоречит тому, что якобы массовая литература нас победила. Ведь мы подобные книги вообще не издаём, но как-то же существовать. Если говорить в процентном соотношении, то массовая литература на самом деле занимает всего 13–15 процентов от всего книжного рынка. Просто она на виду: яркие обложки, реклама, продвижение, ценовая доступность. Наоборот, сейчас идёт падение тиражей таких книг. Это говорит о том, что народу нашему нужна другая литература. Кстати, по поводу элитарности. Мы за последние два-три года сделали уникальные поэтические проекты: двухтомник «Молитвы русских поэтов», объявленный лучшей книгой года, «Антология русской поэзии XXI века», «Антология военной поэзии», и сейчас мы работаем над антологией «Поэзия о русском языке». Что поразительно, книги эти продавались. А вот если издать отдельно какого-нибудь современного поэта, то продать сборник будет практически невозможно.

— Как вы видите литературное будущее нашей страны? Окончательно ли захватят электронные сурrogаты территории бумажных книг или всё-таки есть надежда, что останутся люди, верные им?

— Не надо бояться электронных книг. Да, в какой-то мере они наносят ущерб тиражам бумажных изданий, но не нужно паниковать. Издательствам надо самим легально работать в этой области, предлагая свои книги в электронной версии в хорошей обработке и по доступной цене. Пусть электронная книга будет стоить 50–70 рублей, но зато она будет доступна многим, и тот, у кого нет денег или желания приобрести бумажный вариант, сможет прочесть её в электронном виде. Это в конце концов лучше, чем не прочесть вообще. Меняется поколение, молодёжи комфортнее читать с помощью ридера. Я знаю точно: если издательство само не выложит книгу в электронном варианте, то кто-нибудь обязательно её сворует и всё равно где-нибудь разместит. Поэтому надо постепенно приучать людей к легальному электронному чтению. Плюс здесь несколько. Во-первых, книга, что называется, под присмотром, есть возможность книгу продвигать, во-вторых, автор получит пусть маленький, но гонорар. А если посмотреть на проблему шире, то вообще необходимо создавать электронное издательство. Ведь ни для кого не секрет, что публикация в Интернете сегодня может дать го-

раздо больше читателей, чем публикация на бумаге. Но всё должно быть, конечно, в рамках права.

Так что электронное чтение в какой-то степени — это программа по спасению интереса к чтению в России. Кроме того, это один из способов продвижения бумажных книг, ведь понравившуюся в электронной версии книгу человек наверняка захочет купить и в бумажном варианте. Но, к сожалению, пока ни издатели, ни писатели не пришли к пониманию данного вопроса.

— Вы сами поэт. Как вам пишется: по вдохновению или приходится прилагать серьёзные творческие усилия?

— Конечно, надо себя заставлять. Вдохновения можно так и не дожидаться. Лично у меня всё происходит следующим образом. Я настолько загружен в Москве, что как только я вырываюсь из ауры мегаполиса и выезжаю за МКАД, происходит удивительная вещь: я начинаю писать стихи. Иногда — сразу много. Я могу несколько месяцев вообще не писать, а потом за один день написать больше, чем за весь этот период. Наверное, поэтому я очень люблю путешествовать. У меня вышло два больших альбома, фотографии со стихами. Один — путешествия по России, другой — по миру, по сорока странам. Кроме того, я задумал интересный проект — «Русские поэты-путешественники». Ну давайте вспомним: Гумилёв был в Африке, в Абиссинии, Бунин — на Цейлоне, Грибоедов — в Иране, Пушкин — в Турции, Лермонтов — на Кавказе и т.д. Начав изучать литературные маршруты наших классиков, я так увлёкся, что, скажем, в Иране побывал три раза, проехал по всей стране, нашёл дом, где был убит Грибоедов, и много любопытных документов. Представляете, на этом доме даже таблички никакой нет! Я сам нашёл лестницу, полез на крышу — чуть не провалился! Всё в заброшенном состоянии, никому ничего не надо. Но ведь это наша история. История русской литературы. Между прочим, и Пушкин, и Лермонтов тоже очень хотели посетить Иран. Есенин, хоть и не был там, лучшие свои стихи написал именно о Персии. Поразительные вещи открываются! Сейчас вот готовлю книгу об Иране «Персидские мотивы».

— В Москву, кстати, совсем недавно приезжала делегация иранских писателей... Обещали пригласить в Иран. Стоит посмотреть?

— Безусловно. От Исфахана и Ширазы я испытал культурный шок. Это тысячелетняя культура, необыкновенной красоты мечети. Если сравнивать с Европой, то это на уровне Венеции и Флоренции. Когда ока-

заваясь в Иране, понимаешь, почему туда все так рвались.

Второй проект, которым я занят, это Афон. Я только что приехал оттуда, написал там большой цикл стихов. Сейчас делаю книгу. Что меня поразило: на Афоне не было почти никого из русских поэтов. Из прозаиков — только Борис Зайцев. То есть тема Афона в русской поэзии практически не звучит. Что, согласитесь, странно.

В этом году хотелось бы осуществить ещё одну мечту: поехать по следам Гумилёва в Абиссинию. Ведь исполняется ровно сто лет, как он поехал туда в экспедицию. Он пробыл там четыре месяца, привёз много фольклорных вещей плюс сто фотографий, которые, кстати, до сих пор полностью не опубликованы. Задача такая: проехать тем же путём, сделать фотографии современной Абиссинии. Времена смыкаются, соединяются! Также есть идея проехать путями Бальмонта. Он ведь единственный русский поэт, совершивший кругосветное путешествие.

— Ваш совет тем, кто сегодня, несмотря ни на что, продолжает писать.

— Писателям не надо плакаться, дескать, меня не признают, я вот написал великий роман, а меня не читают. Нужно искать новые направления, новые темы, и это рано или поздно будет востребовано. Необходимо продолжать писать. К сожалению, ярких литературных всплеск в наше время мало. Но с другой стороны — именно в сложную эпоху и может родиться что-то стоящее.

— На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задаю?

— Вот, пожалуй, на какой. Что это вообще такое — издательское дело. Честно скажу, мне в жизни повезло, я по профессии педагог-историк и в какой-то момент попал в «Молодую гвардию», тринадцать лет там проработал, за этот период выработал в себе какие-то издательские навыки. И понял — какая это удивительная яркая профессия! Каждый день в «Вече» рождаются две-три книги. Каждый день приходят интересные прозаики, поэты, фотографы. Я бы посоветовал писателям осваивать издательское дело, потому что, несомненно, писатель и издатель — профессии смежные.

В завершение хочу сказать, что я верю в то, что Россия ещё вернёт себе титул самой читающей страны в мире (хотя, наверное, в этом было некоторое преувеличение) и чтение никогда не иссякнет на наших просторах.

Беседу вела Анастасия ЕРМАКОВА

ДЕТИ И КНИГИ

Оживающая классика

Завершился I Всероссийский конкурс юных чтецов «Живая классика». Член жюри, народная артистка России Елена Камбурова размышляет о его итогах. И не только...

— Елена Антоновна, почему вы, такой занятой человек, согласились стать членом жюри большого финала Всероссийского конкурса юных чтецов «Живая классика»?

— Потому что во мне жила, живёт и будет жить надежда на духовно-нравственное возрождение России. Потому что за державу обидно. Это такой совершеннейшийклад — традиция художественного чтения, которая была и не прерывалась очень-очень долго. А прервалась только в 90-е годы. Традицию несли в основном драматические актёры. Вроде с театральными ролями они считали это нужным. Ильинский, Закушняк... Они читали в основном классику, очень серьёзные произведения, но и с юмором. Чехов, Горький, Гоголь. Были отдельные моноспектакли. Такой артист Владимир Рецеттер. Потрясающий. Из просто чтецких выступлений он вышел на Гамлета. Ещё раз хочу напомнить, что действительно, оказавшись в Москве, я попала в атмосферу города, в котором существовало несколько площадок: зал Чайковского, зал Библиотеки им. Ленина, Политехнический музей и в институтах. Среди огромного количества театрально-музыкальных афиш всегда находилось место для блистательных представлений жанра художественного чтения. На концерты туда очень трудно было попасть.

Этот жанр был очень любим, он был очищен от всего: один на один с произведением. И вот ещё раз участники конкурса доказали, что мало прочитать самому, надо услышать со стороны и увидеть то, чего ты не увидел: образное чтение, потому и называется художественное чтение.

И никогда не забуду вечер в зале Чайковского, вечер, когда Юрский читал Шукшина, и как было трудно туда попасть. Тогда ещё пожарные не так были бдительны, всё было усеяно людьми, они заполнили всё мыслимое и немислимое пространство. Я на этом выросла и не могла не читать тоже. И мои чтецкие работы — это чтение стихов, сказки Горького.

Наличие такого жанра — это лакус для уровня культуры в стране. Не будем смотреть на другие страны, почему мы должны всему учиться у них. Почему не наоборот. Вначале я настороженно отнеслась к идее конкурса. Впервые, боясь, что на кон-

курсе не может не отразиться влияние попы на подрастающее поколение, что участники будут читать по большей части эстрадные тексты. И потому большим подарком были серьёзные произведения, прочитанные вдумчиво и трепетно.

— А что огорчило?

— Надо было позвать Авангарда Леонтьева, Вениамина Смехова, Сергея Юрского, Александра Калыгина. Это все люди, которые действительно отдали часть своей жизни именно этому жанру, но я счастлива, что был Рафаэль Клейнер. Могла быть Антонина Кузнецова, но, к сожалению, не смогла. Кузнецова и Клейнер — это герои России, потому что у каждого из них по 40 солидных программ. Представьте себе, всё это подготовит самостоятельно и держать в своей памяти!

Ну и вести вечер можно более интеллигентно. Надо было сказать о нашем театре, одно название которого о многом говорит.

— Что нового для себя вы узнали о российских детях?

— Я ещё раз убедилась в том, что всё зависит от влияния, от впечатлений. Эти ребята чудесным образом избежали влияния массовой культуры, которое разучивает человека мыслить, понимать тонкие вещи и причасть к растительному существованию: одно развлечение — брать от жизни всё! Ведь гонорар — очень относительная вещь. И прибыль душевная и духовная — много выше и действительно не исчисляется деньгами. Богатство, которое никто не может отнять. А так, вы купите две машины, пять машин, но ничего в вашей ду-

ше не шевельнется, наоборот, всё больше душа будет закрываться для тонкости мира.

— О выборе произведений.

— Мне было очень приятно, что прозвучали размышления Бунина, Горького, «Гроза» Островского и первое место получил мальчик, который читал серьёзный фрагмент из «Детства» Горького.

— Что конкурс дал вам?

— Конкурс дал ощущение, что то, о чём я мечтаю: о культурно-нравственной революции в нашей стране — она реальна. Я о ней говорю, это моя государственная идея (смеётся). Нужна эта революция. Тогда ценности, система координат по-

меняются у огромного количества людей, и ребята будут знать, кто перед ними.

— Появилось ли у вас желание видеть кого-то из ребят на сцене своего театра?

— У меня появилась надежда на будущее. Что конкурс будет и в следующем году. И было бы очень хорошо организовать выступления финалистов конкурса уже перед публикой, не родителями и педагогами, а перед зрителями, которые придут специально послушать, будут знать заранее, что будет такой концерт, что выступят дети.

Беседовала

Екатерина МЕНЬШОВА

ПОСЛЕВКУСИЕ

На бронзу поспешили

В Ульяновске отшумели торжества в честь 200-летия великого земляка — И.А. Гончарова. Музей в доме, где он родился (отвешивший ранее в первом этаже), занял после реконструкции практически всё трёхэтажное здание, став культурно-литературным центром. На новых площадях органично сочетаются мемориально-бытовая обстановка с историко-литературной экспозицией. Задействован и подлинный сводчатый подвал-кладовая с ларями и полками, а внутренний дворик стал мини-театром на открытом воздухе. На улицах с баннеров смотрели мудрые глаза писателя, а вечернее небо расцвело пыльным продолжительным салютом.

Казалось бы — чего же ещё? Но я с грустью отметил, что на постаменте памятника Гончарову так и не появилась бронзовая надпись-факсимиле, запроектированная мною 47 лет назад. Дело в том, что памятник с фигурой Гончарова в кресле (скульптор Л. Писаревский) был открыт в 1965 году «партизански», без обязательного тогда постановления Совета министров СССР. Габариты постаumenta определил тогдашний главный архитектор города А. Бросман, он же и попросил меня (тогда молодого архитектора) в начале 1965 года выполнить проект его оформления.

Я отыскал факсимиле подписи Гончарова — оно оказалось красивым и легко читаемым. Но бронзовую

накладку к открытию сделать не успели, а на Руси нет более постоянного, чем временное; так плохо различима моя плоская врезка прожила 47 лет.

В газете «Симбирский курьер» был опубликован мой материал «Поставить постельную точку. Бронзовую» с призывом к юбилею довести площадку органично сочетаются мемориально-бытовая обстановка с историко-литературной экспозицией. Задействован и подлинный сводчатый подвал-кладовая с ларями и полками, а внутренний дворик стал мини-театром на открытом воздухе. На улицах с баннеров смотрели мудрые глаза писателя, а вечернее небо расцвело пыльным продолжительным салютом.

Лев НЕЦВЕТАЕВ, почётный архитектор России

«ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

«Нулевые» и обнуление

Чуть более двадцати лет назад постмодернизм триумфально вошёл в русскую литературу. Девяностые годы были временем его расцвета. О нём спорили, за него давали премии и, самое главное, его пророков читали. Конечно, не все, особенно почвенники, принимали его и тогда. Но постмодернизм от этого только выигрывал. Направление, изначально рассчитанное на эпатаж, казалось, подпитывалось этими скандалами.

И вот — всё угасло. Давно уже постмодернизм не вызывает былых страстей, герои скандалов стали вполне уважаемыми авторами. Экранизация Generation P провалилась (хотя дело тут, конечно же, не только в литературе). Последние «безобразия», связанные с постмодернистскими произведениями, пришлись аккурат на начало «нулевых», когда «Идущие вместе» (тогда ещё не «Наши») сжигали книги всё тех же Пелевина и Сорокина. Но и тогда эти заварушки были уже не вполне литературными, и читающая публика смотрела на них, скорее, недоумённо — политика, как всегда, запаздывала.

Идеи множественности истины, «смерти автора», текстовой природы всего на свете более не популярны. Напротив, сейчас каждый уверен в своём монополюльном обладании истиной. Героями нового времени стали предельно идеологизированные (каждый по своему) и предельно реалистические авторы...

Уже сегодня Саша Соколов, говоря о современной русской прозе, задаётся вопросом «где же традиции авангарда, идеи постмодернизма?» («Зеркало», 2011, № 37, 38). Лев Данилкин в статье «Клудж» («Новый мир», 2010, № 1) всерьёз говорит о кризисе течения. При этом он, правда, отмечает, что «нулевые» дали и несколько очень крупных образцов модернистской и постмодернистской прозы», но сама постановка такого вопроса показательна. Изменилась общая направленность российской литературы. «Тогда же — ровно десять лет назад, — пишет Л. Данилкин, — заявлявшие персонажа романа Михаила Шишкина «Взятие Измаила» о том, что «мы — лишь форма существования слов, язык является одновременно творцом и телом всего сущего», казалось таким же естественным, как «Волга впадает в Каспийское море»; однако чем больше проходил времени, тем более эпатажные оно представляется».

Но и сам Михаил Шишкин в последних интервью заявляет обратное: «Язык сам по себе — это ведь не реаль-

ность, а лишь способ проявления реального, «заязычного». Всему действительно важному (пониманию, любви, смерти) слова вовсе не нужны, наоборот, только мешают. Вот мы, реальные, отбрасываем тень — но разве тень может выразить нас?» («Эксперт», 2011, № 18).

Попробуем разобраться, что произошло.

Постмодерн был разрушителем. Разрушителем смысла и пафоса. В начале 90-х люди устали от официальной идеологии, от навязанных штампов и

в значительной степени вообще от каких-либо высоких целей. Хотелось просто жить — для себя и своих близких. Постмодернизм, обесмысливающий всё и вся, идеально соответствовал этому настроению. В какой-то степени он был ядом, уничтожающим отжившие идеалы. А вместе с ними и не совсем отжившие.

Конечно, и сам постмодернизм — двойственное понятие. Если говорить серьёзно, постмодернисты не просто уничтожили государственную идеологию. Им было что сказать. Просто говорили они не в лоб, а исподволь. Исподволь, потому что напрямую было опасно или, что ещё хуже, бессмысленно — искренние чувства были скомпрометированы многолетним использованием в качестве идеологических лозунгов.

Постмодернисты их не проговаривали. Заставляли догадываться о самом важном. Намекали, держа наготове спасительную иронию.

Теперь о том, почему это прошло. Во-первых, прошла мода. Мода на всё западное у нас вообще редко бывает долговечной, быстро уступая место природной антипатии к Западу. Во-вторых, постмодернизм вполне естественно стал исчезать с исчезновением идеологии. Положение постмодернизма в конце восьмидесятых — начале девяностых было положением

приёмов, чем стёрли границы между направлениями.

В-четвёртых, как мне кажется, повлияло и снижение общего уровня образования. Чтобы скрыто цитировать кого-то или понимать такие цитаты, для начала неплохо было бы этого самого кого-то прочитать. Сейчас постмодернизм очень многими воспринимается примерно так же, как когда-то воспринималось авангардное искусство некоторыми членами ЦК КПСС. То есть как бессмыслица и эпатаж. Тонкость и иронию современные читатели-блогеры вообще редко улавливают.

Но самое главное, я думаю, не в этом. Сейчас другое время. Время мучительного осознания большой страны самой себя. Перед страной, словно перед барьером на выданье, соперничают конкурирующие идеологии. Либеральная и новодержавная... А там, где конкурентная борьба, да ещё и в идеологической сфере, уже не до игр. Иносказания не работают. Сейчас и прямое — высказывание в 90 процентах случаев будет понято превратно и истолковано в зависимости от политических взглядов читателя. Так что на передний план вышли краткость, выитность и умение нанести оппоненту удар побольнее.

Сегодня время больших идей, время публицистики и дискуссий в интернет-блогах, время пафоса. Литераторы стали предельно серьёзны. В литературном сообществе всё более популярны «новый реализм» и «новая искренность», а то и «новый консерватизм», но никак не постмодернизм.

Бывшие постмодернисты, к слову, активно участвуют в этой борьбе. Они, разумеется, либералы. Блоги Бориса Акунина и Льва Рубинштейна об этом свидетельствуют вполне ясно. А те писатели, чьи имена сегодня «на слуху», — они вообще представляют литературу, смешанную с публицистикой, а то и с активной политической и общественной деятельностью. Боюсь, такое положение дел будет продолжаться до тех пор, пока в нашем обществе не возникнет некое согласие насчёт основополагающих ценностей. И только тогда уже новые сомневающиеся вновь начнут отступать на-мёмки, понятные лишь своим, и прятаться за маской иронии.

Бывшие постмодернисты, к слову, активно участвуют в этой борьбе. Они, разумеется, либералы. Блоги Бориса Акунина и Льва Рубинштейна об этом свидетельствуют вполне ясно. А те писатели, чьи имена сегодня «на слуху», — они вообще представляют литературу, смешанную с публицистикой, а то и с активной политической и общественной деятельностью. Боюсь, такое положение дел будет продолжаться до тех пор, пока в нашем обществе не возникнет некое согласие насчёт основополагающих ценностей. И только тогда уже новые сомневающиеся вновь начнут отступать на-мёмки, понятные лишь своим, и прятаться за маской иронии.

Сергей БАТАЛОВ, ЯРОСЛАВЛЬ

КЛАСС «ПРЕМИУМ»

Потребованные Чудом

Лауреатами четырнадцатого сезона Международной премии имени братьев Стругацких (АБС-премии), церемония вручения которой прошла в Санкт-Петербурге, стали: в номинации «Художественное произведение» — Наум Ним за роман «Господи, сделай так...» и Сергей Переслегин в номинации «Критика и публицистика» за книгу «Опасная бритва Оккама».

«ЛГ» побеспокоила отца-основателя премии и попросила ответить на некоторые вопросы.

— Борис Натанович, АБС-премия вручена в четырнадцатый раз. Как эта международная премия в области фантастической литературы справляется с «переходным возрастом»? И есть ли куда переключиться, развиваться?

— Задача премии, цель её, назначение с годами не изменились. Поощрять развитие отечественной фантастики, причём в первую очередь — фантастики реалистической, описывающей наш реальный, хорошо знакомый, привычный мир, искажённый, однако, изменённый, «потревоженный» Чудом. Эта задача, эта цель не нуждается, на мой взгляд, ни в развитии, ни в переориентации. Слава богу, ежегодно издаются десятки отличных произведений на русском, многие из

них породили бы литературную сенсацию в застойные времена, но и сейчас смотрятся недурно; ежегодно номинационная комиссия наша определяет самые значительные из них, а потом жюри — шестнадцать серьёзных мужчин и одна прекрасная женщина — определяет лауреатов. Порядок этот не менялся ещё ни разу, и мы не видим необходимости его менять.

— Какие открытия принесла АБС-премия?

— Открытия возникают ежегодно — спасибо благосклонным музам и неутомимым талантам. Четырнадцать книг-лауреатов, и каждая пусть небольшое, но открытие. Семь лауреатов-победителей (некоторые становились лауреатами дважды и даже трижды) — это гордость отечественной фан-

тастики, её костяк, её история, если хотите: Евгений Лукин, Сергей Синякин, Вячеслав Рыбаков, Марина и Сергей Дяченко, Михаил Успенский, Александр Житинский, Наум Ним и другие. А ведь есть ещё номинация «Критика и публицистика», лучшее (по мнению нашего жюри), что подарено было за эти четырнадцать лет нашему читателю мастерами эссеистики и литературоведения: Всеволод Ревич, Кир Булычёв, Анатолий Бритиков, Андрей Лазарчук и Пётр Лелик, Геннадий Прашкевич, Алан Кубатиев, Светлана Бондаренко, Антон Первушин, Александр Етоев, Евгений Войцковский, Николай Романецкий, Сергей Переслегин. Я мог бы назвать ещё и финалистов, тех, кто удостоен был чести попасть в шорт-лист, — это ведь тоже открытие, тоже обещания на будущее, просто им не хватило баллов для победы.

— Параллельно с премией вы создали АБС-фонд. Кто его учредители, какие у него цели?

— Я — человек суеверный. Промолчу. Подожду, пока со-

ответствующие органы утвердят наш устав и само наше существование.

— Вы собираетесь создавать музей фантастики при Центре современной литературы и книги. Есть ли у вас пожелания и обращения к энтузиастам фантастики, ко всем любителям этого уважаемого и сложного литературного жанра?

— Это наш старый заветный замысел. Центр современной литературы и книги в Петербурге мог бы стать идеальным хозяином такого музея. Но, как и раньше, проблема в значительной степени упирается в нехватку денег. Это — не

слишком большие деньги, но без добродетельного и щедрого спонсора нам обойтись не получится. Будем надеяться на лучшее. И, конечно же, будем рады любой помощи энтузиастов, знатоков и ценителей фантастики: готовы рассмотреть любые идеи и предложения по вопросам организации и оформления экспозиции — ведь дело это совершенно новое: по-моему, такого музея в России нет и не было ещё никогда.

— Какой тост вы готовы поддержать в первую очередь за то, чтобы не сбывались предсказания фантастов, или за сбываемость предсказаний?

— К счастью, фантасты — нилкудильные предсказатели. Иначе страшно даже представить, что творилось бы сегодня на нашем шарике! Так что — давайте ошибаться, друзья! Давайте ошибаться самым беспардонным образом. Аминь!

— Какой вопрос вы хотели бы подлечь от читателей «ЛГ»?

— Я не мастер придумывать вопросы. Вся жизнь я на них отвечаю. Раньше отвечал только на отборные. А сегодня — на любые и без пропусков. Из этого и исходите.

ЛИТ-ИНФОРМБЮРО

ЛИТКОНКУРС

Завершился литературный конкурс 1-й открытый чемпионат Балтии по русской поэзии—2012. 1-е место и золотая медаль конкурса достались Людмиле Орагвелдидзе (Тбилиси). 2-е место и серебряная медаль — Наталья Нечаянная (Москва). Подборка стихов «Почти никогда не страшно». 3-е место и бронзовые медали получили Александр Спарбер (Москва) и Георгий Чернобровкин (Олонец).

ЛИТЕРАТУРАЛИ

В г. Александрове на территории Александровского литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых прошёл XXXI Цветаевский

фестиваль поэзии. В рамках праздника поэзии были выставки, театральные, музыкальные, поэтические вечера и встречи, выступления известных писателей.

В посёлке Сынтула Касимовского района, на родине поэта и прозаика Бориса Шишаева, прошёл уже ставший традиционным фестиваль поэзии «Борис Шишаев собирает друзей». В рамках фестиваля подведены итоги конкурса непрофессиональных поэтов. Первое место заняла Екатерина Киркина (Касимов), второе — Вера Червякова (Шацкий район), третье — Галина Уляхина (Ермишинский район). Победители награждены дипломами и памятными подарками. Приз зрительских симпатий достался

Николаю Сильнову из Сынтулы.

В самарском «Арт-Центре» при поддержке компании «САМАРА-ЦЕНТР» проведён второй книжный фестиваль «Самарская Чита».

Идеология фестиваля — «Сделай сам!». По словам куратора В. Сушко: «Книги, изданные самими авторами, книги, написанные от руки, книги-коллажи, собранные изнеожиданных материалов, — самое интересное, что есть в книжной культуре Самары. Нет возможности напечатать книгу в типографии? Издай её сам! Сделай книгу такой, как ты её представляешь, без компромиссов, на которые часто приходится идти при сотрудничестве с издательствами». Фестиваль представил самарский самиздат в форме выставки

и презентации «печа-куча», где авторы книг по очереди за 6 минут 40 секунд должны были представить свою книгу зрителям.

ЛИТФОРУМЫ

На Алтае прошли краевые Рождественские чтения, посвящённые 80-летию со дня рождения поэта. На родине Роберта Ивановича, в селе Косиха, открылись мемориальный музей поэта и Центр патриотического воспитания имени Роберта Рождественского. В этом году, как и в 1960-х, участники фестиваля читали стихи с бортов грузовой машины ГАЗ-51.

В Себеже впервые прошёл Бунинские чтения, приуроченные к 100-летию пребывания Ивана Бунина на псковской земле. На торжественное открытие

ЛИТАКЦИИ

В Рязани завершилась акция «КнигоМания», подготовленная при поддержке сотрудников областной научной библиотеки имени Горького. В течение трёх дней рязанцы могли пообщаться с миром книг, не отрываясь от прогулки по центру города. Присев на скамейку у сквера, любой желающий мог предаться чтению, познакомиться с книгой, расположенной здесь же стеллажей. Часть книг можно было заполнить в

личное пользование, почитать в программе книгообмена. Горожанам предлагалось принести свои книги из дома и обменять их на библиотечные. А некоторые издания можно было забрать совершенно безвозмездно — к ним относились сборники стихов современных рязанских авторов.

ЛИТПРАЗДНИК

В селе Ёртом Удорского района прошёл ежегодный XXVI республиканский литературный праздник «Кому книга». Тема праздника — «Литература и духовность». Писатели, творческая интеллигенция Республики Коми приняли участие в круглом столе «Сердцу полезное Слово». В рамках круглого стола были подведены итоги районного детского фести-

ЗОЛОТАЯ СОТНЯ

«Сам себя постоянно перечитываю»

На этот раз пришла «Золотая сотня» от физика, историка и писателя Виктора Исайчикова. Похожа она больше не на прогулку по классической ухоженной аллее, а на рискованную вылазку в тропики. До того экзотичны некоторые из включённых в список книг. Назовём лишь самые необычные. Появился здесь И. Барков «Девичья игрушка», Макаренко «Педагогическая поэма», А. Авдеев «Я люблю», И. Васильев (Очерки), И. Сталин «Краткий курс истории ВКП(б)», В. Бушин «Избранная публицистика». Из зарубежных — китайская классическая лирика, японская лирика, исландские саги. Помимо Библии — ещё и Коран, К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», Т. Шевченко «Кобзарь», П. Валле «31 отдел», Л. Таксиль «Забавная библия. Забавное евангелие», М. Ларни «Четвёртый позвонки», Викфё Исмихай «Стихотворения и рассказы». За последним именем, как выяснилось, скрывается сам скромный автор.

К своей сотне автор прилагает довольно подробный и вменяемый комментарий, в котором отчасти разрешает недоумение по поводу включения в список тех или иных произведений и даёт убедительную, сообразную его логике, мотивацию. Мы сочли уместным привести комментарий полностью.

Подробные разъяснения от редакции по данному списку считаем излишними.

«Честно признаюсь, что Вашу газету регулярно и практически целиком читал до 1991 года, а сейчас — весьма редко, хотя по простой логике всё должно быть наоборот — до 1991 года я практически не занимался литературой, а сейчас пишу почти каждый день (не порывая с профессиональной работой физика). Но в одном из последних номеров подборка питевских профессоров физфака «Золотая сотня» побудила меня к действию, и я в один присест составил аналогичную подборку — аналогичную, но различающуюся по сути. Дело даже не в том, что старая верная поговорка «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», безусловно, применима к книгам, поэтому я назвал подборку не «Золотая сотня» (уважаю золотую лишь как интересный металл), а «Сто друзей». Список Ляховских весьма отличается от моего — мы очень разные люди; по подборке Ляховских я без большого труда готов сказать, кто они (но не буду обижать российских интеллигентов, позабывших поместить в список Маяковского, Шолохова, Есенина или Блока). Дело в различающихся принципах подбора книг. В списке Ляховских нет чёткого различия между книгой и произведением; книга же

единство не только искусственной подборки произведений, но и их оформления. К сожалению, с искусством книги так просто список не составишь; к тому же, если произведение писателя уже закончено, то искусство книги не завершено и вряд ли когда завершится.

Поэтому книгой в данном случае я считаю подборку произведений одного автора в разумном объёме: попались книги (бумажные, естественно), в которых поместился чуть ли не весь Пушкин. Такие книги и неудобны практически, и не всегда выдержаны в едином духе: даже проза и стихи Пушкина — разный стиль.

Кроме того, книги по истории, в том числе Карамзина, — научные книги, а это иное направление литературы. Если же выдвигив читатель заметит, что «Манифест Коммунистической партии» — это тоже научное произведение, а как произведение публицистическое и поэтическое; именно с этой точки зрения я рассматриваю и Библию, и Коран. Поскольку сталинский «Краткий курс...» — это тоже не наука, а политическая мифология, то знакомство с этой книгой для российского читателя считаю обязательным, поскольку этим мифом до сих пор подвержены многие российские читатели, причём антикоммунисты в большей мере, чем настоящие коммунисты. Если же редакции очень неудобно помещать это произведение в список, то замените его «Сказками» Г. Андерсена.

Предугадывая реакцию некоторой части читателей, хочу отметить, что большая близость подборки к школьному списку тридцати—сорокалетней давности отнюдь не говорит, что я ничего более не читал; просто 30—40 лет назад школьные списки составлялись неплохо.

Предугадываю также негодующую реакцию на «Девичью игрушку» Баркова — и хотя было бы достаточно обвинить этих читателей в ханжестве, поскольку сами-то они Баркова читали, и возможно, ещё в нелегальном-рукописном виде. Но, к сожалению, наше литературоведение до сих пор просто не поняло смысла его творчества, не догадывается, что современная русская литература началась именно с Баркова, и до сих пор недоумевает, почему Пушкин считал знакомство с творчеством Баркова обязательным.

Насчёт большого количества поэзии могу сослаться на слова Новалиса: «Чем поэтичнее, тем истиннее». Насчёт же книги Викфё Исмихай, неизвестной читающей публике, могу сообщить только то, что это мой литературный псевдоним; поскольку я пишу для себя, то сам себя постоянно перечитываю...».

Ксения КОЛОКОЛЬЦЕВА

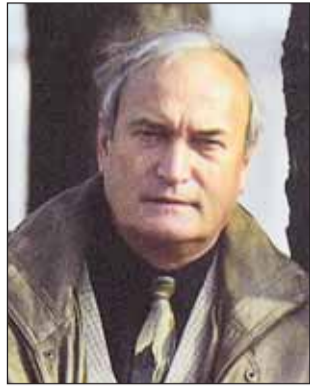
Издательство «Перо» предлагает:

- ✓ Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
- ✓ Также Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
- ✓ Срочные публикации научных статей

г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27 офис 105
www.pero-print.ru pero-print@yandex.ru
Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36

ПОЭЗИЯ

Охалки мокрых радуг

А дни легко и трудно —
Как поезда —
Приходят ниоткуда,
Уходят никуда.
Не знаю: рядом ветка ли,
Большой ли путь,
Но очень, очень редко я
Бываю пуст.

СУББОТА

Не суета — работа!
Такая, что пот ключом.
На флоте всегда в субботу
Приходится горячо:

Палубы, переборки —
Тело от них — пожар.
Суббота — день приборки,
Суббота — большой аврал,

Суббота — боцманский праздник,
А со времён Рабле
Есть кто главнее разве
Матросу на корабле?

И боцман — улыбка в кителе.
Но если что не так,
Боцман всю душу вытает:
«Эх, моряк, моряк...»

Но в душах морских волнение
Сегодня не оттого:
Суббота — день увольнения,
И это — важнее всего.

И это — важнее всего.

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ

Осенние птицы снимаются с плёсов.
Осенние птицы живут, как матросы.
Плывут, как матросы, в косых караванах
По сиим путям своего океана.
Плывут, как века или больше ведётся,
Чужая тоска позади остаётся.
Чужая тоска далека, позади.
Своя, до куска, ульывает в груди.
Осенние птицы! Им просто не будет.
Им что-то кричат непонятные люди.
Смешные... А всё-таки жалеть их немного:
Всё машут крыльями, а в небо не могут.
И птицы прощаются с чудачками,
И машут крыльями, как машут руками.
И снова кочуют меж ветров и молний.
И небо штурмуют, и падают в волны.
И, воду глотая, кричат, как матросы,
И тают, и тают, как дым папиросы.

САМОТЁК

Елена ХАРЛАМОВА

Преподаватель английского языка.
Работала в одном из московских вузов.

***
Есть отчего позавидовать
солнцу над Кубой:
Целовать тебя ничегошеньки-то ему не стоит
ровным счётом —
Охочие до озорства, эти сдобные
веснушчатые губы
Всем выщербинкам и мурашкам —
с головы до ног —
раздаривают огненные взлёты.
Мне же отпущена сладость
куда как скромнее:
Запрокидывать раздосадованные свои взгляды
к здешним лунам,
Выбалтывая им стихи, от которых
самый воздух пламенеет
И вспыхивает в чёрном небе
понадзвёздный мост
любовям нарождающимся юным.

***
Почему
Той, что дышала
Прогретой землёй и липовым цветом,
Играла шалью
Бубенцами бегущего наутёк легконогого лета,
Сделалась слаще
Мечта об уютом в выбеленном доме;
О суке лающей
С полудюжиной косопалых щенков в
подопрелой соломе;
Кипени влажной
Простынь полотняных, льнущих друг к дружке,
С любовью глаженных?..
Молчаливо разглядывала лицо
на соседней подушке,
Сон потревожить боялась,
Рассеянно улыбалась всё чему-то своему,

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

На славном Прохоровском поле

Ждёт синеглазых берег,
Здесь тоже теперь аврал:
Новый наряд примерить
День для девчонок мал.

Оркестр продувает трубы,
Готовясь на танцы в сад.
Помянут девчонки губы
Лучшею из помад.

Украдкой вздыхают мамы:
Как быстро время идёт!
Давно ли вот так же сами
Готовились встретить флот...

Не суета — забота:
Как справиться с кучей дел?
Для города и для флота
Суббота — хороший день!

ВЕРЬТЕ!

Даже не надо мучиться —
Верьте. И всё получится,
Дело у вас наладится
Почти что наверняка.
А если вы невезучий,
Взгляните на всякий случай:
Небо какое синее
И в золоте облака.
Это для вас светило
Их с утра осветило,
Чтобы прошли парадом
Над голубой землёй.
День так чудесно начат,
И, значит, вас ждёт удача —
Только в ней вы верьте
И... смело вступайте в бой!

ОКТАБРЬ

В такую осень сумрачна печаль,
И высока печаль в такую осень,
Когда исчез вдали последний ветер
И дождь остался без поводья.
В такую осень умирают птицы.
Как тихо на земле в такую осень!
Лишь, обезумев, бьются самолёты
Крыльями о посадочный бетон.
Давно остыли на горах леса.
И только сосны яростно пылают,
Да тлеют под ногами листья клёнов,
Как если бы опали фонари.
Любимая, прости меня за всё!
Прости меня за всё в такую осень,
Когда дичаю сумерки подвалов
И ты сама идёшь на красный свет.

Сидела с краешку
И сама себя спрашивала:
«Почему?»

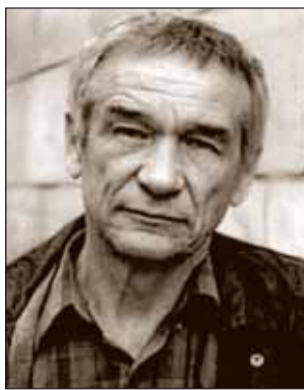
Мария ОДНОЛЕТКО

22 года, живёт в Москве, родом из Тольятти, стихи
пишет с восьми лет.

***
Прошлое без остатка
Вольётся в тело,
Что я могла
И чего я не захотела,
Мне не узнать,
Остальное всё —
Так понятно,
Жизнь нелегка,
Оттого что невероятна,
Жизнь тяжела,
Оттого что прощает смелых,
И беззащитных, и коренных, и нервных,
И родных, и неверных, и прочих,
Всё потому, что у жизни есть свой замок,
И открывается он строго по воскресеньям,
Только ключ на неделе всегда посеян,
И головою бьющийся о награду,
Ты признайся жизни, что жить не надо,
И признайся смерти, что жизнь — старуха,
На которую нападает ещё и проруха,
И в этот миг проворачивается замок,
Сейф открывается (кто-то за нас хлопочет!) —
И темнота озаряется собственным светом,
И как всегда, выключателей здесь нету.

***
Светло-малиновым цветом
Бог расписался на небе —
Вот таков договор
С Ним о хлебе,
И я иду не спеша
Братся за умывание —
В зеркало смотрит душа
С ликованием.

Часовенка

Владимир ЛЕОНОВИЧ

***
Ручей сочился между кочек,
сочился дождик обложной,
и певчих, сжавшихся в комочек,
переносил я по одной.

Нам предстояло освящение
моей часовенки в бору.
Никак не выказав смущенья,
девчонку на руки беру.

Следи наползновение шуги
на лезвиеобразные края.
Сейчас проломают лёд твои шаги.
Всё тоньше кожа, ближе кровь твоя.

На миг ослепни в солнечном снопе,
что бьёт сквозь иней веток и стволов,
весь в радуге — на миг ясна тебе
алмазная основа всех основ.

***
Пёс ждёт хозяйку, а хозяйки нет.
Хозяйки нет уже 17 лет.
Собачий век, по счастью, не длиннее,
и пёс приходит на аэродром —
сидеть и ждать. На месте. На одном
и том же, постепенно камня.

Ваятель выбрал серый диорит,
который нам о вере говорит,
о беглых проблесках в ночном ненастье.
Очулся, и покажется со сна:
ОНА! О Господи... Нет, не она.
А сердце разрывается от счастья.

Когда-нибудь, в невероятный год,
но к статуе старуха подойдёт,
запричитает, будто улета
и ненадолго, и недалеко...

перед ужасной неизбежностью
ему по совести водать.

У Хоснии детишки Хосники
и жён несчётно — красота!
А мы, стыдливые христосики,
произошли не от Христа...

...И снят оклад, и с мясом вырвано
старинной ризы серебро.
В чулан заброшен образ Тирона
как непотребное добро.

Богатого от небогатого
угодник сей не отличал,
а брал за ворот вороватого
и перед Богом обличал.

Страна разорена и продана.
Торг в алтаре, в чести эсультё —
затем что Тирона Феодора
не чтит отечество моё.

САМ

Вы правы, правы, но не дай
вам бог испытывать на деле,
чтоб допимал вас негодяй
и не годился для дуэли.

«Будь выше сплетни» — я бы мог...
Нет, не могу: ведь речь о Даме —
как — Даме — на спине — годами
носить серебряный плевко?

«...И никогда не делай сам,
что должно слугам предоставить», —
но, Бог мой, Свет мой, Александр
Сергеевич, не Вам лукавить! —

Сам! И срываешься на крик,
ничем иным не озбочен:
да не сотрёт Твой клеветник
со щёк следы моих пощёчин!

ПРОТЯНУТЮ РУКУ

Евгению Евтушенко

Я помню — двадцать лет назад
счастливейшего человека.
— Что? Написал поэму века?
— Ха! Пропустили «Детский сад»!

(Там Евтушенкины друзья
идут в колоннах ополчения,
и крайний справа — это я
с лицом, исполненным значенья).

И, как ликует сад детей
при появлении Дед Мороза
с мешком игрушек и сластей,
ты ликова.
Но тут заноса.

Из очереди в гардероб —
а дело было в ЦДЛе —
довольный, праздничный,
отселе
сходящий, как Державин в гроб,
ты руку простираешь, чтобы
благословить младых...

И что бы
вы думали?
Мальчишка-сноб
ему протянутую руку —
на дружество, на жизнь, на муку —
выкручивает...

Что за бред?
Выламывает...
Что за время!

Нет...
И сейчас кричу я:
— Нет!
Несчастное младое племя,
не знавшее великих бед.

— Вы не поэт! Вы не поэт! —
И не от боли бледен Женья.

Какие дикие сближенья:
благополучный детский сад
мог вырастить таких волчат...

У Сергея Гандлевского в «Трепанации чере-
па» описано не то и не так, как оно было.
«Детский сад» — фильм Евтушенко о войне
и детях.

КЛИНОК

Николаю Герасимову

В какой-нибудь уютомной мастерской
клинок зеркальный выделан такой,

что чуть дохны — дыхание твоё
подёрнет радугую лезвие.

Какая линия! Так изваять
телеснокостяную рукоять,
чтобы её не слышала рука,
могла одна колымская тоска

по женщине любимой... Но за так
ножей не отдаю: гони пятак.

Полуденная тундра, и вдали
простор дрожит, как люстры хрустали.

Сияет фири, слезится лёд, как ртуть,
и ты ослеп на миг, и соскользнуть...

И заскользил... Но в склон клинок вонзил,
Виллся, вцарапался — затормозил.

Отделался мгновенной сединой...
Храни всегда мой оберег стальной.

Такая линия, так изваять
телеснокостяную рукоять...

Однако спас тебя колымский нож
не потому ль, что был под рёбра вхож?

Поталый снежник, Северный Урал...
И я не раз от страха умираю,

Вообразив такую гладь с горы —
такую гладь с горы в тартарары.

Антон МЕЛЬНИКОВ

Последнюю беру на ручки —
она всех меньше, я устал,
но чувство дедушки ко внучке
впервые в жизни испытал.

Его-то мне и не хватало
до совершенной полноты...
Ты чувств нежные считала,
их было много... Где же ты?

Я к вам приду из этих строчек,
сквозь хлябь и дождевую сить
мне надо смерть мою продлить —
переносить, переносить...

***
В. Курбатову

Не поддался на переков
Главный колокол Соловков.

Через пару конвойных миль
Он шпангоуты проломил

И ушёл, утопив конвой,
И повис над морской травой,

И висит, не дойдя до дна.
Соловецкая тишина

От него
Одного.

***

Дожди всё лето. Напитался лес.
Всю осень льёт и льёт — невмоготу!
А тут мороз — пальба рвёт бересту:
по нежной глади молниенный надрез.

Кружится, замедляя ток, шуга,
сужая забереги-берега.
На синий лёд садятся мотыльки
дыханья остывающей реки.

И вот когда свободно и легко
выходим мы из камня и металла!

ПРОШУ...

Прошу меня расстрелять...
Анна Баркова

Хоть искрошите в сорок сабель,
но не сегодня, а потом —
так прокурору пишет Бабель,
прозаик и шпион притом.

А лучше посадите на кол:
мне надо смерть мою продлить —
ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕБЕЛИТЬ!
Так он хохмил, молил и плакал

(или не так), но те моленыя
архивы нынче не таят.
Однако прячут заявленья
в писательский секретарят...

Я полагаю, это значит:
не всё погибло, господи,
коль власть, наглея, всё же прячет
остатки страха и стыда.

«Прошу — и вся-то недолга! —
вне очереди предоставить
мне ДАЧУ ПОДЛОГО ВРАГА...»
Всё те же вы — чего лукавить?

Писательские заявленья...
наперебой... без промедленья...

ХРИСТОСИКИ

Арабу Хоснию Мубараку
за рифму благодарен я.
Когда поймашь вора за руку,
он отпёртсся: не моя!

Тогда с постыдной поспешностью
ты сам же прочь бежишь, как тать,

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА
 Протоиерей Владимир Гомфан. **Персиковый сад.** – М.: Ника, 2012. – 272 с. – 4000 экз.

Священник берёт на себя большую ответственность, принимая за светские писания. Что получится у него? Жития? Проповеди? Можно ли избежать нарочного поучения – да и нужно ли его избегать, не противоречит ли это самому призванию священника? Книга Владимира Гомфана, настоятеля сельского храма Нижегородской епархии, – опыт удачный. Это отчасти и жизнь молодого священника, беспокойного и усердного. Это и проповеди, но весьма delicate. Воспоминания о детском детстве, о бабушке и соседях, оставшихся за завесой давности, настолько трогательны и притом спокойны, что словно источают свет. Эти люди и их песни, эти русские люди и русские тексты – общение, воспитавшее душу. Большая заслуга Гомфана, что он сумел повести рассказ и с умлением, и с юмором, и с несомненной правдой. О ком бы он ни писал – о людях просветлённых, о людях закосневших в неверии или о людях опустившихся, он делает это с большим сочувствием и толикой мягкого юмора, который помогает не отвергнуть поучение и задуматься о нём.

ПОЭЗИЯ
 Владимир Корвин-Пиотровский. **Поздний гость.** – М.: Водолей, 2012. – 688 с. – 500 экз.

Перед вами первое собрание сочинений Корвина-Пиотровского, которое выходит в России. Эмигрант первой волны, он в Гражданскую войну сражался на стороне Белой армии, а во Вторую мировую был участником Сопротивления, почти год провёл в тюрьме гестапо. Сокамерник, французский писатель Андре Фроссар, охарактеризовал его как человека «исполненного благородства», «без малейших признаков моральной слабости». Может быть, во внутреннем благородстве кроется причина, почему стихи Пиотровского – далеко не самого заметного поэта эмиграции – искренне ценили такие разные люди и писатели, как Бунин и Набоков. Это стихи человека уравновешенного и сдержанного, погружённого в свои глубоко личные мысли и переживания, но помнящего о долге перед миром. В юности он полюбил леса и реки России. В среднюю пору жизни ему пришлось сменить их на сады и фонтаны Франции. Пиотровский пишет об этом спокойно. Не так важно, где он. Важно, что он тот же и Русь – вечная планета, вокруг которой вращаются его стихи.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
 Марина Михайлова. **Эстетика классического текста.** – СПб.: Алетейя, 2012. – 296 с. – Тираж не указан.

Любите ли вы классику так, как любит её философ и литературовед, преподаватель СПбГУ Марина Михайлова? Если вы равнодушны к ней, книга Михайловой не затронет вас: надо быть человеком особого склада, чтобы с энтузиазмом читать книгу о том, почему полезно читать. Нужно верить, что мир «имеет смысл, обладает ценностью и движется любовью». Тогда размышления автора «Эстетики классического текста» найдут отклик в душе читателя. Что такое развлечение: благо или зло? И что есть массовая культура? Как соотносятся классика и мода? Классика и мода? Как вообще текст становится классикой, а как – культурной литературой? В чём тонкие различия множества метафор чтения? Может ли классика восполнить нам зияющую пустоту на месте государственной идеи? Или хотя бы сплотить разобщённые семьи, где каждый выкроил для себя отдельный кусочек информационного пространства? Ответы, которые даёт Михайлова, – лишь её ответы. Но читатель, если пройдёт вслед за ней трудной дорогой раздумия, имеет шанс обрести свои собственные.

ПУБЛИЦИСТИКА
 Хайнер Мюллер. **Проза. Драммы. Эссе. Диалоги.** – М.: РОССПЭН, 2012. – 528 с. – 1000 экз.

Немец Хайнер Мюллер читал русскую литературу и глубоко усвоил прочитанное. Как всегда в таких случаях, ставится очевидно, что великая литература повествует не столько о загадочной душе отдельного народа, сколько о предметах общечеловеческого переживания. Мюллер, не раз подчёркивавший, что продолжает работу Брехта по созданию нового театра, стал Брехтом для периода очередного исторического перелома. Его драма «Волоколамское шоссе» (по повести Александра Бека) – это рассказ о Великой Отечественной войне со стороны русских, но на самом деле – со стороны немца, который пытается посмотреть на войну глазами русских. Мюллер создаёт сложный театр, который требует от зрителя напряжения и тем даже иногда неприятен зрителю (который и хочет, и боится этого напряжения). Иного не может быть, если рассматривается мера допустимости и необходимости насилия, источник привилегий интеллигенции и плата за них. Трудный поиск, который сближает человечество больше, чем легкоусвояемая поп-культура.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
 Волшебные сказки Ингушетии. – М.: РИПОЛ классик, 2012. – 200 с. – 3000 экз.

Когда сказки Ингушетии читает взрослый, он непременно заметит, как сказки разных народов похожи друг на друга. Повторяются сюжеты, почти библейские: о злых неудачниках – старших братьях и умном, удалом младшем; о попытке взять жену, отправив на смерть законного мужа; о лежерегах, завистливых ведьмах и мудрых левах. На этом общем, хорошо знакомом ещё по русским сказкам фоне опытный глаз взрослого выделит те не самые приметные детали, которые являются особыми, специальными именно для этого народа: особые права гостя, к примеру, или образ жизни не крестьянина-земледела, а скотовода-охотника. Для детей же эти сказки – несомненная экзотика, попадание в волшебную страну драконов-сармаков, великанов-вампапов и ведьм-гарбаш. Воображению помогают яркие и умелые сюжетные рисунки – их делали две художницы, Аза Базоркина и Яна Седова, чья творческая манера очень разная, и удачно дополняет одна другую. Книга готовилась при активном творческом участии видных деятелей культуры Ингушетии.

Книги предоставлены магазинами «Фаланстер» и «Библио-Глобус»

Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Пересёкшие границу Пастернак играющий

Многие люди слышали (а может быть, и произносили) выражение «граница на замке». Все понимают это как суровую необходимость. А вот, например, для культуры любой страны это губительно. Разве может граница удержать ветер, облака, дождь или поэзию? Пусть вас не удивляет, что поэзия поставлена в один ряд со стихийными явлениями (они родственны).

Подтверждением этой мысли может служить недавно вышедшая книга заслуженного профессора МГУ А.Н. Горбунова «Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт». Эта книга – монография, в которой учёный, исследуя творчество этих недостаточно изученных в России поэтов Англии, полноправно преодолевает границы страны.

Книга, как уже было сказано, посвящена исследованию творчества трёх выдающихся английских поэтов: Джона Донна (1572–1631), Джона Милтона (1608–1674) и Уильяма Вордсворта (1770–1850). Это поэты разных культурно-исторических эпох и разных художественно-литературных направлений. Донн принадлежал переходному этапу позднего Ренессанса и по праву считается одним из основоположников английского маньеризма. Творчество Милтона связывают с литературным стилем барокко. Наиболее отстоявший от своих предшественников во времени Вордсворт снискал славу одного из основоположников английского романтизма.

Значимость их поэтических достижений оказалась фундаментальной не только для всей английской, но и для мировой литературы. Эти три поэта во влиянии на последующую английскую литературу, пожалуй, уступают только великим Чосеру и Шекспиру.

До сих пор попытки изучения творчества этих английских поэтов носили фрагментарный характер и были практически лишены серьёзных обобщений. Автор же данной книги прослеживает путь творческого становления Донна, Милтона и Вордсворта, осмысливает их вклад в историю литературы, анализирует ключевые произведения поэтов.

Думается, что книга найдёт отклик не только у исследователей истории мировой литературы, но и у интеллектуального читателя.

Такое пересечение границ можно только приветствовать.

Горбунов А.Н. Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт. – М.: Издательство МГУ, 2012. – 320 с.

Николай ЗАХАРОВ

Доктор филологических наук, автор книг «Сказочные ключи к «Доктору Живаго»» (2007), «Пастернак и Чаадаев» (2009) представил прекрасно изданную монографию «Игры смыслов у Пастернака».

Обращение Сергея Бурова к творчеству Пастернака, а именно – к его роману неслучайно. Подробный литературоведческий разбор этого произведения стал темой докторской диссертации Бурова. Некие отрывные точки для изучения романа и методы его постижения были выработаны уже тогда. И они таковы. Во-первых: «Роман «Доктор Живаго» представляет собой жанровую модель на поздней стадии эволюции модернизма. Реставрация традиционной жанровой формы происходит после периода «конца литературы», разрушения сюжетности в жанре романа и работы в параметрах бессюжетной прозы. Вместе с тем реанимированный роман впитывает как достижения последней, так и многочисленные «прививки» разнообразных культурных систем, становясь произведением, подытоживающим эпоху; во-вторых: «...Роман (и шире – всё творчество) обнаруживает органическую связь с предшествующими литературными течениями: реализмом, символизмом, футуризмом и представляет собой синтезирующее произведение, вступающее с ними в отношения притяжения-отталкивания; и в-третьих: «Для полноценного научного осмысления жанровой формы и генезиса «Доктора Живаго» необходимо перенести центр внимания исследований произведения на его структуру и интертекстуальные связи, что

позволит видеть генезис текста и порождение смыслов, происходящее за счёт столкновения на его пространстве внетекстовых структур».

Постулаты эти – ключ к данной монографии, потому что посвящена она как раз выявлению интертекстуальных следов в романе «Доктор Живаго» широкого круга авторов. Следов этих великое множество: от Достоевского до Диккенса. Причём обнаруженные интертекстуальные связи с классиками у Пастернака многоуровневые: от лингвистических параллелей до мифических отголосков, от сюжетообразующих моделей до эстетических парадигм.

Несомненно, Сергеем Буровым проделана огромная добросовестная исследовательская работа. Прочти эту книгу сам Борис Леонидович – он был бы поражён и стилистической изысканностью, и глубиной исследования, и неожиданностью толкования смыслов его знаменитого романа. Но ведь подлинное произведение и должно содержать в себе смыслов больше, чем планировал заложить сам автор и даже больше, чем сумеет отыскать самый вдумчивый литературовед.

Читателя монографии ждёт много открытий. Ну, например, такое: «Отношения женатого Юрия Живаго и замужней Лары, естественно заканчивающиеся в Мелозееве не желательной, а расставанием и отъездом в Москву и Юртин, зеркально воспроизводят отношения Фалька Анжуйского, ставшего тамплиером, в 1311 г. женившегося на легендарной Мелюзине, племяннице Готфрида Бульонского, и ставшего королём Иерусалима». Или

такое: «...Текст Гёте позволяет увидеть связь между кремацией доктора и образом горящей свечи из стихотворения «Зимняя ночь». Или – проводится любопытная параллель между «Доктором Живаго» и «Записками из Мёртвого дома»: «Сказочный момент «посвящения», а затем период, являющийся после него, до вступления героя в брак, у Достоевского предстаёт как пребывание в острого, а затем жизнь на поселении – до возвращения из Сибиридомой, у Пастернака – как нахождение в плену, а потом жизнь в Юртинке – до возвращения оттуда в Москву. И казармы в острого, куда попал Горяничков, и землянки, в которых приходилось жить Юрию Живаго, были одинаковыми, низкими, душными и тесными в отличие от многоэтажного и просторного «большого дома» и даже «маленькой избушки» в сказке».

Работа Сергея Бурова позволяет взглянуть на творческую вселенную Пастернака с неожиданного ракурса, размышлять над тем, как всё-таки сложно и захватывающе интересно заглянуть в тайники талантливого текста, и уж точно вызывает желание пристально перечитать «Доктора Живаго».

Анастасия ЕРМАКОВА

Сергей Буров. Игры смыслов у Пастернака. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 639 с. – 1000 экз.

Чайное измерение

Каким образом история американца Грегa Мортенсона, рассказанная им в сотрудничестве с Дэвидом Оливером Релином в «Трёх чашках чая», вывела книгу в мировые бестселлеры (она издана в 48 странах огромными тиражами), а её автора дважды номинировали на Нобелевскую премию мира?

Структура «Трёх чашек чая» понятна и прозрачна. События жизни непридуманного героя чередуются с воспоминаниями самого Мортенсона, а также свидетелей и близких. Мортенсон уверяет, что не планировал изменять мир. Бывший военный, работавший медбратом, он был не просто небогат, а почти нищ – ночевал в машине, держал вещи в камере хранения. Увлекался альпинизмом. После неудачного восхождения, обессиленный, перепугав дорогу, оказался в пакистанской горной деревне, где не было школы, и, уезжая, обещал жителям – горцам балти – заняться её строительством. С большими усилиями собрал на родине необходимую сумму, затем вернулся, чтобы руководить сначала постройкой моста, а впоследствии и школы.

Так было положено начало большого пути, значение которого вышло за границы личного поступка и стало связующим звеном в будущих достижениях высокого государственного масштаба. Сегодня благотворительной организацией под руководством Мортенсона построено 145 школ и несколько десятков женских и медицинских центров. Следует заметить, что использовались на это только деньги спонсоров и добровольные пожертвования.

Проницательный человек может задать вопрос: как в странах, где основная религия – ислам, иностранцу удалось осуществить план по улучшению образования?

Во-первых, Грег не был чужаком – имел много друзей среди афганцев, за него могли поручиться и даже разрешили вместе помолиться в мечети. Во-вторых, школы, в постройке которых он принимал участие, хотя и были светскими, но без навязывания

Грег Мортенсон, Дэвид Оливер Релин. **Три чашки чая.** – М.: Эксмо, 2011. – 624 с. – (Психология. Зарубежный бестселлер). – 16 000 экз.

западных стандартов образования. В-третьих, отдалённые деревни Пакистана настолько бедны, что местными жителями приветствовалась любая помощь. Горцы Пакистана измеряют доверие чаем. Поэтому чашки этого напитка измеряются запяты свершений Мортенсона.

Необходимо отметить в книге многообразие человеческих портретов. Староста деревни Корфу Хаджи Али, учёный Жан Эрни, вышедший первые крупные деньги на осуществление благородной идеи, галерея образов пакистанских мужчин и женщин, помогавших в общем трудном, но важном деле, соотечественники Мортенсона, внёсшие посильную помощь и поддержку – именно эти люди дали возможность Грегу поверить в себя. Сделали всё, чтобы он не впал в уныние от несоответствия своих материальных ресурсов и желания того бы что то ни стало помочь позаботиться о будущем обездоленных детей.

Во всех нас часто просыпается потребность совершать добрые поступки. Но, насколько мы далеки от точного выполнения задуманного, настолько всегда находим себе оправдание в виде занятости, материальных трудностей, слабости характера. Время не стоит на месте и делает всем нам тревожные вызовы. Не может на каждого свалиться с неба добрый американец, чтобы решить его проблемы. Придётся действовать самим, обустроить жизнь, ежесекундно совершая добро во имя детей и их счастья.

Николай ПАЛУБНЕВ

ЛИТПРОЗЕКТОР

Чумовой роман

Когда русская словесность вернёт былые позиции, вновь станет наставником и другом искателей смысла, об Алексее Иванове, может быть, скажут: он не только хотел создавать тексты, которые перешагнут своё время, – он мог добиваться этого. Девять лет назад вышел роман «Сердце Пармы», соединивший поэтику героического эпоса, психологической прозы, историсофского повествования, и стало очевидным, что молодой мастер слова из Перми – благородная русская душа, чувствующая высокие трагедии национальной истории и обладающая удивительным даром воскрешать прошлое без пафоса, с вниманием к судьбам героев, которых невозможно забыть. Иванов заставил читателей ждать от него серьёзных достижений.

В контексте этого ожидания роман «Комьюнити» представляется мне поражением. Неловкость охватывает при встрече с книгой сильного писателя, который в литературе может двигать горами, а вместо этого устраивает мышиную возню с образами и идеями культуры потребления. Алексей Иванов сражается с поверхностным мировоззрением хипстеров и бравых бизнесменов

от модернизации. Интересное дело! Но воссозданная реальность диктует свои законы: эпос превращается в карнавал, где приветствуют тех, кто способен курсировать между мирами Сергея Минаева и Виктора Пелевина.

Глеб Тяженко, медиаменеджер процветающего портала «ДиКСи», появляется перед нами на кладбище. Рядом все главные герои. Хоронят гения IT-инженерии Льва Гурвича, не справившегося с наркотиками. У гроба его дочь Орли, хранящая верность тройному идеалу: комьюнити, кредиту, креативу. Рядом располагается Гермес – соратник покойного, получивший неограниченную власть над «ДиКСи». Мы ещё не знаем, что именно Гермес соорудил неподалёку символическую могилу с крестом, на котором написано имя демона чумы. Взволнованный непонятной надписью, Глеб обращается к «сетевому народу» с вопросом о смысле слова ABRACADABRA. Быстро образуются комьюнити – коллективный блог тех, кто заинтересовался темой чумы. И Глеб, и другие члены этого интернет-коллектива замечают стремительно меняющуюся реальность: появляются агрессивные настроенные призраки, скоро

приходит время для первых смертей. Выясняется, что перед кончиной Гурвич сумел создать смертоносный пароль, сохраняющий для дочери его интеллектуальную собственность. Взломавший пароль заражает чумой нового типа и, преследуемый демонами, быстро исчезает в смерти. Спасить можно единственным путём: следуя логике легенды, стать Королём-Чумой и скинуть свою болезнь на других. Сначала этот путь проходит алчный Гермес, сумевший заразить Глеба и его товарищей. Потом, убив Гермеса, Королевой-Чумой предстаёт Орли. А Глебу Тяженко уже всё равно. Ему предстоит погибнуть в иномарке, которую бесы направили на грузовик. Саркастическая молитва «всёблагодару модератору», чья воля должна проявиться в Enter, а не в Delete, завершает историю.

Чем жива новая русская интеллигенция? Люди объединяются в виртуальные сообщества, где совместно убивают время в обсуждениях броских тем. Они читают «Афишу», попадают под власть эстетики «Винзавода», не могут прожить без айфонов и айпадов. «Это плохо», – неоднократно сказано в «Комьюнити». Сеть начинает уничтожать. Там совершается

превращение риторики смерти, слов о кошмарах в реальные катастрофы, которые настаивают пользователей. Собрались по интересам, поговорили о чуме, поделились историческими сведениями, – и все погибли. Блог соцсети и кладбище – два основных пространственных образа в «Комьюнити». По ходу текста первый образ сливается со вторым.

Преодолена ли власть Интернета в романе? Скорее, прославлена. Не сюжет романа запоминается, а ссылки на ресурсы, подробно сообщающие о чуме: в Вавилоне и Москве, средневековой Европе и Китае. Какая же мрачная картина разворачивается перед читателем! Забываешь о суете современных IT-менеджеров и персонала компании «ДиКСи», наблюдая за уничтожением миллионов, за тем, как опустошается средневековая Европа, теряя веру, отказываясь от христианского Бога. Чем больше чумных бубонов попадает в текст, тем очевиднее мысль о скоротечности, случайности и обречённости рода людского. Но так и не появляется вопрос о чуме как личной катастрофе, заставляющей подняться во весь рост хотя бы под угрозой собственного исчезновения. На протяжении нескольких страниц Иванов сообщает об экзистенциализме, но – да простит меня автор! – нельзя говорить о героическом противостоянии человека пустоте так скучно и отстранённо, без же-

вания хоть как-то лично почувствовать страдание.

А что же герои этого романа? Много их – глебов и гермесов, гурвичей и орли, борисов и марिश, шныряющих по нарисованному миру под аккомпанемент обезличенной речи, насыщенной словами-паразитами. Все мнимые герои обслуживают несколько вполне понятных комплексов, которые и являются основными фигурами ивановского романа. Вот они – главные страхи. Остаётся безнадёжным провинциалом и прокуковать весь век на периферии. Лишиться квартиры и быть вышвырнутым из светящейся Москвы. Потерять источник поступления денег и пополнить армию бестолковых аутсайдеров. Увязнуть в наркотиках, в болоте Интернета и пострадать от других зависимостей. Это и есть истинная чума, гарантирующая резкое ухудшение состояния, утрату надежды и быструю смерть.

Нравственная идея романа проигрывает сатирическому триллеру. Причина здешней чумы – антисанитария современных душ, неумение защитить себя от ментальной заразы. Эта актуальная грязь мастерски воссоздана Ивановым, но есть и нечистота самого текста «Комьюнити». По роману расплазается неоправданный мнат, будто сам автор раздражён и разгневан. Ярость текста, наглядно выраженная в нецензурной лексике, не находит объекта.

Возможно, зол автор на самого себя: он должен как писатель с эпическим талантом быть монстром сознания, а вместо этого устраивает с ними совместный танец.

Чума – потрясающая тема, позволяющая человеку на способность выстоять и стать сильнее. Боккаччо в «Декамероне» побеждает флорентийскую эпидемию настроением радости и житейского разнообразия. Пушкин в «Пире во время чумы» принимает мир в его самых грозных проявлениях, разгоняя призраков отчаяния и смертельной депрессии. Камю в «Чуме», не зная ни Бога, ни романтизма, не ведая ренессансной лёгкости, помогает человеку философией нового стоицизма. Алексей Иванов помнит об этих произведениях. Но сам идёт другим путём: решает быть модным. Как результат – не роман о чуме, повзвращённый испытанию человека апокалиптической пандемией, а чумовой роман, заигрывающий с тем, что действительно способно угробить душу человека, увлечённого современными химерами.

Алексей ТАТАРИНОВ

Иванов А. **Комьюнити.** Роман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

ФЕСТИВАЛЬ

Отбросы, ублюдки, духless...

34-й МКФ открылся лихо сделанной картиной Романа Прыгунова «Духless», снятой по бестселлеру Сергея Минаева. Примечательно, что весь последующий за этим фильмом киносмотр будет словно бы доказывать зрителю обратное: духовность не потеряна, пусть она гнобится и истребляется окружающим миром, но всё равно, даже из чужь блестящей луны можно при желании и упорстве извлечь свет.

Вместо привычного кинотеатра «Пушкинский» (он перестраивается под театр мюзикла), где на протяжении многих лет проходили торжественные церемонии открытия и закрытия МКФ с «дорожкой» и разновеликими звёздами на ней, фестиваль переместился в мультитиплекс «Октябрь». Стараниями президента МКФ Никиты Михалкова инициируется возведение в Лужниках Центра фестивалей: место согласовано, бригада архитекторов и инженеров уже работает над тем, чтобы подготовить план строительства и предложить его московской мэрии, но документы ещё не подписаны.

Фестивальные будни — это 22 программы: 4 конкурсные и 18 внеконкурсных, 17 картин в основном конкурсе, 11 залов в «Октябре», российская программа — в Доме кино, кинотеатр «Художественный» — для пресс-показов и конференций, а летний кинотеатр «Пионер» в парке Горького — для кино под открытым небом. Кинофестиваль включает в себя конкурсы игрового, документального фильма и «Перспективы» (где представлены работы относительно молодых кинематографистов), а с этого года введён новый конкурс — для короткометражных фильмов. Киномарафон помимо конкурсов предложил зрителям и новые картины таких культовых фигур, как Мартин Скорсезе, Леос Каракс, Кристиан Мундту, Мишель Гондри, и ретроспективные показы комедиографа Эрнста Любича, новатора Игоря Алейникова, Эктора Бабенко, Юньфана, программу немецкого кино, открывшую перекрёстный год «Россия — Германия», и множество самого разного кино. Уже не первый год лидирует

ды за творческие удачи российских кинематографистов, всякий раз болеем за их победу, но и придираемся к своим более критично, чем к иностранцам.

Рената Литвинова определяет свою картину как «принципиальный арт-хаус». На пресс-конференции она призналась: «Снималось всё в одном и том же подвале и незаконно — на улицах. У нас не было денег подкупать московские власти. Всё снято за гроши». В своём первом появлении на большом экране в 1994 году, в фильме Киры Муравтовой «Увлеченья», Литвинова сыграла медсестру, которая ходила по взморью и рассказывала историю своей подруги, некоей Маргариты Готье, в брюшной полости которой патологоанатом предположил зашифрованный код. Литвинова и сама Маргарита Готье были героиней нового фильма Литвиновой. Декадентское аккурратное повествование о последних днях жизни, прошедших в обшарпанной совковой больнице, милой доброй влюблённой Риты (Ольга Кузина), опекаемой экстравагантным и сердобольным ангелом смерти (Рената Литвинова). Много внимания уделено эстетической составляющей — художественное решение фильма, порой очаровывая, отвлекает от довольно скучного, но претенциозного (как всегда бывает у этого автора) сюжета. «Я не хочу демонстрировать жизнь в своём кино. Она вас и так шибанёт по голове, когда вы выйдёте из кинотеатра. Фильм — это моя версия сна», — говорит режиссёр. На совете жюри его председатель составил запястными крест, когда пришло время говорить о «Последней сказке Риты» — «Это даже не обсуждается!»... И немалое значение здесь сыграла версия перевода диалогов

процесс постепенного открывания двери её души. Киноклассик Сабо, знаменитый своим шеллером «Медфисто» с Клаусом-Марией Брандауэр, на этот раз сделал чересчур назидательный фильм с предсказуемым финалом, затянутый, как телесериал. Сам режиссёр, лишь первые дни работы фестиваля бывший в Москве, до раздачи призов не остался — неужели и для него «главное — участие»?

Специальный приз жюри «Серебряный Георгий» достался мексиканскому фильму «Срок годности» дебютантки Кении Маркес. Детективная чёрная комедия в духе Педро Альмодовара о престарелой матери, до умопомрачения любящей своего сына-бездельника и расследующей тайну его внезапного исчезновения. В короткометражном конкурсе победила лента «Проект «Мозговая центрифуга» Тила Новака, которой и Российской гильдия кинокритиков присудила свою премию. Она рассказывает о научных экспериментах 1970-х годов, изучавших воздействие на головной мозг безумных увлечений. А в документальном конкурсе «Серебряного Георгия» получил шведский режиссёр Малк Бенджеллул за фильм «В поисках Шугармэна» про пожилого мексиканца Родригеса, рабочего из Детройта, всю жизнь сочинявшего песни в стиле кантри и пытавшегося стать услышанным.

Несколько зеркально выглядят награждение четырьмя главными призами из пяти возможных двух фильмов: «Орда» (лучшая женская роль и приз за режиссуру) и «Отбросы» (лучшее исполнение мужской роли и лучший фильм). В таком образом, «за бортом» награжденного списка остались 14 картин. Такие случаи крайне редки

теперь страдает от «вьетнамского синдрома», то есть посттравматического стрессом. Но в его жизни и в его доме появляется другая одинокая душа — подросток-бомж Линетт (дебютантка Кэндиз Рейд), которая пережила авткатастрофу и не может прийти в себя. Примечательно, что до 1996 года режиссёр этой ленты Тиндж Кришнан работала врачом в больнице, а в 2004–2005 годах участвовала в ликвидации последствий цунами в Юго-Восточной Азии. — это дало ей возможность увидеть множество личных трагедий, когда в одночасье люди теряли всё, что имели. Созданная в фильме сложная психологическая ситуация потребовала от актёров тонкой разработки не только характеров, но и всей палитры партнёрского взаимодействия. Э. Бабенко перед вручением приза вступительной речью решил подготовить публику к «революционному» решению жюри: дескать, вот за такими малобюджетными, камерными и простыми фильмами — будущее мирового кинематографа. Однако картина «Отбросы» не вызвала какого-то особого отношения аудитории — она не вошла в число фаворитов ни у критиков, ни в категории «зрительских симпатий». Вместе с тем нельзя не признать, что снимать такого рода фильмы сейчас всё сложнее: с одной стороны, история банальна, предсказуема, а с другой — благодаря тонкому психологизму и понастоящему сильному актёрскому работам эта «бытовуха» приобретает притчевый характер — «спасая другого, и сам спасёшься». Человеком порой надо очень низко пасть, оказаться в темноте, чтобы увидеть свет внутри себя.

Приблизительно о том же, но, разумеется, иначе рассказывает и фильм «Орда», который снят по сценарию Юрия Арапова. В 1357 году Московский митрополит Алексей (Максим Суханов), обладающий даром целителя и чудотворца, был призван к хану Джанибеку в столицу Золотой Орды Сарай-Бату, чтобы излечить от слепоты его мать Тайдулу. Сыгранная в одной краске роль принесла Розе Хайруллиной (актрисе «Табакерки») признание жюри, но вызвала некоторое недоумение у профессионалов, так как в двухчасовом полотне её роль нельзя назвать большой по объёму. Впрочем, это единственная актриса, произносящая в «Орде» текст. Аскетичная манера исполнения помогла актрисе создать образ матриархального язычества, шаманской мудрости. Фильм сделан на грани: авторское кино — по смысловым подчам зрителю и мейнстрим — по визуальному ряду с максимальным технологичностью, «монтажом аттракционов», спецэффектами и масштабностью блокбастера. Авторы сразу отстрелились от того, что их лента снята в историческом жанре. Постмодернизм, адептом которого является Юрий Арапов, предполагает создание апокрифов на основе тех или иных исторических и биографических фактов, в данном случае — жизни Алексея, митрополита Московского и всея Руси, чудотворца Киевского. С позиции автора подобное самоограничение вполне справедливо, ведь работа над произведением в историческом жанре сопряжена с глубинным погружением в исследовательский материал. В отечественном кинематографе в отличие от западного здесь наблюдается зияющая лакуна. Даже «Страсти по Андрею» А. Тарковского — апокриф, созданный по наитию: об Андрее Рублёве не осталось почти никакой точной информации. Чего не скажешь о текстовых материалах по изучению эпохи Золотой Орды. Притом, что кино — важнейший инструмент самопознания, и с художественной точки зрения «Орда» имеет право на существование и успех у публики, однако не стоит по этому фильму изучать историю страны.

Этот добротный фильм впечатлил масштабом и качеством съёмки. Он выйдет в прокат в сентябре, но уже на фестивале стал абсолютным лидером и держал эту позицию вплоть до финального вердикта жюри. Получилось так, что эпос не настолько понравился команде Бабенко, как современные реалии «отбросов общества», к сожалению, имеющие место практически в любой точке мира. Как ни странно, вопрос первенства картин в данном контексте не принципиален, поскольку разными художественными методами авторы говорят со зрителем об одном и том же — о внутренней жизни, личностном выборе, силе духа. И направленность у них одна: если герои кинокартин совершают путь к нравственному очищению, то почему бы и тем, кто, сидя перед экраном, сопереживает этим героям, не пойти тем же путём?..

Арина АБРОСИМОВА

ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ!

О детях, о балете и его друзьях

Выпускной концерт Академии хореографии показал: московская балетная школа не отстывает даже под натиском «друзей»

Подолгу службы я слежу не только за балетом, но и за его друзьями. Кто они? Или — вернее — что это такое? «Друзья балета» — это чуть менее чем полностью анонимный интернет-форум, где посетители преспокойно травят неугодных артистов. Не им лично неугодных, а как-то избранных. Недавно главной мишенью «друзей» была Анжелина Воронцова, сегодня лишь некоторые продолжают упорствовать в воскобращениях. Столь же бессмысленных, сколь и безнаказанных. Неприятно всегда, но отвратительно, когда понимаешь, что обсуждаемые артисты — дети.

По горячим следам выпускного концерта МГАХ, предметом разбора стали: выпускницы Джой Аннabelle Вомак, Анастасия Лименко и малое число великорусских имён среди выступавших. Грешен, мне самому нравится, когда русский балет представлен именами Воронцова и Александрова (а он ими представлен достойно!), но и против иезомного присутствия возражать не стану.

Справедливости ради скажу, что кто-то из авторитетных «друзей» осудил «балетный национализм», но сделал это, к сожалению, неловко.

Беда не в том, что главным событием концерта стали наряду с Анастаси-

ка, ярмарочного балагана. При этом деталь, заслоняющая целое, а главное — любовь к ней, есть признак деградации и искусства, и зрителя.

Вопрос: должно это присутствовать в балете?

Ответ парадоксален: да, поскольку здоровье — в симбиозе дионисийского и аполлонического в жизни вообще и сценической в частности. Лишать балет одной из составляющих — преступление. На которое «друзья» идут легко, если тебе трезуб. Когда нужно принизить Джой Вомак, вспоминают о мелкой технике и виртуозности, а когда приходит мысль обидеть Настю Лименко, говорят о недостатке величавости.

Скажу сразу, что мне Джой Вомак понравилась. И не только торжественностью позировок — по-человечески тоже. Я приветствую американскую девушку, влюблённую в Россию, мечтающую стать русской. Вот в чём главная цель обучения иностранцев в России: они влюбляются в страну и становятся позже нашими агентами влияния. Марию Лабрадор — тоже один из возможных. Я рад, когда в Маринку приглашается Кинан Кампа, когда, по слухам, в России остаётся Джой: чем долгие иностранки у нас, тем больше

А. Аван, Ж.М. Шнейцхоффер, Р. Дриго. Па-де-де из балета «Сильфиды». Исполняет лауреат международного конкурса (Гран-при) Ксения Рыжкова

ей Лименко Джой Вомак и Марию Лабрадор, стажёр академии. Беда в том, что никто не видит русского интереса в обучении иностранцев в России.

Да, национальная гордость требует, чтобы выпускницы уровня и типа Воронцовой появились стабильно, но им должен признать, что стабильность может иметь разную периодичность. Сегодня — Вомак. Завтра — Рыжкова.

Итак. Сам концерт показал всё, на что способна московская школа. Множество вариаций «Пахиты» позволили продемонстрировать личные качества танцовщиков в «командной игре», «Миллионы Арлекина» — умение работать единой цельностью. Отдельные номера — триумф индивидуализма в разных проявлениях: от классической «Сильфиды» до современной хореографии.

Были недочёты? Как не быть — ведь люди, более того — дети! Однако говорить о них в тоне «друзей балета» недопустимо.

Возьмём Джой Вомак. Американка вызвала разные чувства в зрительской среде, «друзья балета» исключением не стали. Мне понравилось в ней даже то, что ей ставят в вину, — чрезмерная статуйность и недостаток выучки. Про специальные навыки говорить не стану — оставлю на долю педагогов, но замечу, что даже среди специалистов по поводу манер и техники Вомак нет единого эстетического мнения. Кто-то склонен прощать огрехи ради целого, кто-то нет. И спор этот настолько серьёзен, что ему необходимо посвятить несколько строк.

Избыточность — если говорить о силе — не есть признак упадка, но вот внимание к деталям — всегда. Избыточность — это молодость, на смену которой приходит строгость — атрибут взросления. Не всегда дисциплина побеждает стихийность, но именно во взаимодействии меры и буйства формируется высший человеческий тип, вызвать к которому призвано аристократическое искусство — балет. Благодарный танец — не цирк, где каждое движение драматизируется с целью вызвать у публики сочувствие. Благодарство балета — в скрытности «пота» и в утайке опасности бытия, каковая просто есть. Можно представить грубого аристократа, похваляющегося силой, но двух воинов, выясняющих отношения в «техническом» переплясе, — почти невероятно. Такое — из жизни утончённых и безурожных натур, из арсенала цир-

пользы принесут в перспективе. Наконец, красивы они. А балет? Переживёт! Тем более когда есть такие девочки, как Настя Лименко.

Анастасия удачно дополнила собранность и даже некоторую жёсткость манер и характера Джой юношеским пылом танцевальности. Они вдвоём с американкой выступили тем, что поклонник древней китайской мудрости назвал бы «инь и ян балетного искусства». При этом в «девчачьем» Лименко легко выделить мальчишеское, а «мужественное спокойствие» Джой покоится на бесконечно женственном.

Сравнительно недавно я видел и Настю, и Джой в «Тщетной предосторожности». Если преобразению американки я не удивился — Пахита ей даже «по размеру» более подходит, чем Лиза, то Настя озадачила: кто она? Простушка из комедии Гертеля? Или ребёнок, уже почувствовавший себя женщиной, *child in time*, стоящий над простотой, отделившейся детство от взрослой жизни, и готовый совершить опасный, но необходимый прыжок? Да, именно такой показалась мне Анастасия Лименко в па-де-де из «Шелкунчика», не раз виденном отрывке, разным год от года, раз за разом открывающем нам новых звёздочек Академии хореографии.

Поэтому Настя мне понравилась тоже, и не меньше, чем Джой.

Итог.

Выпуск хорош. Он ровный, его лидеры — первые среди равных. Академия не стремится превратить балет в цирк, выпускает девушек и юношей не такими, какими они угодны «друзьям балета», а какими они должны быть с точки зрения сбалансированности по-настоящему зрелого искусства.

Будущее за нами: мой следующий годовой отчёт, хочу надеяться, будет посвящён Ксении Рыжковой. Танцовщице, подобной которой я видел лишь на старых гравюрах. Девушке поразительной красоты, чья стопа — только и видима часть ноги в «Сильфиде», вызывает трепет. Чья телесность вступает в бой с хачотым романтизмом. Чьё присутствие на сцене говорит о том, что курс московской школы — единственно верный в совершенствовании нашего далёкого от идеала мира. Который должен быть сильным, по-юношески дерзновенным, по-взрослому дисциплинированным.

Таким должен быть Русский Мир, а остальные пусть заботятся о себе сами.

Евгений МАЛИКОВ

Поздравляем победителей!

по качеству отобранных фильмов и количеству зрителей, донельзя набивающихся в зал, внеконкурсная программа «Свободная мысль». По результатам, МКФ посетили 60 тысяч зрителей, всего было показано 382 фильма на 470 сеансах в 17 залах. Согласитесь, это внушительные цифры за неделю работы.

Замечательная, трогательная сцена состоялась на открытии фестиваля, когда классик итальянского кино Паоло Тавиани вручил приз «За вклад в мировую кинематографию» Тиму Бёртону с признанием, что многие режиссёры завидуют фантазии этого художника. Британский экспрессионист представил на МКФ совместную работу с Тимуром Бекмамбетовым работу «Президент Линкольн: охотник на вампиров». Большое жюри в этом году составили актёр и режиссёр Жан-Марк Барр (один из любимчиков Ларса фон Триера), итальянский продюсер Адриана Кьеза ди Пальма, болгарский театральный и кинорежиссёр Явор Гырдев и режиссёр Сергей Лобан, получивший спецприз жюри МКФ прошлого года за «Шапито-шоу». Председателем жюри стал бразильский режиссёр Эктор Бабенко. В конкурсе были картины настолько принципиально разные, что непонятны априорные оценочные критерии, как будто отборщики в первую очередь хотели показать весь диапазон современного киноландшафта, не задумываясь о том, а существуют ли у этого ландшафта хоть какие-то границы и как потом члены трёх жюри будут ориентироваться во всём этом великолепии... В числе конкурсантов — три российских ленты: ко-продукция, философская притча «Гольфстрим подайбергом» Евгения Пашкевича, эпический блокбастер с бюджетом в 12 млн. долл. «Орда» Андрея Прошкина и малобюджетный в 300 тыс. долл. «Дамский» фильм Ренаты Литвиновой «Последняя сказка Риты». Безусловно, мы ра-

в английских субтитрах, по которым иностранцы, в том числе и жюри, воспринимали фильм. Хотя по изначальному напряжению Литвиновой было понятно, что можно считать её личной удачей сам факт участия ленты в престижном международном смотре. Она как будто и не претендовала на награды и, наверное, поэтому отсутствовала на церемонии награждения. В любом случае отечественная критика была к ней в большинстве своём благосклонна, но призы ушли к другим.

Картина итальянца Стефано Соллума «Все копы — ублюдки» (А.С.А.В.) получила три награды: приз жюри Международной кинокритики ФИПРЕССИ, приз жюри российской кинокритики и приз Федерации кино клубов. Фильм создан по одноимённой книге Карло Бонини и рассказывает историю трёх бойцов ОМОНа, которые, пытаясь заставить людей уважать закон, восстанавливая общественный порядок, в ежедневном противостоянии насилью сами погружены в насилие с головой. Зверства элитного подразделения итальянской полиции, кровавые разборки по национальному признаку, социальные и политические проблемы современного общества внесены в эту актуальную драму с весомой долей сочувствия к «пущенному мясу», которое власти бросают на баррикады...

Ещё одна экранизация — фильм «Дверь» Иштвана Сабо по роману 1987 года его однофамильца Магды Сабо, получившему множество международных премий. Эта писательница оказалась при коммунистическом режиме в опале, её сочинения запрещались, и данная книга приближена по жанру к автобиографической, повествуя об отношениях известной писательницы Магды и её экономки Эмеренс, в прошлом пережившей психологический шок, закрытой от внешнего мира и потому загадочной. В основе сюжета лежит

— обычно жюри старается распределить награды по максимуму, то есть пять картин, по теории, могли бы стать лауреатами в разных номинациях. На сей раз этого не случилось. Говорит ли это о слабом конкурсном подходе участников? В какой-то степени — безусловно. Н.С. Михалков поделился наблюдением: «Я был на многих фестивалях в жюри за последние десять лет и могу сказать: уровень всегда и везде такой. В Каннах или в Венеции есть обаяние имён. Но не это определяет качество картины, неудачи случаются у всех». И МКФ не застрахован от подобных ошибок, поскольку одна из ахиллесовых пят любого международного форума — погоня за именами. По инерции кажется, что громкое имя — это знак качества. Наибольшее разочарование на фестивале вызвал фильм закрытия «Влюблённые» Кристофа Оноре. Даже как-то неловко видеть эту разнородную безвкусицу, китчевую вульгарность под брендом «Сделано во Франции». Тут вам и Пражская весна с советскими танками, и самолёты, крушащие небоскрёбы 11 сентября, и геи, и СПИД, и песенки в стиле мюзикла «Шербурские зонтики» в ночном Лондоне, и престарелая, но всё ещё огого-шлюха, и школьная учительница в кабинке мужского сортира... В главной роли снялась Катрин Денёв, получившая из рук министра культуры Владимира Мединского спецприз за покорение вершин актёрского мастерства и верность принципам школы К.С. Станиславского «Верю!». Похожую награду — «За заслуги» — она получила на Московском кинофестивале в конце 1990-х...

Известный актёр Эдди Марсан («Тираннозавр», «Иллюзионист», «Белоснежка и охотник») стал победителем в номинации «Лучшая мужская роль» за фильм «Отбросы» (Великобритания). Его ветеран-алкоголик Фрэнк, случайно став убийцей женщины с ребёнком,

• Издание книг и их реализация;
• Публикация прозы и поэзии
в журналах «Российская литература»
и «Литературный альманах «Спутник»
Все это предлагает вам издательство «Спутник+»
г. Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
www.sputnikplus.ru E-mail: sputnikplus.ru2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71

Юрий ПОЛЯКОВ

Окончание. Начало на стр. 1

Когда-то, будучи молодым поэтом, я сочинил стихотворение «Прогулка по Москве», где были такие строки: **Как неярким апрелем припратанный снег От лучей посторонних, Я ишу девятинадцатый век В подворотнях...**

А и в самом деле, давнее поименование XIX века, шагая по столице. Где, например, улица графа Дмитрия Владимировича Голицына. Кто такой? Ну как же! Возглавлял Москву с 1820 по 1844 год. Отец города! Забыли. Не помешал бы и переулочек генерала Джунковского, он руководил столицей в труднейшее время (1905–1915), много сделал для Первопрестольной, «утратив доверие» царя, попросился на фронт, остался после Октября в СССР и погиб в 38-м году. Это теперь уволенные начальники тихо убивают в свои заграничные замки, а царские сапраны и другие большевистские наёмники, были куда усидчивее, скромнее и патристичнее.

Но может быть, мы найдём улицу Николая Александровича Алексеева? Кто такой? Удивительный человек! Он был в 1885 по 1893 год московским головой. Этот предприниматель, пошедший, говоря по-нынешнему, во власть, устроил в столице современную канализацию, водопровод, обрёл для города Третьяковскую галерею и трагически погиб от рук сумасшедшего убийцы в своём думском кабинете. Но нет, его имя тоже не увековечено. Есть, правда, улица и два переулка Петра Алексеева, известного рабочего-революционера, но это, как говорится, совсем из другой оперы. А метро «Алексеевская» поименовано так в память старинного села. Раньше станция называлась «Шербаковская» — в честь Александра Шербакова, с 38-го по 45-й возглавлявшего Москву и организовавшего оборону столицы от фашистов. Но поскольку он был из «гнезда Иосифова», то его имя в 90-м исчезло с карты города вместе с именами Жданова и Кулибашева. Хотя в то же время улицы Шверника и Орджоникидзе, других сталинских соратников, сохранились как ни в чём не бывало. Чудеса!

Двадцать лет нам внушают, что Российская империя подошла к Первой мировой войне в небывалом расцвете, кормила весь мир отборным зерном. Это — правда, как и то, что собственные подданные хронически недодали и даже порой голодали. Нас уверяют, что Октябрь был катастрофой, красным колесом, прошедшим по цветущей стране, что Белое движение потеряло крах из-за того, что каппелевцы, марковцы и дроздовцы были чисты, наивны, благородны, а потому бессильны против злых шариковых, вооружённых винтовками Мосина и возглавляемых Швондерами в кожаных тужурках. Допустим. Но в таком случае покажите мне хотя бы переулочек генерала Лавра Корнилова, поднимающего знамя борьбы с большевистским режимом! Проводите меня к бульвару генерала Деникина, на улицу адмирала Колчака или хотя бы в тупичок Врангеля! Увы, в топонимике Москвы нет ничего, напоминающего о мучениках белой идеи.

Зато есть Абельмановская улица и площадь Абельмановской заставы. Названы так в честь большевика Николая Абельмана, погибшего при подавлении левозероковского мятежа в 18-м. Есть улица штурмовика Зимнего дворца Антонова-Овсенко. Имеется улица Баумана, сохранившая имя революционера, убитого во время событий 1905 года. Есть улица Сергея Лазо, героя Гражданской войны, сожжённого японцами в паровозной топке. Мы дождемся до станции метро «Добрынинская» и можем гулять по четырём Добрынинским переулкам, названным в честь Петра Добрынина, организатора Красной гвардии. Имеется и улица Маршала Тухачевского, но только продвинутого Варшавскую операцию, но и трагически погибшего тамбовских повстанцев... Есть улицы организатора Красной армии Подольского и целых шесть проездов Подбельского, наркомов почт и телеграфов, которые взяли прежде всего. Потом он усмирив Ярославское восстание и умер в 20-м от тифа. Сохранена память о лихих революционных матросах Железняке и Дыбенко. Осталась улица, носящая имя секретаря Ленина большевички Фотевой, приглядевшаяся за большим шефом. Есть улицы пламенных большевцев Елены Стасовой и Инессы Арманд, которая была, как теперь известно, последней любовью вождя мировой революции.

Сам я рос в Балакиревском переулке в полной уверенности, что этот кусочек старой Москвы зовётся так в честь русского композитора из «Могучей кучки»: тогда не вешали на стенах таблички, объясняющие происхождение и смысл названия. Лишь со временем мне удалось узнать, что бывший Рыкунов переулочек переименован в честь большевика, рабочего пуговиичной фабрики Николая Балакирева, участвовавшего в октябрьских боях и умершего опять же от тифа на колчакском фронте. После этого уже не кажется странным, что непрочтены остались улицы Дундича, Боженко, Шорса и Чапаева. Всё-таки легендарные люди, про них сняты фильмы. А вот память мальчишек-юнkerов, засевших в 17-м в Кремле и тщетно пытавшихся защитить законную власть, никак не увековечена.

В общем, в Москве остались десятки, если не сотни названий, хранящих для потомков имена борцов за власть Советов. Разумеется, недопустимо вычеркивать из истории столицы людей, установивших строй, при котором страна не так уж плохо пережила семидесять лет. Многие из советских достижений я бы мечтал перенести в наше время. И такое обилие «красных» имён не вызывало бы у меня неприятия, если бы при этом целые пласты отечественной истории не выпали из столичной топонимики. Ну скажите, зачем нам с

Где проспект Ивана Калиты?

вами революционный пуговиичник Балакирев, забытый уже при советской власти, если нет улицы имени его великого однофамильца? Зачем нам Клара Цеткин, если нет улицы княгини Софьи Шербатовой, великой благотворительницы, создавшей в Москве сеть приютов и богаделен?

В 90-е годы на мутной волне молодого, задорного антисоветизма были переименованы многие улицы Москвы. Например, улицу Горького сделали Тверской. И подделом — не дружи с большевиками. А с другой стороны, с кем ещё дружить «буревестнику революции»? Улица Грибоедова снова стала Малой Харитоньевской, улица великого драматурга Островского — Малой Ордынкой, переулочек Пастерского — страдалца Николая Островского, чья житийная повесть «Как закалялась сталь» переведена на все мировые языки, стал зваться Пречистенским, хотя до 37-го именовался Мёртвым по имени домовладельца Мертваго (не путать с Живаго). Очевидно, в данном случае тяга к благозвучию победила порыв к исторической аутентичности. Площадь Маяковского снова стала Триумфальной. Площадь Лермонтова — Красными Воротами. Улица Герцена обернулась Большой Никитской, улица Алексея Толстого — Спиридоновской. А ведь в ту пору уже имелись площадь Никитских Ворот, сохраняющая вечную память о Никитском монастыре, а также Спиридоньевский переулочек. Зачем же было трогать больших писателей? Кстати, улица пролетарского поэта Филиппа Шкулева, автора песни «Мы кузнецы, и дух наш молод...», сохранена в неприкосновенности. С чего бы это?

Первоначальный замысел ясен и логичен: вернуть дореволюционные названия, дабы восстановить историческую справедливость, и убрать с карт скороспелые плоды большевистского своеволия. Согласен. Но тогда почему улицу Дурова не переименовали обратно Божедомовой? Возможно, те, кто занимался переименованиями, поехали в детстве Уголок Дурова, вспомнили, прослезились и пощадили великого дрессировщика. Но ведь и «Золотой ключик» они наверняка читали. Однако Алексею Толстому это не помогло. Так же непонятно, почему Большая Коммунистическая не стала, как встарь, Большой Алексеевской в честь храма митрополита московского Алексия, а сделалась вдруг улицей Солженицына? Думаю, великому правдоподобию и справедливую это бы не понравилось. Или вот ещё любопытный пример. Долгие годы в центре была улица Дмитрия Медведева, Героя Советского Союза, писателя, автора мемуаров «Это было под Ровно», но потом эти вернули прежнее название Староименовский переулочек, а имя литератора-партизана присвоили в 2005-м улице в районе Косино-Ухтомской. Разве нельзя было так же поступить с писателями, куда более значительными? Не понимаю! Нечто похожее случилось и со Станиславским. Переулочек, носившему имя великого реформатора сцены, вернули прежнее название — Леонтьевский, а улочкой Станиславского стала бывшая Малая Коммунистическая. При этом как-то незаметно потеряли улицу Немировича-Данченко, зато у нас снова есть Глиннищевский переулочек. Какое счастье!

Идём по Москве далее. Если застой 70–80-х погубил страну, как ныне принято считать, то почему остался проспект Андропова, и к стене его дома на Кузнецком привинчена мемориальная доска? А если застой был не так уж плох, во всяком случае, не столь вреден стране, как гайдаровские реформы, то почему у нас в таком случае нет улицы Брежнева? И почему мемориальная доска в честь генсека, руководившего страной без малого двадцать лет, висит не на Кузнецком проспекте, где он жил в квартире, на которую бы не позарился теперь чиновник средней руки, а пририта она почему-то около Бранденбургских ворот в Берлине на помещице туристам. При этом в Строгине осталась улица члена брежневского Политбюро Фёдора Кулакова. Абсурд!

И таких странностей в нашем городе хоть отбавляй. Исчезла вкруп с памятником площадь Дзержинского — главного чекиста, пролившего во имя революции немало кровушки. Может, и правильно исчезла — «не губи несчастных по темницам!» Но тогда почему осталась улица Вячеслава Менжинского, сменившего Железного Феликса на посту председателя ВЧК—ОГПУ? Почему сохранена улица Михаила Кедрова — начальника Особого отдела ВЧК? Зачем нам улица пламенного австронегра Бела Куна, оц и полотовавшего в России, организовавшего вместе с Розалией Землячкой в Крыму массовое истребление белых офицеров, уже сложивших оружие. Да, улица, полвека носившая имя кровавой Землячки, ныне называется Большой Татарской. А вот имя одного из организаторов уничтожения последнего русского императора и его семьи — Петра Войкова — продолжают носить станция метро, улица и целых пять проездов! Иногда дело объясняют так: мол, Войкова увековечили не как царевича, а как советского полпреда, погибшего на посту. Володарский тоже был убит на посту. Но его улица теперь называется Гончарной. Исчез без следа из городской топонимики Свердлов, куда более значительный деятель Октября, вдохновитель расстрела Романовых. А Войков, как заговоренный, хотя пишут об этом и возмущаются двадцать лет. Вы что-нибудь понимаете? Я ничего не понимаю...

И снова хочется спросить: если Октябрьская революция — катастрофа, своротившая Россию с цивилизованного пути, то почему же в эти два десятилетия, когда антисоветизм стал нашей государственной идеологией, не появились площади, улицы и переулки, носящие имена тех, кто противостоял надвигающейся буре. Где улицы Победоносцева, Каткова, Суворина, Дубровина, Михаила Меньшикова? Где бульвар героев Лежневского похода? Что происходит? Почему в учебниках одна история, а на московских улицах другая? Кстати, в Первопрестольной не нашлось места многим великим русским историкам — Нестору, Татищеву, Соловьёву, Костомарову, Иловайскому, Бартемену... «Минуточку, а Костомаровская набережная и улица Татищева?» — встрепенётся бдительный москвич.

Увы, эти названия сохранили фамилии бывших домовладельцев и к нашим «геродам» отношения не имеют. Точно так же не имеют отношения к великому издателю Сытину, насытившему Россию доступными дешёвыми книгами, Сытинские переулочек и тупик. Всё-таки частная собственность — великая вещь: прикупил домик и остался в Истории. К счастью, в центре сохранились улицы историков Ивана Забелина и М.П. Погодина, последняя даже с мемориальной избой. Да ещё имеется проезд Николая Карамзина, упирающийся в Московскую окружную дорогу. М-да, так далеко великого историографа власть не послала даже после крамольной «Записки о новой и древней России».

И ещё об истории. Конечно, за двадцать лет постсоветской власти в московских названиях поубавилось число революционеров-демократов и разных прогрессистов. Пострадали Герцен, Белинский, Грановский, Огарёв, Некрасов. Некрасовская улица к автору «Русских женщин» отношения не имеет. Впрочем, зацепились и уцелели переулки революционеров-демократов Добролюбова и Чернышевского, анархистов Бакунина и Кропоткина. А вот их оппонентам-славянофилам не везло всегда: и при царях, и при коммунистах, и при демократах. Третье отделение за ними следило, тиранило, их даже сажали в Петропавловскую крепость, как и революционеров. За что? Вроде бы Русь к топору не звали, уповали на крестьянскую общину и ставили православие выше папизма. Одна беда: слишком большое значение придавали русскому народу. А если учесть, что высший слой в империи был интернациональным, и поляков с остзейцами толпились у трона едва ли не больше, чем лиц «титутальной национальности», нелюбовь начальства к славянофилам понять можно. Но и после Октября эти старорежимные беды им не зачлись. Шедро воздад жертвам прежнего строя и увековечил их в городских названиях, большевики даже не вспомнили про братьев Аксаковых и Киреевских, Хомякова, Самарина. Самаринская улица к последнему опять же никакого отношения не имеет. За близость к славянофилам пострадал и самый московский из поэтов — Аполлон Григорьев, не получив прописки даже в малосеньком переулочке:

*Поевори хоть ты со мной,
Титара семь ступенями...*

Надо ли объяснять, что новый правящий слой, певший Интернационал при каждом удобном случае и порой плохо изъяснявшийся по-русски, зато слепочный вокруг ЦК, вообще считал славянофилов просто разбавленными черноточками. Допустим. Но потом-то, после 91-го, когда все бросились восстанавливать храмы и атрибуты имперского прошлого, вплоть до двуглавого орла? Полночь! Достаточно вспомнить, что за публика внесла Ельцина

Думаю, главная беда в том, у нас нет внятной государственной идеологии, а значит, и консолидированной версии отечественной истории. Поверженной во Второй мировой войне Японии запретили иметь армию. А России, кстати, единственной из частей поверженной и расчленённого СССР, запретили иметь идеологию. Не знаю даже, что хуже.

в Кремль, чтобы сообразить: в «новой России» у славянофилов не было никаких шансов.

Зато в московской топонимике до сих пор широко представлен революционный интернационал. Я не говорю о титанах и классиках коммунизма: улицы Марксистская, Энгельская, Розы Люксембург, целых три — Бебеля... Заслужили, видимо. Но зачем нам в Москве столько мирового коммунистического, рабочего и прочих прогрессивных движений? Судите сами: мы ходим по улицам Вильгельма Пика, Улофа Пальме, Сальвадора Альенде, Иосипа Броз Тито, Хулиана Гримау, Луиджи Лонго, Ле Зуана, Саморы Машела, Хо Ши Мина, Миклухо-Маклая... Уп-с-с... Извините, это наш русский путешественник. Кроме того, у нас есть площади Кабрала Амилькара — борца за свободу островов Зелёного мыса, Виктора Кадовилья — рабочего вожака Аргентины, Мартина Лютера Кинга, Джавахарлала Неру, улица Саяма Адхия... Есть даже улица первого президента Чехословацкой академии наук Зденека Неудлы. А вот улицы, названной в честь первого президента Российской академии наук княгини Екатерины Дашковой, нет и в помине. Чудеса!

Зато увековечены в городских названиях имена мастеров культуры тех советских республик, которые двадцать лет назад — кто с радостью, кто с неохотой — покинули «нерушимый союз народов». Можно прогуляться по бульвару латышского классика Яна Райниса и улице литовской поэтессы Соломеи Нерис. Кстати, улицы Марины Цветаевой в Москве нет. Зато есть проезд Кристианопа Донелайтиса, литовского баснописца XVIII века. Я думаю, мне жалко. Не жалко, пусть будет. Жалко, что в Москве нет даже переулочка нашего великого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Общеизвестная русская всеотзывчивость не должна всё-таки достигать глупости идиотического самозабвения. И сегодня, когда прибавились лимитрофы выскрбело со своих улиц любые названия, напоминающие об изначальном русском, как, впрочем, и немецком присутствии в этих краях, возникает чувство недоумения. Мы, конечно, большой и добрый народ, но сколько можно отвечать на мелкокордажное хамство прежних братских республик широтой и великодушием? Может, последовать совету Достоевского и слегка сузиться?

Нет, я не призываю немедленно переименовать улицу Вилса Лайтиса в улицу Виля Липатова. Пусть остаётся: всё-таки человек был не только писателем, но и председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР. И когда? В тяжкие времена «оккупации» Литвы Советским Союзом, который, кстати, подарил в 45-м гордым жмудинам их столицу — Вильню, этим городом прежде владели не менее гордые поляки. Кстати, за «оккупацию» литовская власть хочет с нас получить денежную компенсацию. А любопытно узнать: сколько стоит Вильнюс? Повторю: я не призываю убирать следы бывлой всеотзывчивости, я просто задаю вопрос: уместно ли такое интернацио-

нальное простодушие, когда множество выдающихся российских деятелей культуры никак не запечатлены на карте города. Где улицы Загоскина, Кузнецова, Шалагина, Рахманинова, Петрова-Волкина, Салтыкова-Шелдрина, Блока, архитекторов Мельникова, Весниных (была — теперь Денежный переулочек), Прокофьева, Улановой, Чайковского (была — теперь Новинский бульвар), Мейерхольда, Тукая? Почему у нас есть улица Багрицкого и нет улицы Заболотного? Есть улица Дунаевского и нет улицы Шостаковича? Есть улица Симонова и нет улицы Леонова? Есть улица полузабытого писателя Панфёрова и нет улицы великого Андрея Платонова? Почему улица имени не самого выдающегося литератора Серафимовича находится в районе Якиманки, а улицу Шолохова, крупнейшего русского писателя XX века, сослали за Окружную, в Ново-Переделкино? Где логика? Где система? Где здравый смысл? Даже про Высоцкого забыли, а жил, кстати, он на Малой Грузинской, напротив кафедрального костёла. Может, достаточно одной Большой Грузинской?

В предисловии к добротной книге «Москва. Именные улицы города» (М., 2010) читаем: «В Москве существует удивительное переплетение имён, которые захватывают исследователя, притрагивают неизведанные факты. Некоторые имена забыты, и их значение современному гражданину покажется преувеличенным. Однако всё это — наше достояние...» В самом деле, сегодня трудно понять, почему есть улица Асеева и нет улицы Пастернака, есть улица Демьяна Бедного и нет улицы Манделштама, имеется улица полузабытого Корнейчука и не отыщешь улицу Булгакова. Существует улица странного, конспирологического дипломата-финансиста Ганецкого (Фюрстенберга), работавшего позже начальником Государственного объединения музыки, эстрады и цирка и расстрелянного в 37-м, надо полагать, не за погрешности в цирковом репертуаре. При этом никак не увековечен выдающийся советский государственный деятель Вознесенский, планировавший перестройку нашей экономики во время войны и стигнувший по «Ленинградскому делу». Зато у нас есть целых шесть Советских улиц, разбросанных в разных концах города!

Нет-нет, я вовсе не за то, чтобы снова всё переименовать. Хватит — напереименовывались. Но, с другой стороны, отсутствие многих знаковых, исторически необходимых имён на стогах столицы — это какое-то клиническое беспомыслие. Представьте себе семейный фотоальбом, где есть снимки тёти из Тотмы и дяди из Ростова, но нет отца с матерью. Нонсенс! Это я снова про Ивана Калиту. Что же делать? Как исправить ситуацию, никого не ущемив? Очень просто. У нас в Москве множество названий, которые выполняют, уж простите, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе. Как понимать, например, Газгольдерную улицу, Факультетский переулочек, Магистральный тупик и Федеративный пруд? Что такое Трудовая аллея? Куда прикажете девать три Новоостанкинских улицы, три Тишинских, четыре Стрелковские, пять Котельнических и шесть Новоподмосковных переулков? Ладно, так и быть, три Новомихалковских проезда можно зарезервировать за известным семейством, но к чему городу три Хорошевских, три Павелецких, четыре Волоколамских, шесть Рошинских проездов, россыпь Внуковских и Владимирских улиц, а также четыре Самотёчных переулков? И если вернуться к царевичеству: зачем нам пять Войковских проездов? У нас целое гнездо Соколиных Гор и Соколиных улиц! Зачем нам несколько Полевых улиц и переулков в разных концах города? Я уже не говорю о сладких парочках, вроде 1-го и 2-го Волконского переулков, 1-й и 2-й Вольских улицах, 1-м и 2-м Вржачских переулках. А 1-я и 2-я Рейсовые улицы! Вот ведь — так и чуешь дыхание седой русской истории: Ре-е-еисовая! Да что там Рейсовая! У нас пять Кабельных улиц и два проезда! Но и это ещё не всё — наше топонимическая сокровищница неисчерпаема: три Сетуньских, четыре Красносельских, шесть Железнодорожных, семь улиц Лазенки, шестнадцать Парковых... Назвали бы хоть одну из них в честь академика Лихачёва, исследователя дворянской парковой культуры России. Нет, мы будем упорно ходить по шестнадцати Парковым улицам и одиннадцати Радикальным, но принципами не поступимся! Кстати, в Москве есть четыре Лихачёвских переулочка, не имеющих отношения к академику-гуманисту.

Нет, я не против исторических корней, я и сам, если честно сказать, полуполуценник, встану гурью и не дам срыть Лихоборские Бугры или выкостить Кашенкин Луг! Но помилуйте: Строительный проезд, Технический переулочек, Рабочая улица (бывшие Коломенки), Крестьянские площади, улица и тупик, Ткацкая улица (бывшие Благуши), Товарышеский переулочек (бывший Дурной), три переулочка Тружеников (бывшие Воздвиженские)... Имеется также полный Заводской комплект: улица, шоссе, переулочек, проезд и тупик. Скажите, это память о чём? О класовой солидарности? Тогда где Интеллигентский тупик? Вот шоссе Энтузиастов — это да, это я понимаю. Красиво! «Нам нет преград ни в море, ни на суше!» А улица Дружбы? Это ещё что такое? Дружбы с кем? Против кого? Непонятно.

Конечно, всё можно объяснить, а кое-что даже понять. Стремительный рост Москвы часто опережал фантазию ответственных лиц. К тому же именно топонимике столицы нужно сопоставлять в Кремле, а там могут неверно понять, рассердиться, утратить доверие... Себе дороже. Лучше назвать улицу Ровной или Стандартной, а проезд Фармацевтическим или Трикоптажным и спать спокойно. Конечно, я не специалист, и, вполне вероятно, записное московское или городское бюстотическое мои заметки покажутся наивными, неточными, даже местами возмутительными. Заранее прошу прощения! Я просто хотел взглянуть на названия наших улиц с точки зрения здравого смысла, которого порой лишены эксперты, погружённые в свою специальность, как мыши в крупу. Убейте, но никто не убедит меня в необходимости трёх Радиаторских улиц, а также Электродной улицы, Электродного переулочка

и Электродного проезда, если у нас не увековечены имена великих учёных и инженеров, например: зачинателя ракетно-космической техники Владимира Бармина, создателя лазера Александра Прохорова и Николая Басова (Басовская улица не про него), отца нашей электронно-вычислительной техники Сергея Лебедева... Зачем, скажите, нам аж три Балтийских переулочка, если забыт великий флотоводец адмирал Кузнецов? А ведь он вопреки директивам, рискуя головой, подготовил и осуществил отпор фашистам на Балтике. Если бы остальные военачальники встретили Гитлера так же, как Кузнецов, ход войны мог быть иным, а жертв куда меньше. Но у нас нет улицы адмирала Кузнецова, зато есть Балтийская улица и три Балтийских переулочка. Зачем, скажите, нам улицы и проспекты в честь 10–40–50–60-летия Октября? Может, довольно с нас Октябрьской улицы и Октябрьского Поля? А вот переулочек Февральской революции не помешал бы. Кстати, за исключением генерала Брусилова, герои и подвиги Второй Отечественной, сиречь Германской войны, никак не запечатлены в городских названиях. Видимо, тайная вина поражения скреблась в душе правящей партии и заставляла избегать лишнего упоминания об «империалистической войне». Мол, какие на войне герои?! Но коммунисты уже двадцать лет не при власти. Скоро столетие Первой мировой. Может, наконец очнёмся от исторической амнезии? Я не говорю уже о Сталинградской битве, оставившей след в топонимике многих столиц мира, кроме, понятно, Москвы. Имя Сталина в Первопрестольной — табу, как, впрочем, и имя Хрущёва — его сподвижника-разоблачителя. Правда, странно?

А теперь попытаемся понять, почему мы живём в таком историко-топонимическом абсурде? Ведь, в сущности, гуляя по столице своей страны, гражданин должен как бы прохлудить по залам исторического музея, где продуман каждый стенд, каждая витрина, каждый экспонат. Однако шагая по Москве, ощущаешь себя человеком, попавшим в мозаичный бред. Думаю, главная беда в том, у нас нет внятной государственной идеологии, а значит, и консолидированной версии отечественной истории. Поверженной во Второй мировой войне Японии запретили иметь армию. А России, кстати, единственной из частей поверженной и расчленённого СССР, запретили иметь идеологию. Не знаю даже, что хуже. Именно поэтому наша история не только непредсказуема, она — неприимима. Я не наивен и понимаю: на тот же советский период никогда не будет единого взгляда. Чудом уцелевший потомок обобранного дворянского рода, отпрыск пламенного троцкиста, расстрелянного в подвале НКВД, и правнук безземельного крестьянина, выбившегося в наркомы, — все они будут по-разному относиться к событиям, случившимся между 17-м и 91-м. И что? В Вандее до сих пор с мерзостью и ужасом вспоминают Великую Французскую революцию, что не мешает им петь Марсельезу. Кстати, умолчание и замалчивание крупных исторических явлений и фигур началось не при советской власти. Взгляните на памятник тысячелетию Руси в Великом Новгороде: царя Ивана Васильевича вы там не найдёте. Его первая жена Анастасия есть, его советник Адашев есть, а самого Грозного нет. Почему? А потому что монумент ставили при либеральном Александре II, который стеснялся своего крутого предшественника на троне. Вот так-то...

Конечно, нельзя ни в коем случае запрещать учёным спорить о роли Грозного или Сталина в истории, полемизировать о вариантах, древности русского народа и других сложных вопросах. Не нужно мешать людям по вкусу любить «титанов» и ненавидеть «антихристов»: Петра Первого, Ленина или же Ельцина. Мы живём в свободной стране. Но при этом нам, как воздух, необходима непрерывная, преемственная история Отечества, без провалов, лакун и умолчаний. Нам нужна договорная, согласительная версия русской истории, пусть в чём-то сглаженная и спрямлённая, но зато общегранданская — дающая внятную, последовательную картину развития государственности от зарождения до наших дней. Невозможно? Почему? Другие же страны с этим справились, те же Штаты, например. А уж у них, Соединённых, противоречия между потомками коренных индейцев, первопоселенцев, афроамериканцев и мексиканцев будут покруче, чем наша противостояние «белых» и «красных». Да, кому-то не нравится, куда роугают «палача» Сталина, а кому-то обидно, если начинают перечислять неславянские фамилии начальников ГУЛАГа. Что ж, надо договариваться, искать компромисс. Официальная история — это искусство умолчания ради национального единства. (Не путать с фундаментальной наукой, где примирает лишь факт!) Если мы наконец обретём консолидированную, непрерывную версию отечественной истории, тогда станет понятнее масштаб событий и деятелей, станет яснее, кого следует увековечивать в городских названиях, а кого необязательно.

И начинать надо с Москвы. Хотим мы того или не хотим, но именно столица формирует мировоззренческие парадигмы и административный канон, по которому, нравится нам или не нравится, живёт вся страна — по крайней мере в общественной сфере. Едва появятся логика и осознанность в столичной топонимике, тогда, уверяю вас, с бескрайних просторов Отечества сами собой исчезнут бесчисленные улицы Розы Люксембург, Урицкого, Володарского, Коммунистические и Коминтерновские проспекты, а заодно с ними и Трикопжные, Электрические, Элеваторные, Слесарные, Монтажные переулочки... Для них найдутся иные названия, укоренённые в истории городов и всей, сразу отыщутся имена праведников, подвижников, благодетелей, мудрых руководителей, местных любимцев или других забытых героев. А такими наша земля обильна. Пусть при этом обязательно останутся в топонимике следы потрясающей советской эпохи, но по возможности в той пропорции, в какой она, эта эпоха, соотносится с тысячелетней историей Державы. И когда-нибудь, я верю, гость Москвы, спросив прохожего абортена или просвещённого гастрабайтера, как попасть на проспект Ивана Калиты, получит привычный ответ:

— Налево, потом — направо, а дальше — прямо!

Сокращённая версия статьи — в газете «Вечерняя Москва»

РАДИОРУБКА

Письмо счастья, радости и добра

Я бог, наверное. Или царь. Во всяком случае, определённо герой. На даче воздвиг вот эти вот молотком, пилой и гаечными ключами Родосскую водонапорную башню; теперь женщины и младенцы режутся в струях воды, колососятся всходы... А ещё мы слушаем радио «Кузьмич», оно хорошее. Мы культурные люди: слушаем радио «Кузьмич», радио «Орфей» и радио «Спорт». И изредка, когда едем из сада или в сад, «Детское радио». Глеб интересуется, почему туда звонят только девочки. Этот аппарат его раздражает, он вообще чуткий ребёнок, склонный ненавидеть и бичевать несовершенство мира не меньше меня. Я утешаю его тем, что мальчики просто ждут, когда вырастут, чтобы стало можно звонить на радио «Спорт».

Радио «Спорт» у нас слушаю я один. Главным образом про футбол, потому что не про хоккей же слушать. Там как: все звонят и по очереди высказывают мнения. Мнения у всех по всем вопросам, как у писателя З. Прилепина, — очень привлекающие и правильные, вызывающие безотчётное желание с ними истово согласиться: «Думаю, что обе команды сыграют осторожно в защите, но, разумеется, не будут забывать об атаке».

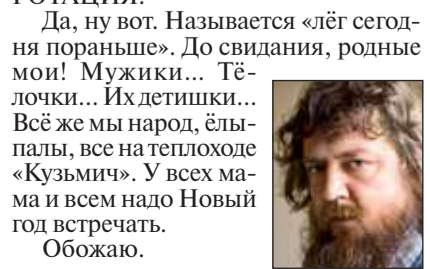
Когда отчаяние от неудач нашей травяной дружины начинает одолевать, ты один мне толконишь надежду и линии электропередачи опора, о великий и могучий радио «Орфей!» Там есть такие уморительные интеллигентные, прямо как на Оупен Спейс: талантливые, бескомпромиссные, с запахом ядерного гуакомоле из ртов: «Мощарт в этой части уходит как можно дальше от главной темы — И!.. И!!! возвращается к ней уже незаметно с другой стороны монокроматического симфонического ансамбля!!!» — орут они, потев с таким видом, будто кержачков прошёл по левому флангу. Радио «Орфей» приготавливает почву для вдумчивого, до полночи до самой слушания радио «Кузьмич».

Вообще-то оно называется по-другому. Радио «Звезда», по-моему. Но Кузьмич — это его аудитория, его целевая группа. Он там часто разговаривает сам с собой похожими голосами, этот Кузьмич: «Да? Надо же, как интересно... Чего не знал, того не знал! Вот как, оказывается... Теперь надо знать! Ин-те-ресное кино!» Это когда зачитывают интересные фактики — ну, знаете, их раньше печатали на оборотах календарей. Там раньше всегда была картинка «Взятие Бастилии» (две зубчатые шахматные туры, а между ними внизу неразборчиво, в клубах дыма, но изображение дорисовывает человека с ружьем или наводственной косой). А на обороте полезная информация: «Взятие Бастилии состоялось, ознаменовало». Надо же. Теперь буду знать!.. Ещё там часто читают интересное Валентина Пикуля, или как питались люди в трактирах старой Москвы, или даже Гоголь или Достоевский бываю, вообще много человеческой речи и ни одной мрази «радиоведущих», повсеместно зас... ющих эфир своим бредом, и совсем почти без «радиовостей» про то, что Дэвид Бэконом составил список самых актуальных ресторанов Шотландии, а Кирилл Дарнст надела смелое платье. А песни радио «Кузьмич» — это отдельная песня. Ну, конечно, сперва Семёныч. То есть Владимир Семёнович. И тут же рядышком с Владимиром Семёновичем — Розенбаум, как Веллер с Довлатовым. Святое. Тут же рядом с Розенбаумом — «Любэ» (шас, как зовут его... толстенный, в португее), главный наш патриотичный певец. Про тальничку, эх-х... Преемственность. Плюс эта группа, у которой все песни на одну музыку и один и те же слова, из которых все помнят только «Гагарин, я вас люблю!». Это уже переход от могучей и несравненной классики-и-современности к задушевному. Задушевному там такие: Олег Митяев, Макаревич — вы будете смеяться: другой гусавый задушевный певец, но не Макаревич! Какой-то полубард, из современных, никто не знает, как его и куда зовут. Песни у него такие: «Кто-то в «Таврию» садится, кто-то в «Феррари», все вы мои мужики, родные, всех целую, давайте постоим, выпьем, ваш Валера Былинский», — в таком духе. Других песен на радио «Кузьмич» нет. И хоть такой репертуарный пуризм и вызывает некоторое сожаление и даже я бы сказал оторопь (не, например, остро не хватало Елены Вагнер, Растеряева, Лепса), но и величественность такой концепции вызывает уважение тоже: всё-таки двадцать три песни (в сутках 24 часа) несменяемо на протяжении трёх лет... это РОТАЦИЯ.

Да, ну вот. Называется «лёг сегодня пораньше». До свидания, родные мои! Мужики... Тё-лочка... Их летитши... Всё же мы народ, ёлы-палы, все на теплоходе «Кузьмич». У всех мама и всем надо Новый год встречать.

Обожаю.

Лев ПИРОГОВ

ТЕЛЕПРЕМЬЕРА

Броненосец «Проханов»

Как-нибудь хмурым утром со ступеней закрытого северного завода сойдёт на воду мощный, ошестинившийся корабль. И на борту этого монстра холодных морей будет написано: «Писатель Проханов».

Когда мы закончили записывать монологи Проханова, мне вдруг это чётко представилось. Если человек всю жизнь пел государство, то государство рано или поздно воспойт и его. Оно подарит его имя какому-нибудь крушительному техническому изданию, которое одним своим видом будет отбивать охоту нападать на страну.

Интересный проект на телевидении — вещь крайне редкая. И я благодарен судьбе за то, что мне довелось работать над циклом, который вышел в эфир телеканала «Россия».

Его идея родилась во время личной встречи Добродеева и Проханова. Канал «Россия» хотел развить успех цикла «Подстрочник», а писатель — высказать то, что накопилось в душе. Наталья Никонова (продюсер «Суда времени» и «Исторического процесса») взяла этот проект под себя. Ей нужен был сценарист, который с любовью преобразует этот материал — придаст ему форму. Так я оказался в этой лодке вместе с режиссёром-эстетом Игорем Холодковым, привлечённым по принципу «берём лучшее».

Мы выбрали самый сложный путь, который вообще возможен в документальном кино, — решили делать цикл в «большом стиле», соединяя монологи Проханова с постановками. Писатель ворчал, что мы изображаем не его жизнь — что он никогда не носил галстук, а кружок Мамлеева выглядел абсолютно иначе, но результат ему в целом понравился.

Получилось действительно хорошо — дорого, конечно, но очень достойно. Продюсеры производящей компании пришли в восторг, и пилотная серия была представлена каналу как эстетическая победа. Все ждали заслуженной похвалы, поздравлений, а дождались булыжника. Канал заявил, что это ему не

Тело режиссёра бросили за борт, и вакантное место занял человек принципиально иной — Андрей Кияница. Это такой монокромный солдат документального фронта. Кожаное пальто, сталинская трубка, ароматная дымавая завеса. Враг всяческих изысков. Лозунг творчества: «Когда я слышу слово «эстети-

ка», моя рука тянется к пистолету!» Андрей считает, что сам документ — это уже чудо и ничего лучше прямой склейки человечество не придумало. Всю работу пришлось делать заново. Несколько постановочных планов Игоря Холодкова после небольших препирательств вошли в кино. Оно стало богаче, но всё равно новая конструкция выглядела избыточно жёсткой. Требовалась какая-то сквозная нота. И тут вспомнилось, что

Проханов поёт. Мы стали записывать песни, собранные писателем по глухим деревням, песни, помогавшие ему в дни отчаяния, и их фрагменты необычно, чарующе легли в фильм. Новый вариант был представлен каналу, и его приняли на ура.

Так родился этот телепродукт, «Солдат империи» — жёсткий рассказ, исполненный энергии, иронии, горечи, метафизики. Текущая кровь нашей недавней истории и нашей общей судьбы. Развёрнутое пристрастное слово, которое долгое время не давали произнести.

И вот это слово — слово русского патриота, невероятно красивое в своей иссечённой броне и своём равнодушии к внешнему миру — произнесено. Оно вливается в мир, нравится это кому или нет. И оно знаменует собой нечто для нашего телевидения удивительное — конец либеральной идеологической монополии. Я не исключаю того, что в ответ, как контрудар, выйдет слово известного либерала. Возможно, Сванидзе проявит себя в этом жанре и 12 серий подяра будет рассказывать о своих страданиях в условиях дефицита туалетной бумаги. Бога ради. Пусть упражняется. Главное, что другая, нелиберальная, правда доходит до умов и сердец.

Возможно, канал «Россия» выпустит диск, который объединит всё созданное: и сам цикл, и изыщный первоначальный «пилот», и древние песни, тугачие и глубокие, которые, увы, вошли в фильм частично. Мне кажется, это сама история требует сохранения.

Валерий РОКОТОВ

ТЕЛЕВОЙНА

День сопротивления

От вести о войне в тот день в каждом доме пахнуло холодом смерти — кого заберёт, над кем смилостивится? Но не страх, а мощный дух сопротивления вознегодил в армии и в народе. Уже в 4.05 утра тараным ударом винта своего ястребка сразил фашистский самолёт Дмитрий Кокорев, в 4.25 — Иван Иванов. Погранзаставы, на уничтожение которых блицкригом отводилось до 30 минут, держались часы, дни, а Брестская крепость — свыше месяца.

В тот первый день, осенённые всенародной яростью благородной, поэт Лебедев-Кумач и композитор Александров создали песню огромного энергетического заряда «Священная война».

Сегодня многие осознавшие и пережившие главное событие бурного XX века — Вторую мировую войну — воспринимают 22 июня не только Днём Памяти и Скорби, но и Днём Сопротивления!

Текущий 2012-й объявлен Годом истории. Вплоту бы ещё и географию: свои паразитические познания в обеих науках в дни 67-летия Победы продемонстрировал бессемный «судья времени» Н. Сванидзе: «Сталин виноват уже в том, что допустил Гитлера до Урала...»

А доктор экономических (советских) наук Игорь Чубайс в преддверии дня Памяти и Скорби не вспомнил, не поскорбел о Великой Отечественной войне: обличил весь советский период с 1917 г. по 90-е как «нелегитимный». То есть и великая война, и Победа — нелегитимны? Обругивал индустриализацию, а значит, основу её — электрификацию, плоды которой вполне «легитимно», надо полагать, приватизировал его братец.

Идущий в те дни на канале «Звезда» щемящее трогательный фильм 1983 года «Один день командира дивизии» — по прозе Евгения Воробьёва, очевидца тяжёлых боёв сибирской дивизии Белобородова за подмосковные Дедовск и Снегири, заставил вспомнить, что ныне в районе Снегирей, усыпанном могилами воинов-сибиряков, — огромные частные владения главного приватизатора страны.

Премещая в мае на экране эпоса Юрия Озерова «Освобождение», вернувшая в память грандиозную танковую битву на Прохоровском поле, напомнила о недавней «войнушке» за его тунные земли меж мадам Батуриной и сыном Черномырдина.

В озеровской же «Битве за Москву» особое звучание получила роль защитника поля Бородинского — полковника Полосухина, ведь поле русской славы двух Отечественных войн ныне со скандалами застраивается коттежными посёлками.

Впечатляющий и зримый учебник истории — кинолетопись войны, созданная нострадами советского времени, дополняемая сегодняшними кинематографистами. Но, насмотревшись киноподделок режиссёров сванидзе-чубайсовских познаний — вроде «Сволочей», «Штрафбата», «4 дней в мае», десятиклассника Настя в Интернете негодует: «Неправда! Я ДОПОЛНИТЕЛЬНО знаю из рассказов прадедушки: их застава держала оборону до последнего патрона. Кто остался жив, добыл оружие у врага, отступали с боями, а после Сталинграда гнали фрицев до самого Берлина!»

Первые дни войны не раз воссоздавались в кинолетописи. В многосерийной эпопее «Государственная граница» молодой пограничник упрямо, на глазах врагов продолжает вкапывать на

прежнее место столб с надписью «СССР». Прошлый очередь из автомата, сползает по столбу спиной, закрывает от пуль своим телом...

Сколько таких «неоправданных», «бессмысленных» гибелей — с точки зрения рыночных счетоводов, в «цене Победы» среди более чем 8 млн. безвозвратных потерь Красной армии? Более 200 — матросовцев, свыше 500 — гастелловцев... Не счесть тех, кто мог бы выжить, спрятавшись, подавшись в полицию или сдавшись в плен, но, как разведчики в дважды катризованном — в СССР и в новой России — фильме «Звезда», предпочли погибнуть с честью.

В фильме «Живые и мёртвые» по одноимённому роману Константина Симонова и его фронтовым дневникам — о героической обороне Могилёва, комполка Серпилин (Анатолий Папанов) отвечает на вопрос встревоженного отступлением писателя: «Пусть кто-то, может, и бежит, и отступает. А мы стоим здесь и стоять будем!» Именно здесь, над пядью могилёвской земли, завещал развешать свой прах автор незабываемых стихов о войне — «Жди меня», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»

Причина всё возрастающего интереса, особенно у молодёжи, к давним и сегодняшним фильмам о войне, бесспорно, в том, что осознана ничтожность смысла жизни «крутых и продвинутых героев» нашего рыночного времени, вновь хочется верить в красоту и благородство поступков, в чистоту и целомудрие любви, в верность дружбе, в честность и бескорыстие, в самоотверженный подвиг — во всё то, что сохраняют прекрасные фильмы: «Дом, в котором я живу», «Иваново детство», «Подранки», «Пришёл солдат с фронта», «Они сражались за Родину», «В бой идут одни старики», «Офицеры», «Особое задание»... Их множество. Сегодняшний зритель всзыскующе отбирает в этот перечень лучшие из новых кинолент.

Над судьбами героев недавнего фильма «Брестская крепость» горюем и гордимся, напрядённо молчим, когда камера высвечивает на камне бастиона полустёртые слова: «Погибало, но не сдаюсь. Прощай, Родина! Не мать, не отец, не любимая, но — Родина! Не понять этих предсмертных слов тем, кто живёт сегодня только ради семьи, под навязанными циничными девизами «мой дом — моя крепость» и «моя хата — с краю...» Тогда — понимали. Молодые сегодня хотят понять.

...В эфир на твёрдом, как металл, белорусском языке несётся призыв: «Я — крепость, я — крепость, вяду бой, дзяржу абарону, жду падкрэплення... И никогда уж не узнаю павшим героям, почему подкрепления не было: воинские части Красной армии, оставшись без всякой связи, порушенной массой засланых диверсантов в нашенской форме, воюют в одиночку, контрударами отбрасывая, как 5-я армия генерала Потапова или мехкорпус генерала Рокоссовского, врага назад, но, не получив поддержки с флангов, отступают с боями.

В необычном, вызывающем серьёзные раздумья фильме «Чёрный клоун» (сценарий Е. Галкиной, реж. Б. Галкин) немец-фашист Карл Залгайт накануне войны в наше приграничное село своего воспитанника Акселя, запрограммированного экстрасенсом на исполнение идеи «нового мирового порядка» на всей земле, и прежде всего — в России. По документам убитого им хлопца Аксель уходит в Красную армию, воюет, после войны делает научную карьеру, продвигает дорогостоящие, ненужные стране проекты, передаваемые ему новыми хозяевами. «Лучший фильм о феномене агентов влияния», — комментирует в Интернете зритель из Владивостока.

Режиссёр Шахназаров по фантастическому роману Бояшева создал загадочный триллер «Бельи

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

Плакат И. Тоизде, созданный 22 июня 1941 г.

тигр». В последние месяцы войны советский танкист (А. Вертков), оборонявший в танке, потеряв память, чудом сохраняет умение управлять танком и обретает способность видеть невидимое другим. Рассказывает командованию о призраке — немецком танке «тигр» белого цвета, который без экипажа носится по нашим позициям, сев смерть. Геройский танкист, как ни старался, не смог уничтожить только ему видимый танк смерти.

И значит, опасность будущему остаётся. Потому так важно извлечь уроки из прошедшей войны нынешним молодым, беспечным и бездумным. Тогда, в далёкое военное прошлое, отправляют юнцов создатели картины «Мы из будущего».

В фильме чёрные копатели-пофигисты с вызывающими кличками Борман, Спирт, Чуха и Череп (последний — с татуировкой свастики на плече) «проваливаются» во времени, оказываются на войне. Поначалу трусят, не знают, как «свалить», пытаются объяснить, что они из будущего. Принимаются красноармейцами за «контуженных». И... воюют.

Вернувшись в своё время, Череп сдирает камнем свастику с плеча, Борман не желает, чтобы его называли этой кличкой. С неприятием смотрят они на бессмысленно тусующихся в городе сверстников, как смотрели бы на них молодые в 40-х их деды.

В «Тумане» десятеро солдат Российской армии — типичных «сачков» — попадают в ещё более опасную передыжку — на территорию, оккупированную немцами.

Один из солдат, воспитанный в пафосности и толерантности, миролюбиво объясняет вооружённому фашисту, что тот пока ничего не понимает, но «в будущем мы будем дружить». Солдат вермахта, не раздумывая, всаживает пулю в миролюбца. Второй гуманист жалеет пленного фрица, развязывает ему руки и позволяет себя зарезать. Лишь горький опыт общения с врагом заставляет молодых воинов понять, какого поведения требует война и каким надо стать, чтобы выжить в ней и победить. Чтобы вернуться в своё время, ребятам надо умереть там, на войне. И все они проходят через смерть. И возвращаются. Другими, познавшими дух сопротивления.

Один из отзвон на фильм в Интернете: «Это фильм о переосмыслении ценностей. Я вдруг осознала, что на войну шли такие же ребята, как я сама, зная, что могут быть убиты, но — шли, воевали и побеждали».

Людмила ЖУКОВА

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Экспертом будешь?

Так случилось, что Евро-2012 обернулось для России горечью унижения.

В одиночку такое перевернуть сложно, а начинёшь обсуждать с соотечественниками, становишься ещё хуже — несут ерунду, которую ты и сам только что собирался сказать, просто не успел, перебили.

Безотчётно тянешься к источнику боли — телевизору. Тебя влечёт на место преступления, совершённого в отношении тебя. Надеешься на кого-то с бульдожьей хваткой, у кого на каждое их гламурное алиби найдётся своя сермяжная улика.

И кого же тебе предлагает центральное ТВ в качестве следователя?

По горячим следам ринулся (показалось с небольшой одышкой) Антон Верницкий из программы «Время». Буквально на следующий день после Греции он смело (как и подобает лояльному политическому комментатору, попавшему на спортивные соревнования) разоблачил игроков, которые по-хамски... в отеле... ну вы в курсе. Виновные были названы, фамилии Мутко и Фурсенко не прозвучали, но тут какие могут быть претензии к формату репортажа.

Позже тема футбола возникла у «Гражданина Гордона». В студию пригласили множество футбольных специалистов, однако ведущий, склонный в иных ситуациях искать мотивы, причинно-следственные связи, на этот раз превратил передачу в «брехаловку». Так в былые времена называли неформальные собрания болельщиков, которые собирались на улицах и площадях советских городов, чтобы обсуждать прошедшие и грядущие футбольные матчи. У Гордона получилось толь-в-точ, как когда-то — с пивком и матерком, плюс Вайнштейн со своими вкрадчивыми намёками на осведомлённость и твёрдым нежеланием делиться какими-либо фактами.

А перед финалом Евро канал «Россия» силами программы «Прямой эфир» решил подсластить пилоту бурлеском. Вполне нормального мужика Михаила Зеленого в очередной раз одели как девочку (у них там стилист, видимо, на каком-то особом положении) и нагнали в студию медийных лиц несообразно наличествующему эфирному времени. Решили: каждому интересно, что думают о российском футболе такие эксперты, как Кушанавили, Жириновский, Хазанов... Зрителя поразили разномыслием приёмами (телемонтажи, специально созданными сюжетами-зарисовками), Зеленский в шароварах носился по студии, предвывая выступления гостей требованием «только коротко!», пока Бубнов (это случайный человек, футболист сборной СССР и «Спартак»), так и не дождавшись очереди, собрался уходить и бросил на прощание что-то критическое про Мутко.

А ещё запомнилось выступление Татьяны Тарасовой телемостом из Германии. В студии бы ей сказать столько слов не дали, но тут, видимо, была пропалана дорогостоящая услуга связи, а потому Татьяна Анатольевна смогла сформулировать законченную мысль: сборной России нужен русский тренер. И напомнила, что её отец настраивал игроков с помощью гимна СССР...

И как-то стало легче, чуть отпустило. Показали бы ещё матч СССР—Италия на Евро-1988.

Олег ПУХНАВЦЕВ

Зайцы в шоколаде

Две первые серии фильма Владимира Познера «Их Италия» из-за футбольного финала прошли незаметно. Почему «их», если, как сказано в титрах, он единственный автор сценария? Ах да, есть ещё и сходящий Ургант. Да сме-ха. Два сытых человека, я бы даже сказал, несколько жирноватых, давно обжившихся и Италий той же, дегустировали её для Первого канала. Много ели, готовили в Тоскане зайцев в шоколадном соусе, слегка иронизировали *a propo* над милыми радужными хозяевами — княгиней и княжнами Строчи, по происхождению русскими и очень любящими Россию. Познер, как мы узнали из его французского цикла, любит Францию, Америку, но что поделает, там он никому не нужен. А Россия зовёт и исправно платит тому, кто её не любит, — такая демократическая контрибуция.

Милые князья, маркизы, архивариус Венеции Коньято, вызвавший искреннюю симпатию своей любовью к городу, гондольер (так и не стало понятно, за что его не возлюбил Ургант), симпатичный хорват, предки которого поселились здесь в XVII веке... Их Италия уж очень пресна в дегустации Познера.

А.К.

«Кино в России должно стать национальной идеей»

8 июля Карену Шахназарову – 60. 30 лет назад его полнометражный дебют «Мы из джаза» сразу заставил говорить искушённую публику о появлении большого мастера в отечественном кино. А четверть века назад с триумфом по экранам СССР закончил своё шествие «Курьер», фильм, о котором взрослое поколение спорило не меньше, чем мои ровесники, выпускники школ конца 80-х. Шахназаров всегда умел быть разным, но его почерк зритель угадывал, даже если бы в титрах отсутствовало имя. Известный признак истинного режиссёра. Оставив музыкальное кино, Шахназаров переместился в столь рискованную плоскость философско-морализаторского киноязыка, но и здесь, пожалуй, всегда умел оставаться понятным, обходясь без пафосной назидательности и зашифрованных смыслов. Но юбилей всё же повод и для философского разговора с давним другом «Литературки», и для подведения определённых итогов...

— Карен Георгиевич, год назад на страницах «ЛГ» вы открыли дискуссию «12 рассерженных режиссёров». Вам и вашим коллегам задавались во многом похожие вопросы, ответы, разумеется, различались, но общую тенденцию выявить несложно. Как и десять лет назад, положение отечественного кинематографа столь же нестабильно. И самый главный вопрос остаётся открытым — нужен ли кинематограф государству и есть ли понимание наверху его значения для национального самосознания?

— По-прежнему есть ощущение, что конечные, действенные решения для нашего кино остаются где-то на периферии. Важны экономика, оборона, пенсия... а кинематограф, как и культура, остаётся где-то в стороне. До конца понимания важности кино не происходит, а без решений на самом верху ничего не произойдёт. Но я принципиально хочу подчеркнуть, что это не должно стать только вопросом денег. Мы все замучили друг друга разговорами о поиске национальной идеи. Так вот кино и может стать национальной идеей в России или частью её, под которую должна грамотно быть выстроена денежная политика.

— В прошлом году исполнилось 25 лет со дня проведения 5-го съезда кинематографистов. Кстати, дата прошла практически мимо, как сейчас принято говорить, общественного сознания, специально следил за этим. В стенограмме съезда вы говорили, что год спустя после начала перестройки вам нужно уже пять бумаг для составления договора с балетмейстером, тогда как раньше вы обходились одной. То есть другая степень несвободы художника начала проявляться уже тогда, и излишне формально-бумажные обязательства советского режиссёра очень скоро сменялись для многих ваших коллег элементарным отсутствием денег или в лучшем случае настоящей денежной удавкой от новоявленных продюсеров и заказчиков от кино. Вообще тот съезд можно отнести к наивному заблуждению кинематографистов, как и многих людей искусства в тот момент, от наступившей свободы, что по-человечески, кстати, вполне объяснимо...

— Прежде всего это был очень искренний съезд. И я не согласен с тем, что это было просто хулиганство и вот, дескать, кинематографисты и начали разваливать СССР. Кстати, это был последний съезд, где по-настоящему серьёзно говорили о кино. С тех пор о кино, о его проблемах так глубоко с высокими трибунами не говорилось. Ведь сегодня говорят исключительно о деньгах, о господстве... Мы тоже говорили об этом, если бы читали стенограмму съезда, в том числе и о улучшении технической базы, что для нас тогда было немаловажным. Но подчеркну, что главным предметом обсуждения было кино как искусство. И вторая очень важная вещь, о которой забывают, говоря о конфликтах на том съезде. Подспудно здесь проявилась борьба поколений, и это тоже естественный процесс. Мастера, безусловно, великие режиссёры старшего поколения, определяли политику в кино. А в советское время вопрос, скажем, уровня

бюджета фильма был не менее острым, чем сегодня. И среднее поколение в лице Климова, Соловьёва, Быкова, которое пришло к рулю управления в Союзе кинематографистов, вправду было рассчитывать, скажем так, на равноправие в этом и других вопросах, связанных с кино в стране. Затем в этот уже необратимый процесс вмешалась политика, что и привело к краху СССР.

— Ролан Быков, выступая на том же съезде, вспомнил разговор, состоявшийся в начале 70-х с А. Суриным, тогдашним директором «Мосфильма». Последний посетовал, что вот снимут Хуцнев с Шукшиным свои шедевры, получат награды на Западе, а ему от этого только головная боль... А от средних фильмов всем хорошо, никто никого не ругает... И это говорил человек, напрямую связанный с идеологией и так боявшийся потерять своё место. То есть вот такие «борцы» за идею и начали предавать её и сдача страны началась гораздо раньше?

— Я убеждён, что распад СССР начался после смерти Сталина, и на эту тему уже существует не одно объективное исследование. Логическим итогом построения действительно великого государства в 20-е, 30-е годы стала подготовка к войне. И не просто к войне, её смыслом стало столкновение Востока и Запада. Поистине это была битва цивилизаций. А вот затем уже страна не могла существовать в такой жёсткой структуре, апофеозом которой и была фигура Сталина. Пошёл процесс дезинтеграции, а кино было лишь мелкой частью той выстроенной системы.

— Поймал себя на мысли, что любой советский фильм выглядит очень цельным, даже не самого высокого художественного уровня. Не видно «швов», ни одного вопроса, что кто-то, что-то недоиграл, что где-то нарушена логика, не возникает. Но ведь за 20 лет не создано ни одного произведения в кинематографе, чтобы, перефразируя слова Покровского об опере, вся нация, бросив все дела, вечером пошла в кино, вступилась и наутро проснулась посвежевшей. Более того, за это время нет даже приближения к понятию мифа. Ведь в советском кино всегда 5–6 абсолютных мифов плюс 5 десятков имён постоянно были в поле зрения кинозрителя, да и любого гражданина страны.

— А его сегодня не может быть по определению. Тогда актёры, как мифы, выражали некую идею. А сейчас такой идеи нет. Это было поколение героев, ориентированных на борьбу, — Черкасов, Андреев... А женщина была награждена за совершённый подвиг. Ради неё герой совершал перелёты, покорял горные вершины. Она не была, так сказать, его девушкой по кухне. А после войны и героини изменились. Герои погибли на фронте. В связи с этим посмотрите, скажем, на простого парня в исполнении Николая Рыбникова. Это тоже вроде бы герой, но мы видим уже абсолютно другой уровень напряжения для по-настоящему героического персонажа. Само понятие подвига в кино становится всё более формальным. А кульминацией в такой деэволюции героя

МИР-ТАСС

я считаю выдающийся фильм моего друга Володи Меньшова «Москва слезам не верит». Посмотрите на слесаря Гошу, вроде бы работяга, но жизненные ориентиры, смысл пребывания в этом мире абсолютно размыты. И если говорить масштабно, то у России, как, скажем, и у Китая, не может быть существования без смысла, даже с элементами мессианства. Это маленькие страны озадачены смыслом в рамках самообеспечения и выживания, а в России такая модель абсолютно неприемлема.

— Ваш коллега Вадим Абдрашитов сетует на общий мировой дефицит художественных идей.

— Могу только согласиться. Беда в том, что цель капитализма всегда одна — производство товара. А к искусству это меньше всего имеет отношение. Парадокс в том, что процесс понимания этого уже давно идёт на Западе. А мы в России этого никак понять не можем. Хотя 20 лет, может быть, и слишком мало для этого в историческом масштабе.

— То, что всем позволено снимать кино, даже на сотовый телефон, тоже дискредитирует профессию?

— Да, безусловно. Технические возможности, доступные сегодня любому, кто хочет приобщиться к миру кино и называть себя режиссёром, прямо противоположны художественному качеству, если мы говорим об общем потоке.

— Юрий Кара говорил о том, что ни Соловьёву, ни Михалкову так и не удалось организовать Союз кинематографистов в по-настоящему общественную организацию... В итоге — союз отдельно, кино отдельно, зрители тоже сами по себе...

— К сожалению, я пришёл к печальному выводу, что сама природа нашей профессии абсолютно чужда жёсткому подчинению. Наш труд слишком индивидуален, и именно поэтому нам так сложно самоорганизоваться. Вы говорите о целостности советского кино, а как оно могло быть не цельным, если мы были обязаны работать в рамках определённых правил. И любая, даже самая большая режиссёрская индивидуальность выполняла эти требования. У государства было чёткое понимание, каким должно быть кино. Если хотите, это были те же жёсткие требования ГОСТа, которые распространялись в том числе и на любое художественное

произведение в СССР. Тот союз нас организовывал, мы ворчали, но вынуждены были подчиняться... А поскольку сегодня государство просто плюнуло на союз, то сами мы не можем самоорганизоваться.

— Карен Георгиевич, как директор вы должны обеспечить работой не одну сотню людей, с другой стороны, вы понимаете, что происходит вокруг, в том числе и на территории «Мосфильма», где в павильонах снимаются и сериалы, и телепрограммы... Насколько для вас допустима степень компромисса?

— Компромиссы неизбежны, от этого никуда не уйдёшь. Сама жизнь есть компромисс. Но всегда важно знать черту, за которую я как директор никогда не переступлю. Всегда нужно уметь сказать себе и своим подчинённым: всё — дальше компромисс невозможен. Например, всегда считал недопустимым использование цензурной лексики в кино, в театре, на телевидении... По-моему, на этом языке сегодня не говорят ещё только в Госдуме...

— Всех замучили разговоры о цензуре, с другой стороны, никто не вспоминает об элементарной внутренней цензуре. Ведь то, что сегодня зачастую выносятся на экран, раньше не то чтобы худсовету на обсуждение предлагать было нельзя, трудно было представить, что чьи-либо мозги могли такое придумать...

— Согласен. Опять-таки нужно понимать, что само общество уже есть цензура. И без неё не существует общественных отношений. Никогда не бывает никакой абсолютной свободы, всё это химера...

— В этом году исполнилось 10 лет с момента выходы на экраны ваших «Ядов...». Фильм стал такой хлёсткой антибульварной пощёчиной. Скажите: судьба картины сложилась так, как вы ожидали?

— Это очень интересный вопрос. Случилось так, что картина с течением времени только набирает обороты. У неё больше всего просмотров в Интернете, её часто показывают каналы, на сегодняшний день это самая моя смотримая картина. А в 2002 году, получив награду на «Кинотавре», она была резко против, даже агрессивно принята критикой. Я даже какое-то время старался на публичных выступлениях о ней не говорить, а сегодня у неё появилось много верных поклонников. Возможно, темы, поднятые в «Ядах...», только более обнажи-

лись в нашей жизни за последнее десятилетие. Кстати, так бывает, и я считаю, что хорошее кино подчас создаётся независимо от нас, мы только его проводники. Кажется, испанский архитектор Гауди говорил, что я ничего не создаю, я только строю те конструкции, которые уже созданы самой природой...

— Имея солидный преподавательский опыт во ВГИКе, скажите, в чём принципиальные отличия ваших студентов от абитуриентов 60-х — начала 70-х годов?

— Это чудовищная разница в знаниях, особенно, разумеется, гуманитарных. Положено, сравнимое с катастрофой, поскольку подчас они никак не подготовлены в плане знания литературы, то есть в их жизненном багаже её просто нет. Невозможно себе представить, чтобы абитуриент, не читавший Толстого, мог в 60-е годы даже приблизиться к зданию ВГИКа. Причём это вполне нормальные, милые ребята, и от этого становится ещё грустнее. Тогда страна была достаточно закрыта, ничего не было, и все всё знали. Я даже для себя не могу объяснить этот парадокс, поскольку не только элита Москвы и Ленинграда, но и самые простые выпускники школ Сибири, Дальнего Востока приезжали к нам уже очень подготовленными как по литературе, так и по кино. Поэтому своим студентам говорю: читайте книги, именно этот багаж может в конечном итоге привести вас к победе в нашем соревновании. Это обязательно сработает.

— Ваша последняя картина и первая на военную тему «Белый тигр»... Что для вас как для опытного мастера было самым неожиданным в процессе работы?

— Собственно сама война. Это, если хотите, отдельное умение — снять батальную сцену, чтобы она была интересной. Это не просто стрельба и кровь. В каждой батальной сцене должны быть внутренняя драматургия, особый стержень.

— «Мосфильм» образца 98-го года и сегодня — это две разные студии. Подводя какие-то итоги, вы вправду поставите себе достаточно высокие оценки?

— Думаю, что мне во многом удалось использовать предоставленный судьбой шанс. Построить, именно построить студию. Кстати, хорошо, что я не представлял на тот момент всего круга проблем, которые мне придётся решать. Иначе мог бы и испугаться. «Мосфильм» сегодня — это студия, которая благодаря не только мне, но и всему коллективу считается в нашей среде, в том числе и у зарубежных коллег, образцовой. Это так же, как снять кино, когда от нуля ты движаешься к конечному результату.

— Когда-нибудь в этом кресле будет сидеть другой, очередной директор «Мосфильма». Можно предположить, что вы бы хотели ему пожелать, Карен Георгиевич, а от чего вы бы хотели его предостеречь?..

— От чисто прагматического подхода к самой марке «Мосфильм». Думаю, что, несмотря на то что «Мосфильм» — это и промышленное производство со своим законченным циклом, но именно это не должно стать превалирующим в работе директора. «Мосфильм» — это и музей, его фонды, архивы, улицы... Сам миф, если хотите. Мы много делали того, что на первый взгляд казалось пустой тратой сил и денег, но именно такой неутилитарный подход и сработывал. Потом это давало отдачу.

Беседовал Александр ВАСИЛЬЕВ

«Литературная газета» от души поздравляет юбиляра и своего друга. Желаем здоровья, процветания «Мосфильму» и, конечно, ждём новых лент режиссёра.

ГОД ИСТОРИИ

«В целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе» указом президента России нынешний год объявлен Годом истории. Но, кроме великих исторических событий, следовало бы нам помнить и о тех, кто посвятил изучению истории нашей родины свою жизнь, чьи неустанные труды сохранили для нас картины и образы прошлого, которым должно гордиться.

Три года назад ушёл из жизни замечательный российский историк, профессор Ленинградского государственного университета Руслан Скрынников, блестящий специалист по русскому Средневековью, глубокий исследователь той эпохи, который называется Смутой. Без ссылок на его монографии и книги — а их у Скрынникова более пятидесяти — до сих пор не обходится ни одна работа, посвящённая политической истории Русского государства XVI — начала XVII века.

С горечью и недоумением надо отметить, что уход его из жизни наши СМИ, занятые подробностями быта так называемых звёзд, и не заметили. Им не до тех, кто служит Отечеству своей верой и правдой, у них свои герои, свои расчёты.

Корреспондент «ЛГ» встретился в Санкт-Петербурге с первым аспирантом Руслана Скрынникова, доктором исторических наук, профессором Санкт-Петербургского государственного университета Виктором БРАЧЕВЫМ.

Те, кого помнят, живут

— Виктор Степанович, как Руслан Григорьевич пришёл в историю?

— Прежде всего хочу сказать: очень рад, что «Литературная газета» решила напомнить читателям о Руслане Григорьевиче Скрынникове, моём первом научном руководителе. Он заслуживает того, чтобы о нём ведали потомки.

Руслан Григорьевич стал выпускником ЛГУ в 1953 году, но в университете оставлен не был, и ему пришлось поступать в аспирантуру ЛГПИ им. Герцена. После окончания аспирантуры в 1959 году места преподавателя ни в пединституте, ни в университете он не получил и вынужден был более двух лет работать в штабе Военно-морского флота СССР в редакции «Морского атласа». И только в 1960 году ему удалось стать ассистентом в пединституте, где он и защитил кандидатскую диссертацию. Здесь же он написал ставшую знаменитой работу об опричнине Иоанна Грозного. Она, по сути, стала его докторской диссертацией.

— А как вы встретились с ним?

— Я познакомился со Скрынниковым в 1969 году при следующих обстоятельствах. Учился я в Псковском педагогическом институте, после окончания приехал в Ленинград поступать в аспирантуру. Стал аспирантом, заочником ЛГПИ на кафедре истории СССР, начал писать диссертацию о коллективизации и индустриализации в СССР.

Как-то ко мне неожиданно подошёл незнакомый мне профессор, представился, сказал, что

прочитал мой реферат, и предложил стать его учеником и заняться не советской историей, а историей древнего периода. К этому времени Руслану Григорьевичу было без года 40 лет, но только что защитил докторскую диссертацию, и у него ещё не было учеников. Он решил, что учеником этим буду я. Он сам обо всём договорился с руководством. И предложил мне неожиданную тему диссертации: «Политическая борьба в России в конце XV века». Когда Руслан Григорьевич решил перейти в университет, он обо мне не забыл, помог устроиться в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории. Именно благодаря ему я стал аспирантом этого элитного учреждения, учеником знаменитого профессора Валка. Он помог мне защитить кандидатскую диссертацию и к моей дальнейшей судьбе относился с заинтересованным вниманием. Я до сих пор вспоминаю о нём с чувством благодарности.

— У Скрынникова были иные интересы, увлечения, кроме истории? Или он был погружен в прошлое?

— Он очень любил живопись. У него на даче было множество картин наших известных художников, альбомов по искусству, которые он любил мне показывать.

Руслан Григорьевич был человек талантливый от природы, но при этом обладал исключительной работоспособностью. На его рабочем столе всегда лежали раскрытые книги и рукописи, и он, разговаривая со мной, то и дело отвлекался и искал в этих материалах что-то важное

для себя. Скрынников не любил людей праздных. Всегда настаивал на писать надо кратко и ясно, высказывать основную мысль, не тратьте лишних слов. Он считал, что краткость — признак мастерства.

— К личности Иоанна Грозного и опричнине обра-

ДОСЛОВНО

«Борис был щедро одарён талантом государственного деятеля, далеко превосходя своих соперников. И всё же ему не удалось предотвратить гражданскую войну. Победа досталась авантюристу, принесшему России неисчислимые бедствия.

Годунов старался любой ценой сохранить мир с могущественной аристократией, не покушался на её земельные богатства... Политика царя Бориса соответствовала целям укрепления самодержавной системы при одном непреклонном условии — сохранении мира внутри государства. Но эта политика принесла низшие сословия, составлявшие подавляющее большинство населения, в жертву дворянским интересам. Самодержавная система исключала участие низших сословий в управлении. Однако безмолвие народа было нарушено... От царя отвернулся народ, и династия пала».

Руслан СКРЫННИКОВ

щались многие историки. В чём, на ваш взгляд, состоит историческая ценность работ Руслана Скрынникова?

— Его безусловной удачей и большим научным открытием явилась находка в писцовых книгах Казанского края данных о ссылке примерно сотни княжеских семей на восточную окраину государства в первый год опричнины. Он показал, что опричнина была учреждена Иоанном Грозным с целью сокрушения могущества княжеской аристократии.

Ему удалось восстановить синодик опальников Иоанна Грозного. В конце жизни Иоанн объявил о прощении всех казнённых

бояр и прочих лиц и как боголюбивый человек пожертвовал на помин их душ огромные суммы. Скрынников сопоставил перечень имён Печерского синодика с выявленными в других списках фрагментами и завершил реконструкцию первоначального текста списка казнённых.

ДОСЛОВНО

«Борис был щедро одарён талантом государственного деятеля, далеко превосходя своих соперников. И всё же ему не удалось предотвратить гражданскую войну. Победа досталась авантюристу, принесшему России неисчислимые бедствия.

Годунов старался любой ценой сохранить мир с могущественной аристократией, не покушался на её земельные богатства... Политика царя Бориса соответствовала целям укрепления самодержавной системы при одном непреклонном условии — сохранении мира внутри государства. Но эта политика принесла низшие сословия, составлявшие подавляющее большинство населения, в жертву дворянским интересам. Самодержавная система исключала участие низших сословий в управлении. Однако безмолвие народа было нарушено... От царя отвернулся народ, и династия пала».

Руслан СКРЫННИКОВ

Ему удалось расшифровать все фамилии (за исключением трёх), а также установить места и обстоятельства их гибели.

Восстановление оригинала синодика помогло решить важнейшую историко-ведическую задачу — воскресить опричный архив, погибший после смерти Грозного.

Сделанное Скрынниковым открытие позволило полностью пересмотреть концепцию политического развития России XVI века.

— Руслан Григорьевич большое внимание уделил теме русской Смуты, занимался исторической реабилитацией Бориса Годунова.

Почему он так увлёкся именно этой эпохой?

— Скрынников, изучая русскую Смуту, пришёл к выводу, что на самом деле она отнюдь не являлась крестьянской войной, как утверждали до него. Главной движущей силой Смуты было мелкопоместное дворянство, служилое сословие. Именно оно взбаламутило страну, довело государство до катастрофы.

Сейчас я занимаюсь студенческим движением в Санкт-Петербурге и местном университете в начале XX века и вижу некоторое сходство в движущих силах, приводящих общество в турбулентное состояние.

— В предреволюционное время студенты «волновались», объявляли забастовки, устраивали митинги, демонстрации, требовали автономии университетов, требовали Конституции... Если посмотреть на персональный состав недовольных, то мы не обнаружим среди них выходцев из рабочих и крестьян. Там в основном были выходцы из среды состоятельных классов. Возникает вопрос: чего им не хватало?..

— А профессуре того времени чего не доставало? Зарплата приличная, общественный статус высокий, хорошая пенсия, и туда же — в ряды протестующих, в ряды оппозиционеров к существующей власти.

Эти бунтари были настроены антиправительственно, мало того, поддерживали крайние партии — большевиков и эсэров.

У меня это вызывает по меньшей мере недоумение. Как мне кажется, здесь сказалось влияние западных идей и некритическое восприятие западных ценностей.

Хотелось, чтобы у нас всё сразу стало как там... Что получили — известно. А потом в подвалах Лубянки или в эмиграции бунтари решали неразрешимые вопросы

бития и пытались понять, чего же им так не хватало.

— Какое поразительное сходство с сегодняшним днём!

— В истории так было всегда: определяли судьбу страны не миллионы, а активное меньшинство, причём в столицах. Большинство же было вынуждено идти в фарватере свершившихся событий. Протестующих же просто превращали в пыль. Так случилось и в конце XX века — за народ всё решило активное, громкоголосое меньшинство. И сейчас предпринимается попытка буквально повторения событий, приведших к крушению СССР.

— Нынешние студенты политической истории?

— По моим наблюдениям, нынешние наши студенты аполитичны. Явных поборников «либеральных» идей среди студентов-историков нет. Многие из них, наоборот, настроены патристично. Мы изучаем историю России, а она говорит не в пользу «либеральных» идей.

— Почему наша история сегодня стала полем ожесточённых политических сражений?

— После распада СССР в новообразованных государствах сразу же начался процесс переписывания истории. Таким образом новые правящие классы стараются как можно скорее пройти точку невозврата и закрепить своё господство. Наша история — это одно из немногих оставшихся объединяющих начал России как суверенного государства. Её надо отстоять во что бы то ни стало. И поэтому нам нельзя забывать о трудах таких замечательных историков, как Руслан Григорьевич Скрынников.

Беседу вел Владимир КРОТОВ

ГЕНОМ ЗА ДЕНЬ

— Константин Георгиевич, с вашей лёгкой руки российское общество заговорило о новой мировой революции — на сей раз генетической. Человечество уже сталкивалось с подобными культурными сдвигами и не без труда пережило некоторые из них. Что нас ждёт теперь?

— XXI век начался с того, что президент США и премьер-министр Великобритании объявили о том, что расшифрована первая структура генома человека. На эту работу ушло около 10 лет. И около 6 миллиардов долларов. Появился ещё один тип проектов, по затратам и значимости аналогичный исследованиям, связанным с атомной энергией или космосом. А значит, появился ещё один способ разделения стран: на те, которые умеют расшифровывать генетическую информацию, и те, которые этого не умеют.

Но стало ясно, что 10 лет и 6 миллиардов на один геном — это для обычного здравоохранения совершенно нереально. Перед учёными была поставлена задача — сделать эти исследования доступными. И дальше произошёл резкий скачок.

Сегодня прочтение генома человека стоит около 20 тысяч долларов. И на это уходит неделя. Я думаю, что в конце нынешнего года — начале следующего мы дойдём до ситуации, когда геном человека будет стоить тысячу долларов и занимать один день.

— Что даёт нам это знание?
— А вот здесь всё не так очевидно. До прочтения первого генома человечество было уверено, что поймёт о себе практически всё. Но, увы. Мы, конечно, узнали кое-что новое о себе, но, в общем, это не было революционным прорывом.

Как известно, генетический код любого из нас состоит из шести миллиардов «букв». Много это или мало? Приведу один пример. «Война и мир» Л.Н. Толстого — это два с половиной миллиона букв. И это геном микроба. Наши с вами геном — это библиотека Ясной Поляны.

Известно, что изменениями в генах обусловлены многие заболевания. При этом важно понимать, что генетический анализ — это не приговор. Наличие того или иного сочетания «букв» означает лишь, что у него есть предрасположенность к какому-то недугу. Но информирован — значит предупреждён: человек начинает лучше следить за собой, вести соответствующий образ жизни, чаще ходить к врачам. К примеру, известно несколько мутаций, которые ассоциированы с раком груди у женщин. В результате исследований полученных данные, что в группе тех участниц, которые были информированы о своей предрасположенности, смертность от этого страшного заболевания была существенно меньше, чем у тех, кого об этом не предупреждали.

Известны и болезни моногенные — когда болезнь связана с одним-единственным геном, в нашей аналогии — с одним «словом». Вот замечательная история в названии «Война и мир», и это будет уже совсем другая история — «Война и мор». Подобное изменение было, например, у цесаревича Алексея, и он страдал гемофилией, унаследовав её от матери.

Даже оставаясь вполне здоровыми людьми, родители могут являться носителями таких мутаций. И если вдруг папа и мама (хотя вероятность этого и не очень велика) одновременно будут обладателями такого испорченного гена, то их ребёнок будет иметь очень высокий шанс заболеть. Несомненно, родители должны знать, несут ли они такую наследственную информацию. И сегодня подобные исследования — в рамках мероприятий по планированию семьи — рутинная вещь. Просто взяли анализ крови у мамы, мы можем определить генетическую информацию ребёнка, которого она вынашивает. Это решение огромного количества проблем. И даже трагедий. Вспомните, к примеру, о такой генетической патологии, как появление лишней хромосомы, приводящее к рождению детей с синдромом Дауна.

— Иными словами, зная геном человека, можно предсказать его заболевания или предрасположенности. А можно ли их предотвратить?

— Пока нет. Предвижу резонный вопрос: зачем знать, если мы всё равно ничего не в силах исправить. Верно, единственное, что мы можем сделать сейчас, обнаружив какую-то серьёзную генетическую патологию, рекомендовать аборт. И данный ребёнок просто не родится. Это, как вы понимаете, ситуация трагическая. Но очень скоро, по всей видимости, и у нас можно будет выбирать здоровый эмбрион при наличии нескольких. Потому что в подобных случаях один зародыш, как правило, бывает больным, другой — носителем мутации, а третий — совершенно нормальным. Родители смогут выбрать последний, и их ребёнок родится здоровым.

ЖИТЬ В ЭПОХУ БИОЭКОНОМИКИ

«Война и мор ждут нашу страну, если мы отстанем в генетической гонке», — считает известный российский учёный, специалист в области геной инженерии и биотехнологии, доктор биологических наук, профессор, академик РАН и РАСХН, директор Центра «Биоинженерия» РАН Константин СКРЯБИН.

— И тогда в следующих поколениях данная мутация уже просто не будет существовать и со временем исчезнет вообще?

— Конечно. На самом деле, это и есть наше будущее. Одна из возможностей, предоставляемых человечеству генетикой, заключается как раз в том, что, имея полную генетическую информацию о человеке, мы сможем оздоровить миллиарды людей.

— Но экспериментировать путём мутаций или внедрения лишних генов, природа, возможно, пытается изменить человеческое существо. Мы воспринимаем это как болезнь, но, может быть, в дополнение к ней люди приобретают что-то ещё, чего мы пока не знаем. И это на самом деле какая-то следующая ступень эволюции. А мы её обрубаме...

— Нет, мы говорим сейчас именно о болезнях. Часто смертельных. Или приводящих к появлению заметных дефектов. Эволюцию пока отложим, а поговорим о том, какой могла бы быть медицина ближайшего будущего.

Медицинские исследования — вообще вещь очень дорогая. Ими и раньше-то могли заниматься только крупные фармацевтические корпорации. Но сегодня даже им это стало не под силу. Сегодняшние генетические исследования осуществляются усилиями научного сообщества всего мира. Создаются огромные международные консорциумы, которые исследуют десятки тысяч людей, здоровых и больных, собирают о них всю информацию, делают полный геном, сравнивают и анализируют эти данные. С одной целью: узнать, чем генетическая информация больных отличается от генетической информации здоровых.

Насколько мне известно, в России такие исследования проводятся в отношении инсульта, болезни Альцгеймера, бронхиальной астмы, некоторых сердечно-сосудистых заболеваний. Совсем недавно мы в Курчатковском институте в сотрудничестве с учёными из Франции, Великобритании и нескольких других европейских стран провели такую работу в отношении большой группы пациентов, страдающих раком почки. И нами уже найдены одно или два характерных изменения. Это значит, что люди, имеющие также же участки в своём геноме, тоже предрасположены к раку почки.

— Более того, отдельным направлением науки является исследование генома раковой клетки. И эту работу — по установлению структуры генома клеток, переродившихся в раковые, — мы также ведём в Курчатковском институте.

— А насколько оправданы гипотезы о генетическом предрасположенности к криминальному поведению? Если уже доказано, что существует ген агрессивности, логично предположить, что может быть и ген воровства, ген лжи... Не исключено, что найдётся «свой» ген для любого из семи смертных грехов.

— Учёные всё больше начинают интересоваться этим вопросом — генетическими особенностями поведения человека. Сейчас такой материал накапливается. Причём удивительно быстро. Есть проекты, в которых задействованы уже тысячи геномов. Я надеюсь, что скоро мы сможем чётко соотнести наши знания об их здоровье и поведении с конкретной генетической информацией.

Тут, правда, возникает другая проблема — где хранить такой колоссальный объём информации. Ведь только представьте: все книги, картины, чертежи, партитуры — одним словом, всё, созданное человечеством за всю его историю, переведённое в цифру, по объёму эквивалентно всего 30–40 тысячам геномов. А нас на планете семь миллиардов... Поэтому основные проблемы, стоящие сейчас перед генетикой, это, с одной стороны, научиться читать геномы как можно быстрее и дешевле, а с другой — найти способ всё это хранить, сравнивать, анализировать и делать выводы.

ЧУДЕСА НЕ ДЛЯ ВСЕХ

— Как любая революция, генетическая тоже, несомненно, повлечёт за собой некие социальные трансформации и преобразования — от мелких бытовых до глобальных государственных и глубоко личностных: в сознании, менталитете, этике. К чему нам следовало бы заранее подготовиться?

— Последствия будут грандиозными. Мы мало это осознаём, но ведь вообще-то сейчас происходят настоящие чудеса. Ещё лет 10–15 назад трудно было себе даже представить, что, находясь в Китае, можно будет запросто позвонить по мобильному телефону на другой конец света. Появление I-Pad, планшетов, телефонов уже сильно изменило наш мир. Информационная и генетическая революции вместе сделают нашу жизнь... Ну просто вообще другой.

Вот я вам предсказываю, что через несколько лет у вас на руках будет пластиковая карточка с чипом, содержащим ваш личный генетический код, ваш геном. И когда вы придёте на приём к врачу, он вставит эту карточку в специальное устройство на своём столе, и на экране появится вся информация о вас.

Что это вам даст? Приведу такой пример. Все люди, которым делают какие-то операции, в том числе на сердце, сразу после хирургического вмешательства начинают принимать таблетки, разжижающие кровь. Сегодня мы точно знаем, что есть шесть генетических особенностей, «букв», которые определяют эффективность дозы такого лекарства. И если вы не сделали генетический анализ до операции, то есть очень большой риск, что у вас будет тромб, если вам пропишут просто стандартную дозу. Когда же у врача будет ваша генетическая карта, он сможет прописать вам персональное лечение, исходя не только

из анамнеза, возраста, веса, но и из того, какие мутации имеются в вашем геноме.

— Другими словами, первое следствие генетической революции — появление персональной медицины.

— Да, но не только. Принципиально поменяется парадигма медицины вообще. Если раньше мы человека лечили, то имея его генетическую информацию, мы сможем всё время поддерживать его здоровым, стараясь предотвратить развитие болезни. Это совсем разные вещи. В одном случае медик получает деньги за то, что он вылечил болезнь, а в другом — за то, что его пациент всё время здоров. И сегодня мы постепенно переходим именно к такой медицине.

— Мы или мир?

— В том-то и дело... Это произошло у нас с кибернетикой, с компьютерами — мы отстали. Вы знаете, как ведут себя молодые люди в Америке и в России, используя, к примеру, iPhone? Принципиально по-разному. Для молодёжи на Западе это просто часть быта. В домах есть серверы, которые удерживают всю информацию. Когда человек входит в помещение, одна машина моментально связывается с другой, и включаются все необходимые приборы. Или, например, вы один раз в час прикладываете к груди свой усовершенствованный мобильный телефон, нажимаете кнопку, и ваш кардиолог мгновенно получает вашу кардиограмму. В цивилизованном мире жизнь реально устроена уже именно так.

Я не раз говорил: если мы отстанем в генетической гонке, то последствия будут тяжелее, чем если бы мы отстали в атомной или космической области. Потому что все те чудеса, о которых мы сейчас упоминали, будут происходить только в тех странах, где есть весь комплекс технологий, необходимых для чтения и анализа геномов. И может случиться так, что через несколько лет мы просто не будем понимать, что говорят врачи в развитых странах. Вот приезжаете вы, скажем, в Европу, приходите к врачу, и он говорит: «Пожалуйста, ваш геном». А у вас его нет. Или вы не подключены к тому огромному аналитическому центру с тысячами геномов, миллионами мутаций и их соотношений с болезнями.

Все говорят о золотом миллиарде людей — в смысле еды, комфорта... Очень важно, чтобы новейшими технологиями могли пользоваться все на земном шаре. Это большая проблема, которая касается и нас. Мы должны в генетическом плане идти в ногу с другими развитыми странами.

— В противном случае через некоторое время весь цивилизованный мир будет здоров и счастлив, а мы в лучшем случае останемся на том же уровне, на котором находимся сейчас?

— Ну да. Возможно, это слишком пессимистично, но, по сути, так. В самом деле, это будет катастрофа. И ужас заключается в том, что у нас даже не понимают, что происходит. И что вообще-то мы обсуждаем сейчас проблему национальной безопасности.

Вы знаете, когда в 2009 году мы сделали первый в России геном человека, многие говорили: ну, подумай, восьмой в мире... А ведь это то же самое, что запустить ракету. Нужно было создать инфраструктуру, обучить людей. Страна, которая всё это имеет, уже как бы «в клубе». Космический клуб. Атомный клуб... Расшифровав геном, мы вошли в геномный клуб человечества. С моей точки зрения, это было нашим основным достижением. Это значит, что с нами стали разговаривать, обмениваться информацией — с нами стали считаться.

А ведь тогда, в 2009-м, это понимали только физики. Вот у них почему-то есть это качество — чувство национальной безопасности. Они чётко уловили, что происходит и насколько это важно для России. Именно физики нашли деньги на то, чтобы купить приборы и провести исследования. И первый в России геном человека был сделан в Курчатковском институте.

ВО МНОГОМ ЗНАНИИ МНОГО ПЕЧАЛИ

— А как быть с тайной личной информацией и правом на неприкосновенность частной жизни? Ведь содержащиеся на пластиковой карте сведения о человеке могут быть легко похищены и использованы ему во вред.

— У вас есть хоть одна кредитная карта?

— Да, конечно.

— Так вот о вас уже известно практически всё. Как только вы вставили карту в банкомат либо зашли в магазин и купили себе колготки, в центр её выпуска автоматический поступает информация: время, место, наименование товара. Это уже позволяет проследить, где вы находились в данную минуту, все ваши передвижения, покупки, даже привычки, потому что известно, какую еду вы едите, какие фильмы смотрите, какие книги покупаете.

Очень скоро (это вопрос нескольких лет) туда же можно будет внести вашу генетическую информацию. И всё — полный контроль.

— В этом прогнозе слышится что-то зловещее.

— Я ещё раз говорю, мы не ставим диагноз. Мы даём информацию. А кто и как распорядится этой информацией — большой вопрос. Связанный, в общем, действительно со свободой личности.

Хорошо это или плохо? Не знаю. Я могу только предположить, что дальше. А дальше вы хотите купить себе дом. Идёте в банк и просите дать вам кредит. Работник банка заглядывает в вашу генетическую карту и обнаруживает, что у вас, предположим, есть большой риск инфаркта. Что вам отвечают? В кредит отказано.

Или приходите на собеседование. Красивая образованная женщина, резюме, опыт, всё прекрасно — вас берут на работу. А если вы даёте свою генетическую карту и оказывается, что у вас есть предрасположенность, ну, предположим, к агрессии, то работодатель ещё задумается, может, лучше взять менее красивую, но без агрессии.

— С точки зрения общества крайне полезная возможность. Ведь есть и более страшные склонности. Например, предрасположенность к садизму. В полицию такого человека брать явно не стоит. И лучше обнаружить это заранее.

— Конечно. Или, не дай бог, педофилия и работа в школе... Существует множество разных предрасположенностей: к алкоголизму, к наркомании... Чем больше геномов мы будем получать, чем больше ассоциативных связей проследим — с тем большей уверенностью сможем сказать,

что какое-то поведение обусловлено именно такой структурой генома.

— Но если взглянуть на это с точки зрения конкретного человека? Одно дело — предрасположенность, другое — реальная жизнь. Человек, генетически склонный к алкоголизму, может никогда не стать алкоголиком. А его всё равно из-за этого не возьмут на работу, не дадут кредит... Что ценнее: общество в целом или судьба отдельного человека?

— Есть и ещё более сложные вопросы. Вот, к примеру, одна из малых скандинавских стран недавно заказала в Китае исследование нескольких тысяч своих жителей. И очень скоро они будут чётко знать: как питаться, как лечиться, как себя вести, как выстраивать социальную структуру общества. А другая страна — рядом — ничего не будет о себе знать.

Или такой вопрос: что происходит с молодёжью в Европе? Откуда эта агрессия? Там, несомненно, есть генетическая компонента.

Когда мы говорим о следующих за генетической революцией гуманитарных сдвигах, я имею в виду именно это — возможность управлять социальными группами, исходя из их генетической предрасположенности к тому или иному поведению.

Или вот: вы никогда не задумывались, что земля раньше была планетой людей и лошадей? Если проследить миграцию лошадей, это может дать совершенно неожиданные результаты для изучения эволюции человечества.

А вопросы, связанные с появлением наций? Как двигалась генетическая информация по Европе, Азии? Женились ли викинги на женщинах завоеванных ими территорий? Были ли цари скифов родственниками?

Некоторые любят рассуждать о бессмертии. А вы знаете, что на самом деле бессмертно? Бессмертен ген. Потому что у меня есть гены моего пра-пра-пра-пра...дедушки. Как сказал один мой верующий друг, он лишь на сто поколений отстоит от Иисуса Христа. Это значит, что можно легко проследить эту генетическую линию.

— И обнаружить у себя гены Иисуса Христа?

— Ну да. Ясно, что все мы произошли от какого-то фиксированного количества людей. Это значит, что все люди на земном шаре — родственники. И человечество вообще-то должно именно так себя и осознавать. Это ещё один интересный философский вопрос. Потому что тогда любые войны станут конфликтами внутри одной семьи.

— Если генетика способна улучшить фенотипические данные растений, то недалёк, видимо, тот день, когда и улучшение человеческой «погоды» будет обычным делом? Все люди станут одинаково красивыми, умными, доброжелательными. Можно будет «задавать» будущему ребёнку цвет глаз, склонность к науке, творчеству или спорту — по выбору родителей или госзаказу. Или это пока фантастика?

— Мы всё больше начинаем понимать этот механизм. Сегодня, образно говоря, мы научились читать. Следующий шаг — научиться писать. Ведь когда нам не нравится какая-то фраза, мы легко можем зачеркнуть неправильное слово и вставить туда новое. А если это «слово» — болезнь? Или некая нежелательная поведенческая особенность?

Лет десять назад ряд европейских стран принял декларацию, согласную которой XXI век будет объявлен веком биоэкономики. Тогда это многих удивило. Но вот сами посудите...

Практически вся фармацевтическая промышленность сегодня основана на использовании микробов. Многие препараты, в том числе инсулин, уже получают с помощью генетически модифицированных бактерий. Через пару лет мы будем делать лево — комбинировать ген одного с геном другого и получать микроб, который умеет делать и то, и другое. А лет через 10–20 будет такой огромный бак — ферментёр — на сотни, а то и тысячи литров, в котором из воды, кислорода и каких-то минеральных веществ будет создаваться всё, что вам нужно. Экологически чисто. Никаких отходов. Очень малые затраты энергии. Просто спасение для человечества, согласитесь? А ведь это и есть биоэкономика.

Когда мы стали делать то же с растениями, это вызвало огромное количество волнений. Шум вокруг ГМО продолжается уже более 20 лет. Экологи твердят, что они опасны. Однако никаких данных, подтверждающих вред таких растений, нет. Напротив, ведь для них не нужны ни удобрения, ни все эти чудовищные химические защитные средства.

Конечно, безопасность — приоритет. Всё надо проверять. Но в любом случае, когда мы начинаем менять какое-то слово в генетическом тексте — это уже первая попытка писать. И если мы научились это делать с микробами и с растениями, то ясно, что скоро научимся это делать и с животными.

— Страх, который вызывают в некоторых людях эти эксперименты, понятен. Но сопротивляться научному прогрессу — всё равно что бороться против земного притяжения. По меньшей мере неразумно. Проблема не в знании как таковом, а в его использовании.

— Человечество стоит сейчас перед огромным количеством вызовов. Люди на Земле становится всё больше, им необходимо всё больше еды. Вопрос — к биологам. Окружающая среда загрязняется. Появляется всё больший дефицит воды. И эти проблемы можно решить с помощью биологии. Если раньше грозой для человечества были чума, оспа, холера, то сегодня — наследственные заболевания. Мы хорошо научились лечить людей. Но их наследственные болезни передаются следующим поколениям, накапливаются. Решение — за генетиками. Есть проблемы, связанные с энергетикой. У нас имеется потрясающий источник — солнце. Растения приспособились накапливать его энергию. И, наверное, когда-нибудь человечество настолько изучит эти механизмы, что тоже сможет фиксировать энергию солнца.

Теперь понятно, почему биология, генетика, геновая инженерия и биоэкономика стали сегодня основной движущей силой прогресса в мире?

Беседовала Ника МИЛОСЛАВСКАЯ

СОКРОВЕННОЕ

Любовь или Великая Пустота?

Способно ли православие объяснить мир

«**Б**ог есть любовь» — в эту формулу очень хочется верить. Ведь она означает, что нет отчаяния, нет одиночества, жизнь справедлива. Мы хотели бы видеть мир таким, но, как ни горько, он далеко не идеален, и чем выше роль православной Церкви в нашем обществе, тем, как ни странно, больше людей относится к этому со скепсисом.

Очевидно, что для православных христиан православие — это истина. Как истина, у католиков своя истина, у протестантов — своя, у мусульман — своя, у буддистов — своя... Но если между представителями монотеистических религий возможен хотя бы какой-то диалог, а что делать с китайцами, индийцами, японцами, общая численность которых превышает 2,5 млрд. человек и которые живут в совершенно другой системе координат? Если христианство — это объективная истина, то из этого следует, что Китай несколько тысячелетий существует в непроглядном мраке заблуждений. Не слишком ли смелое допущение? И не получается ли, что православие — это не объективная истина, а наша традиция, определяющая национальный характер и менталитет?

Когда заходит речь о многообразии религий, возникает вопрос о том, можно ли их сравнивать, чтобы выявить, какая из них, плоско и грубо выражаясь, лучше. Такую попытку делает Андрей Кураев в своей книге «Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир?», где он, по его словам, оценочно сопоставляет религии, исходя из представления о религии идеальной. Что такое идеальная религия? Это религия, которую можно признать «более высокой, более человеческой, более гуманной», воплощение мечты об устройстве мироздания. Но мечта и истина не одно и то же.

В ходе рассуждений А. Кураев приходит к выводу, что идеальной религии более всего соответствует христианская «формула «Бог есть любовь» — высочайшая из всех возможных человеческих представлений о Божестве».

После разрушительного цунами 2004 года в Юго-Восточной Азии в теленовостях была показана случайно уцелевшая видеозапись с места события. Песчаный пляж, много отдыхающих, на переднем плане — несколько малышей с совочками и ведёрками для песка. На заднем плане — обнажившееся в результате сильного отлива морское дно и приближающаяся белая полоса во весь горизонт. Комментарий за кадром: никто не чувствует угрозы, никто не спешит покинуть пляж. С чем согласуется эта видеозапись? С тем что «Бог есть любовь»? Чтобы с этим согласиться, надо долго себя уговаривать. Здесь больше соответствий с другим описанием: «...безличностное Дао — «Великая Пустота» — не мыслит, не ставит цели, не даёт нравственные заповеди... и не любит мир, которым правит». Или с таким: «языческие боги суть олицетворения стихий природы. Природные же силы и процессы в принципе аморальны. В их осуществлении нет категории цели... Они просто действуют — и всё». Это не призыв к даосизму или к язычеству, а констатация факта: существуют обстоятельства и явления, которые, увы, невозможно, объяснить с позиции «Бог есть любовь».

На фоне катастроф, унёсших бесчисленное число человеческих жизней, рассказы о локальных чудесах вызывают, откровенно говоря, смешанные чувства.

Христианская Церковь проповедует, что Бог никому не посылает непобедимых испытаний. Всеволод Чаплин провозглашает: «Болезни укрепляют нас духовно. Страдания побуждают к живому-

ному покаянию и исправлению. Социальные катаклизмы заставляют задуматься о смысле бытия и переменить свою жизнь. ... Господь ничего не посылает нам не для нашей же пользы, и если мы веруем в Него и идём за Ним, он любое внешнее зло обратит нам во благо». Звучит красиво. Теперь перескажу ещё один телевизионный сюжет: мать и бабушка воспитывают ребёнка. Позднего и очень долгожданного. В четырёхлетнем возрасте ребёнок заболел раком. Его интенсивно лечат. Но в больнице ребёнку в кровь заносит инфекцию, и он впадает в кому... Заключительные кадры: мать и бабушка, внешне они выглядят как ровесницы, на кладбище обнимают памятник и рыдают... Это сильное испытание? Для чьей-то пользы? Каким образом оно может обратиться во благо? Как болезнь может укреплять духовно, если речь идёт о ребёнке?

В связи с посильными и непосильными испытаниями возникает ещё одна тема. Церковь считает самым страшным грехом самоубийство. Прибегну ещё раз к публичному источнику — документальному фильму, показанному по ТВ. Один известный актёр покончил с собой. Что это? Предшествовало? Сначала у него от неизлечимой болезни умерла жена, затем в автокатастрофе погибла старшая дочь, а потом умер и сын, унаследовавший болезнь матери. Этот человек не заслуживает ничего, кроме осуждения? Можно ли считать посильным испытанием то, что с ним случилось?

Если же всё-таки уверовать в то, что Бог есть любовь, тогда становится невозможно себе представить, чтобы испытания подобного рода исходили от Него. Когда говорится о том, что стихийные бедствия и неизлечимые болезни посылает людям Бог, который их любит, это, откровенно говоря, не укладывается в голове. К тому же на тему божьего гнева возникает особенно много спекуляций. Все помнят, как Никита Михалков после стихийных бедствий в Японии заявил, что они являются наказанием за безбожие. Из чего следует, что безбожники компактно проживают в сейсмоопасных регионах. Владимир Хотиненко на телеканале «Культура» поделился мыслью о том, что Вторая мировая война была послана нам в наказание за 17-й год и веротопустничество. Чем провинились ревностные католики — итальянцы, французы, поляки, — режиссёр не уточнил.

Особенно озадачивают случаи, когда виноват один, а наказывают ему в назидание кого-то совершенно другого. Если допустить, что землетрясения и цунами должны послужить уроком всему человечеству, а не только самим пострадавшим, то это именно такой случай.

Архимандрит Тихон (Шевкунов) в книге «Несвятые святые» вспоминает эпизод о том, как однажды он без благословения покинул Печерский монастырь: «Настроение было скверное. ...И ещё, конечно, совесть обличала, что я взял да и уехал с Погребения Плащаницы. И благословение на дорогу так и не взял... Мы миновали поворот на Печоры, когда на шоссе прямо под моим окном наш автобус начал обгонять красный жигулёнок. ...Жигулёнок вдруг резко вывернул вправо и оказался под колёсами нашего «Икаруса». Раздался пронзительный скрежет металла... Все закричали... А громче всех закричал я, мгновенно потрясённый страшной догадкой: — Это из-за меня!»

Пожую историю я слышала от своей знакомой. Она была сильно обижена на одного человека и, как говорится, от всей души пожелала ему зла. В этот момент её ребёнок у неё на глазах неудачно упал и сломал ногу. По её словам, она сразу

почувствовала, что это её наказали за чёрные мысли. Может быть, мои представления о справедливости и личной ответственности примитивны и слишком прямолинейны, но я искренне не понимаю, при чём здесь её ребёнок, так же как и пассажиры жигулёнка из предыдущей истории? Можно допустить, что ответственность человека за свои поступки простирается гораздо дальше, чем он может помыслить. Что наши злые намерения могут иметь последствия, о которых мы даже и не догадываемся. Что в случае с ребёнком мать воочию увидела, как материализуется тот вред, который она причиняет ему своими дурными помыслами... Однако в любом случае получается, что пострадавшие — лишь инструмент воспитания.

Что-то вроде наглядного пособия или демонстрационного материала. Возможно ли это?

Существует убеждение, что приверженность христианству делает человека нравственным. Я знаю одну пожилую женщину, у которой постоянно требуют деньги её бывший муж. То он заболел, то его обокрали, то у него взяли в долг и не вернули... Она знает, что он ей врёт, но деньги даёт. Ситуация, увы, довольно унылая. Но есть одно обстоятельство, которое придаёт ей краски: одна из комнат в квартире бывшего мужа превращена в подобие домово-церкви. Целая стена от пола до потолка увешана иконами. Каждый день этот человек помногу молится, каждый день беседует с батюшкой в церкви. Всё это совершенно не препятствует ему продолжать вымогательства.

Женщина работала бухгалтером. При этом тоже отличалась набожностью, посещала церковь и почти все отпуска проводила в паломнических поездках. В один прекрасный день она оформила бухгалтерский документ, по которому сняла в кассе крупную сумму денег, после чего благополучно скрылась. Кассира, выдавшего деньги, уволили.

Примеры можно приводить и дальше. В то же время вокруг много людей, которые церковь не посещают и вообще не очень тверды в своей вере, но при этом почему-то пожилых женщин не обворовывают и кассы не грабят. Это наводит на мысль о том, что религиозность и нравственность между собой никак не связаны. По крайней мере не стоит абсолютизировать зависимость одного от другого.

Более того. Архимандрит Тихон в той же книге «Несвятые святые» рассказывает детективную историю об уголовнике, который выдал себя за монаха-отшельника. Под влиянием православной среды этот человек раскаялся, явился с повинной, отбыл срок, а впоследствии даже сделался священником. Однако финал истории трагичен:

ни все без исключения проблем: какого цвета рубашку купить, что съесть на завтрак и т.д. Возникает болезненная зависимость, полностью лишаящая человека самостоятельности и чувства личной ответственности даже за элементарные действия. Это, как говорили раньше, перегибы на местах или это именно то, к чему Церковь и стремится? На этот вопрос вроде бы отвечает Всеволод Чаплин: «Да, есть люди совершенно «несмысленные», которые действительно не могут сами и шага ступить. Но попытаться воспитать не раба и не вечно «чадо», а свободного и взрослого человека — всегда стоит». Проблема в том, что эти люди стали «несмысленными» именно после того, как начали вести церковную жизнь.

Как известно, православные люди стараются и детей воспитывать в христианском духе. Но результат иной раз бывает совершенно противоположным ожидаемому.

Мама настойчиво водит в церковь своего сына. Буквально заставляет его молиться, исповедоваться, причащаться, посещать воскресную школу. По достижении 18-летнего возраста сын убежит из дома и становится стриптизером.

У маленькой дочери очень религиозная мама. Девочка сообразительна и, несмотря на свой очень ранний возраст, прекрасно понимает, как именно мамой манипулировать. Она через каждые два слова повторяет «Господи, помилуй» и «Господи, прости», а также рассказывает о том, как к ней прилетали ангелы, как с ней разговаривала Богородица, как ей приснилось, что вся их семья попала в рай, как небесная покровительница, святая Татьяна, приходит по вечерам читать ей сказки... Все, что это слышит, испытывают неловкость. Все, кроме мамы. Мама в восторге. Девочка маленькая, но уже очень лукавая и притворная — лучшим способом управления доверчивыми людьми.

Каждый день в парке гуляет девочка лет восьми, одетая в длинное чёрное платье и чёрный платок. Её сопровождает отец или, может быть, молодой дедушка в рубашке а-ля рюс. Он всегда вышагивает впереди и излучает уверенность, что бывает свойственно людям, «познавшим истину». Затравленная девочка плетётся сзади. Опустив голову, она проходит мимо мороженого, игрушек и воздушных шариков, которые ей, конечно, никогда не покупают и которые так контрастируют с её чёрным одеянием. После «весёлой» прогулки пара направляется в сторону местной церкви.

Отношения Церкви и государства — тема большая. Копий сломано уже много, поэтому коснусь лишь одного вопроса: что имеет в виду сегодня под симфонией Церкви и власти? Всеволод Чаплин поясняет: «Симфония Церкви и власти — идеал, от которого наша Церковь не откажется», «Почтение Церкви к властителю — это почтение к его особому служению и особой его ответственности, благоговение перед тайной Божия решения, которым этот человек во власть поставлен». Означает ли это, что мы должны перейти к престолонаследию? Каким образом «благоговение перед тайной Божия решения» соотносится с выборностью власти?

Буду очень рада, если на все эти вопросы существуют очевидные ответы.

Ольга БУГОСЛАВСКАЯ,
кандидат филологических наук

КНИЖНЫЙ РЯД

«Товарищ Ге» и другие

Курортным городам «везёт» на знаменитостей, и Kislovodsk, разумеется, не исключение. Если он решит всех помянуть — может быть, и мрамора не хватит для мемориальных досок. В самом деле, кто тут не бывал, в основном для отдыха и лечения... Об этом можно многое узнать из книги Бориса Розенфельда. Видное место в серии очерков, составляющих её, он уделит писателям — от золотого и серебряного до нынешнего века. От Пушкина и

Лермонтова до Брюсова и Хлебникова. Они бывали здесь наездами, и только одна мировая знаменитость родом отсюда. Это А.И. Солженицын, чьё имя в представлении массового читателя ассоциируется прежде всего отнюдь не с курортными краями. А родился он в Kislovodsk.

В этом ряду лишь один персонаж вызывает некоторое недоумение. Это одиозная фигура рапповского драматурга Александра Киришона. В том же очерке резануло ещё одно имя —

«чекистки Ксении Ге», которую повесили белые, причём сказано это явно с сочувствием к ней. Почему-то автор умолчал о том, что белые зарубили шашками и её мужа — руководителя Kislovodskской ЧК Александра Ге. А это одна из оталкивающих фигур тех лет: этот международный авантюрист из Германии по фамилии Голберг, приехавший в Россию после февраля 1917-го, сначала почему-то ставший членом ВЦИК, а потом посланный в Kislovodsk, где прославился неимоверной жестокостью, прежде всего глумлением над женщинами. Видимо, автор пользовался источниками, в которых ещё считается, что кровавый «товарищ Ге» — «за нас», а за-

Б.М. Розенфельд. **Малознакомый Kislovodsk.** — Пятигорск: РИА-КМВ, 2012. — 272 с.: ил. — 1000 экз.

рубившие его «белоказики» — против нас.

Но это частность. В целом книга даёт репутацию российской словесности множество деталей, ценность которых невозможно преувеличить. Один лишь пример. Известное стихотворение Брюсова «Юноша бледный со взором горящим...» написано, рассказывает Борис Розенфельд, не «вообще», а обращено к конкретному лицу — тринадцатилетнему начинающему поэту Саше Браиловскому, которого, будучи на курорте, Брюсов

наставлял на путь истинный. Увы, не наставил — не из всех вундеркиндов вырастают виртуозы.

И ещё надо сказать об авторе. Борис Матвеевич Розенфельд — заслуженный деятель культуры РФ, член Союза композиторов, искусствовед, писатель, краевед, основатель Музея музыкальной и театральной культуры на Кавказских Минеральных Водах. Побольше бы таких энтузиастов да во всех городах!

Юрий БАРАНОВ

ЖИТИЁ-БЫТИЁ

Зачем же Пушкину коттедж

Помнится, ко мне в автобусе привязался пьяный ханурик. Ему во мне всё не нравилось — и лицо, и одежда. Я на него как бы не обращал внимания. Но, когда он дернул меня за нос и заржал, я закрыл книгу, которую читал, и сильно возразил, правда, он даже не упал.

И что бы вы думали, часть пассажиров тут же на меня ополчилась: «Человеку плохо, человек выпивши, а вы к нему пристаёте!» Оказывается, это я к нему приставал. Тут есть над чем задуматься. Такие дружные варвары ведь ещё Древний Рим погубили.

Во времена, когда и чёрно-белый телевизор являлся редкостью, в Центральном парке культуры и отдыха было прелестное развлечение — танцевальная площадка. Мы туда по вечерам валом валили. К тому же это было и культурное мероприятие: в танцах наступал перерыв, и задорная девица объявляла с эстрады, где сидел оркестрик, викторину. Она лихо выкрикивала в микрофон: «Кто написал поэму «Василий Тёркин» — Евтушенко, Твардовский, Симонов?» И мы, склонные плясать и танцевать, хоча и подпрыгивая, выкрикивали наугад ответы — а вдруг приз получишь! Вот такая была незатейливая забава вперемешку с фокстротом. Братья и сёстры, но ведь сегодня это называется ЕГЭ! Остаётся лишь приёмные экзамены в вузы обозвать викториной и проводить их в перерывах между танцами.

Мы же уродем себе жизнь, доверяем культуру людям, которые в ней посторонние. Безусловно, москвичи Юрию Михайловичу Лужкову кое-чем обязаны, например бесплатным проездом для пенсионеров. Не исключено, что он даже знает, кто написал поэму «Василий Тёркин» — Евтушенко или Твардовский. Но как можно при этом ему решать, каким быть облику великой Москвы? Лужков искалечил мой отчий город. И это почти навечно. Ведь переделат Москву с её турецкими башенками практически невозможно, это же не разрешить с утра пораньше вдруг признать генетику наукой. Придётся наш город «донашивать как есть».

У меня не так уж много, что я пронёс в себе через всю жизнь, — Горный Алтай, Камчатка, храм Покрова на Нерли, возле которого деревня, где папа родился. И конечно — пушкинское Михайловское. У меня был период, когда я ездил в Михайловское регулярно. Знаете, я там душой оттаивал. И дело было не в излученных назубок мемориях. Дело было во всём: в небе, снеге, реке Сорочь, в бескрайности родной красоты.

Помнится, вернувшись из Михайловского, я написал в газете довольно неуклюжую фразу: «Словно райисполком принял решение — горизонт не трогать!» А ведь тронули. Если вы нынче поднимитесь на Савкину горку, откуда особенно прекрасны окрестности Михайловского, то увидите, что посередь сего дива дивного всунули коттеджный посёлок. Видимо, богатеньким пожелалось, чтобы Михайловские просторы им прямо под окном поднесли.

Погане было только, когда бездарный белый куб Дворца съездов хамски вломили в нашу невиданную древнейшую красоту — Московский Кремль. Спроверил это ещё один «культурный», но не Лужков, а Хрущёв. Будь моя воля, выше директора овощной базы я бы их ни за что не назначил. А они судобой, Родиной моей веротили.

Горько мне, но не удивительно. Не сегодня ведь испоганились. Помнится, приехал я в Тарханы. Мемориальная усадьба бабушки Арсеневой, где произрос Мишель Лермонтов, стояла на небольшом полуострове, окружённом с трёх сторон речкой. Так вот, на этом мемориальном полуострове я застал... случайный пункт для лошадей. Они там размножались. Во всей России не нашлось другого места для лошадиных сладострастий. Вернулся в Москву, истерично разорался в самых разных инстанциях. Из Москвы дали культурное повеление: случайный пункт из усадьбы Тарханы убрать. И куда-то убрали.

Братие, мы же так совсем одичаем и перестанем отличать микроскоп от самосвала. На днях известнейший футболист, весьма, кстати, симпатичный парень, спокойненько и небрежно произнёс в интервью: «Начал читать «Мастера и Маргариту». Бросил, это же невозможно читать». А нарядная, почти догола раздетая, с огромной улыбкой размером во всё лицо знаменитая теледива заявила (сам слышал) с экрана: «А я не считаю Моцарта гениальным!»

Как же я хохотал! Но это был сатанинский хохот.

Эдуард ГРАФОВ

СОБЫТИЕ

Летний балет: испытано в «Новой опере»

Ежегодный летний фестиваль балета — одна из немногих возможностей русской танцевальной «реальности» показать себя зрителю.

Кому не хватает места у Христа за пазухой, оказывается под колапак у Мюллера, острили пошляки made in USSR, и эту не бог весть какую шутку невольно хочешь повторить, когда задумываешься о Москве и лете, классическом балете и семейном бюджете, принципе «не навреди» в эстетике и ещё многих-многих вещах, которые могут прийти в голову приезшему человеку, уступающему назойливым уговорам малолетней дочки: «Папа, хочу в балет».

Большой театр, безусловно, обладает лучшей балетной труппой в мире, но билет туда получить не так чтобы очень просто, во-первых, и не так чтобы очень дешево, во-вторых. Конечно, пришельцы с «дикого Запада» могут позволить себе раз в жизни посетить этот «самый-самый», и поскольку таковых много, Большой балет без зрителя не останется. Гоняться за публикой он точно не станет — будет спокойно работать в стационарном режиме с нечастыми выездами за кордон в порядке оказания шефской помощи слаборазвитым в балетной отрасли Северо-Американским Соединённым Штатам или, извиняюсь, Канаде. Он велик настолько, что поколебать его величие не может даже современная хореография, а какой-нибудь его двухдневный фестиваль WWB@LLET.RU, принимая провинциальный дэнс-коллектив из Сан-Франциско, может не указывать в качестве рекламной «заманухи» очевидное: «Ни один из участников фестиваля не уступает по качеству русским гастрольным труппам!» Правда, зачастую и не превосходит.

Однако Большим театром русский балет не ограничивается. Более того: он никакой не показатель реальности балетных дел Руси. Он — витрина, вершина непростого организма, топ «пищевой цепочки» русского класси-

ческого танца. По нему можно судить о прошлом и частично будущем отечественной балетной сцены, но почти нельзя о настоящем. Настоящее — грунт, из которого произрастают выдающиеся коллективы, настоящее — инфраструктура отлаженной подготовки танцовщиков и проката произведений. Настоящее — московские труппы, не входящие в число топ-фирм русского балета, но уверенно сохраняющие общий высокий уровень данной отрасли народного хозяйства. Настоящее — это не только крепкие акаде-

Государственный академический театр классического балета Н. Касаткиной и В. Васильева. «Дон Кихот»

мические коллективы провинции, но и столичные театры, не имеющие своего дома. Им-то я и посвящаю свои заметки.

Обыкновенно данные театры показывают себя летом. Москва проводит этим временем враз несколько балетных смотров. Освобождаются стационарные подмости ряда дружественных театров — и вот: то РАМТ приглашает, то «Новая опера». Последняя — уже много лет. Приходят зрители попроще, захаживают балетные специалисты по своим тайным причинам, бывают даже снобы-балетоманы, если афиша обещает.

Зачем? Нельзя ли обойтись лучшим и отправить «малые балетные театры»

по гастролем за полярный круг? Или рассадить стационарно по райцентрам необъятной родины? Заманчиво, но, во-первых, эпоха крепостных театров вернулась не полностью, а во-вторых, данные коллективы и существуют почти как гастрольные. Без дома — и лишь по окончании сезона «Новая Опера» предоставляет им сцену. Или в другую паузу.

Посмотреть же есть на что. Возмём настоящее время. Летний балетный фестиваль в «Новой опере» даёт спектакли двух коллективов: Театра

классической балета Н. Касаткиной и В. Васильева и «Русского национального балета» Сергея Радченко. Первый из них — постоянный участник, второй — ещё утверждает себя рядом с «КасВас» в качестве фестивального партнёра.

На что ориентированы упомянутые театры? На нежелезную классику родного танцевального искусства. На воспитание зрителя, на эстетически безупречные образцы индивидуальности поисков в рамках родной традиции. На афише — вся классика: «Лебединое», «Щелкунчик», «Спящая красавица». Второй эшелон: «Баядерка», «Дон Кихот», «Жизель». Для гурманов «Копеллия» и советские шедевры: «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Спартак». При

этом многих ожидает сюрприз: например, «Ромео и Джульетта» в театре Радченко — не балет Сергея Прокофьева, а одноактное произведение на музыку одноимённой увертюры-фантазии Петра Ильича Чайковского.

Это интересно, это необычно. Это не увидишь в Большом ни за какие деньги. Или «КасВас», театр, имеющий статус академического государственного, но не имеющий крыши над головой. Его труппа покажет вам привычной только «Жизель», а остальное — исключительно в авторских редакциях худруков театра. Наталии Касаткиной и Владимира Васильева. Хореографов самобытных, чьё творчество давно и прочно заинтересовало специалистов и — будь у театра своё помещение — захватило бы широкую аудиторию. Для этого есть всё: прекрасные артисты, собирающие круг почитателей, уникальные постановки: «Сотворение мира» или «Маугли». Есть традиции работы с выдающимися танцовщиками: достаточно вспомнить, что здесь начинала свой путь фантастическая Галина Степаненко!

Русский балет широк и разнообразен. Он, вспоминая начальную шутку среднего качества, просторен для того, чтобы места хватило всем, ему не нужно стремиться под чей-то «колапак». Даже без «крыши» он способен показывать себя в разнообразии талантов и экспериментов. Пример: завершает данный фестивальный круг «КасВас», эстафету принимает Сергей Радченко. Зритель, посмотревший «Копеллию» первых, может сравнить её с редакцией второго. И в любом случае — утешить тоску по классике.

Не нужно бояться, что исполнение будет «не на уровне». Подобного рода мероприятия балетного братства отличаются ещё и тем, что дают возможность заработать оказавшимся свободными артистам от прошлых до будущих звёзд.

Это интереснее, чем балет из Сан-Франциско, поверьте!

Иван ДЕМЬЯНЕНКО

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Требуются молодость и профессионализм

Городские власти уже второй год реализуют «Программу стажировки для молодых людей». Она состоит в том, что путём конкурсного отбора находят молодых, талантливых людей из лучших учебных заведений, которые хотят строить свою карьеру в столичном правительстве. Подробнее об этой программе журналистам рассказали начальник Управления государственной службы и кадров правительства Москвы Александр АЛЕКСАНДРОВ и депутат Московской городской думы, руководитель проекта «Гражданская смена» Олег БОЧАРОВ.

Целый год молодые люди работают в правительстве Москвы в четырёх разных органах исполнительной власти. Если человек интересуются стажировкой или работой в кадрах, ему предлагают её пройти в разных департаментах на выбор. Например, в Управлении госслужбы и кадров, в префектуре или в управе, чтобы он мог на практике посмотреть, как те или иные кадровые технологии реализуются на местах. Если ему интересно посмотреть, как строится система образования в городе, то он пойдёт работать в Департамент образования. И если стажёр окажется успешным, любой руководитель может пригласить его на работу.

Именно так произошло со стажёрами, которые работали в правительстве Москвы в этом году.

боту он выполняет, с какими трудностями сталкивается, как, например, совмещает учёбу в аспирантуре и работу стажёра.

Таким образом, из 800 заявок на основании тестов и предварительной информации отобраны 100 лучших. Эти 100 лучших участвовали в выездном этапе — деловой игре, в ходе которой они должны были представлять свои знания, ту или иную отрасль. Необходимо было построить новый город, новую Москву в стиле хай-тек. Это позволило посмотреть на людей в некоей динамике, в рабочей атмосфере, когда они что-то обсуждали, представляли. За деловой игрой наблюдали специалисты из Управления государственной службы и кадров и профессионалы из конкретных органов исполнительной власти, ко-

Взрослые игры будущих чиновников

возникла даже внутренняя конкуренция: стажёр выбирал, в какой орган исполнительной власти он хочет идти работать. И эта внутренняя конкуренция оказалась полезной как для нанимателей, так и для молодых людей, которые оказались востребованы, продемонстрировали свои таланты и действительно могли выбирать.

Причём весь этот год ребята работали не бесплатно. Стажёр получает 25 тысяч рублей в месяц, что, согласитесь, вполне пристойная зарплата для тех, у кого это первое или второе место работы.

Так кто же может участвовать в этой программе? Это студенты четвёртого, пятого курсов либо молодые люди с опытом работы один-два года. Правительству Москвы принципиально важно найти людей, которые являются лучшими на рынке труда, хотят реализовать свои таланты, любят город, мотивированы работать на город, которые личным трудом хотят сделать жизнь в Москве более привлекательной и вместе с тем они хотят профессионально реализоваться.

Информация о программе размещена на всех сайтах, куда входят молодые люди при поиске работы — job.ru, headhunter, а также в Facebook, «ВКонтакте» и так далее. На первом этапе молодому человеку нужно было просто прислать заявку на участие.

Второй этап предполагал отбор. Молодые люди прошли через интересную и познавательную систему тестирования, позволяющую определить, насколько у кандидата развиты коммуникативные, аналитические навыки, умение обрабатывать информацию, делать выводы. Ведь работа в правительстве Москвы предполагает умение общаться с разными органами исполнительной власти, с жителями, и это общение должно быть эффективным.

Также тестирование помогает определить, умеет ли кандидат добиваться результата, готов ли он показывать и демонстрировать результат, ориентирован ли он на достижения.

«Сейчас проекты Москвы связаны с совершенно конкретными программами, которые необходимо реализовать в ограниченный промежуток времени. И в этом отношении жёсткая ориентация на результат — это та важная компетенция, которую мы искали в людях», — сказала Александра Александрова. — Ещё одна задача, которую мы решали на втором этапе отбора, — это подробное информирование о правительстве Москвы как работодателя. Мы хотим честно и открыто рассказать, что такое правительство Москвы. Ведь это достаточно большая структура, в которой работают более 20 тысяч госслужащих. Какие бывают органы исполнительной власти, их специализация, чем один орган власти отличается от другого, какие ограничения существуют на госслужбе».

Стажёры прошлого года участвовали в отборе новичков. Они честно и объективно рассказывали, что происходило со стажёром, какую ра-

боту они выполняют, с какими трудностями сталкивается, как, например, совмещает учёбу в аспирантуре и работу стажёра.

Депутат МГД Олег Бочаров пояснил: «Кадровые проекты не новинка. Но раньше их реализация была скорее в публичном поле, как некий пиар-повод, заявление о том, что с молодёжью работают принципиально. Программа стажировок — это не просто программа, а реальная возможность «с улицы» зайти в команду правительства Москвы и поработать профессионально, уникальная возможность определить старт своего первого рабочего места и траекторию дальнейшего продвижения».

Вторая качественная деталь, которую следует подчеркнуть, — профиль стажировки очень гибко меняется Управлением госслужбы и кадров. И в зависимости от потребностей работодателей, и в зависимости от тех компетенций, которые получали на будущем рабочем месте молодые люди. Всё это привело к тому, что очень часто именно стажёры становились мощнейшим катализатором продвижения вопроса.

Например, некий стажёр сначала был в Департаменте образования, оформлял имущественный комплекс детских садов, школ. А потом по тому же профилю пришёл в Департамент имущества города Москвы и сразу внёс несколько предложений по упрощению правил, регламентов и процедур. Безусловно, такая инициатива позволила ему завоевать некоторый авторитет в этой отрасли и стать действительно ценным специалистом».

Данная кадровая программа оказалась столь удачной, что участники предыдущих вернулись обратно: более 20 специалистов из разных областей экономики, не связанных с государственной службой, фактически прекратили свою трудовую деятельность, чтобы участвовать в этой стажировке, понимая, что предложение аппарата правительства и Управления госслужбы и кадров — это возможность получить уникальный опыт и уйти на рынок с иным качественным уровнем.

Надо сказать, что большое число руководителей кадровых служб органов власти, с недоверием относившихся к проекту изначально, теперь не только стали его активными участниками, но и использовали инструменты проекта. Кандидаты, не прошедшие стажёрское сито, зачисляются в кадровый резерв и при желании могут попробовать свои силы на другой год.

Но главный результат молодёжной кадровой программы в том, что прийти на государственную гражданскую службу может только человек, понимающий, что такое интеллектуальные инвестиции, что карьерный рост — не материальное благо, а возможность реализации внутреннего потенциала на благо общества.

Во власти приходят люди нового формата.

Ольга МОТОРИНА

ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ»

«Русские очень восприимчивы к искусству»

4 июля закрывается III Красноярский международный музыкальный фестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона. После семнадцатилетнего перерыва возрождён этот форум культуры. 19 стран, включая Китай, Корею, Японию, Непал, Индию, Бангладеш, Вьетнам, Таиланд и Филиппины, а также многие российские коллективы, на разных концертных площадках города демонстрировали искусство симфонического дирижирования и оперное пение, выступления балетных коллективов, этно, джаз, поп и рок-музыку.

Участником фестиваля стал двадцатидвухлетний китайский пианист Джи Лю, который ответил на наши вопросы.

— Вы самый молодой исполнитель на этом фестивале...

— Ещё в декабре прошлого года я получил приглашение выступить в Большом зале Московской консерватории. А когда оформлял документы для поездки, узнал о приёме заявок на этот фестиваль. Отправил видеозапись своего выступления на отборочный тур и прошёл... Я очень люблю выступать у вас, и особенно в Сибири — здесь как бы перекрёсток, пересечение культур. Русская публика особенная, она лучшая в мире. Русские очень восприимчивы к искусству.

— Ваш идеал пианиста?

— Рихтер, Гилельс, Горовиц. Мой китайский педагог учился в России, у Якова Зака в Московской консерватории. Поэтому для меня приоритетна русская фортепианная школа.

— Известно, что издревле в китайской традиции люди искусства

не разделяли умений. Талантливый человек умел всё: играть на инструменте, писать стихи, рисовать. Где кончались эпитеты, брались за тушь, а где не хватало красок живописи, писали двуступица. Помимо музыки, в каком виде искусства вы преуспеваете?

— Я пишу стихи и немного сочиняю. В Королевской академии музыки я посещаю класс композиции. Люблю переключать свои стихи на музыку собственного сочинения в стиле поп. Я не рисую, но восторгаюсь западно-европейской живописью.

— Весь зал был потрясён вашим исполнением музыки Дебюсси. Музыка импрессионистов требует особенного погружения в образ, тончайшей нюансировки, чувства музыкального колорита. Как вы удивительно гармонично достигаете всего этого?

— Для меня исполнение музыки импрессионистов — наиболее естественно. Я бы сказал так: музыка Дебюсси напоминает мне китайскую идеографию, где каждый иероглиф, каждый символ — это целый образ. Дебюсси, как и китайские художники, оставляет на холсте пустые места, которые полны внутреннего смысла. Огромное значение у Дебюсси приобретает ещё и ЦВЕТ звука.

— Если вы так любите музыку импрессионистов и романтиков, почему включили в концерт сочинение Бет-

ховена? Наверное, сложно для исполнителя в одном концерте играть столь полярные произведения?

— Я восхищаюсь Бетховеном как личностью и как композитором. Мне хотелось в мой концерт привнести ту силу, ту энергию, которая присутствует в его музыке. Я стремился показать себя слушателю с разных сторон.

— Каковы планы в творчестве?

— Стать известным пианистом; сочинять музыку, сочетая разные стили — классику и поп.

Беседовала Татьяна ЭСАУЛОВА

СОРОКОВИНЫ

Счастье преодоления

29 мая умерла Галина Ивановна Храбровицкая, директор Музея Николая Островского. Это случилось в Испании, где она гостила у подруги, и вечер её памяти прошёл в музее.

Три года назад, когда отменили 25-летие её работы на посту директора музея (при ней он получил название Государственный музей — гуманитарный центр «Преодоление» им. Н.А. Островского), она говорила: «Вы только не пишете, что мне уже семьдесят пять лет!.. Неудобно, сейчас молодых надо продвигать». Я не только не написала, но и совершенно искренно забыла о возрасте Галины Ивановны, так же, как это делала и она, не обращая внимания на физические недуги. Не то чтобы она подражала главному герою своего музея — просто было много других, более важных и необходимых дел. И так всю жизнь.

Галина Ивановна была красивая, очень красивая женщина. На старых фотографиях — настоящая кинозвезда. Только улыбка у неё совсем не «звёздная», а простодушная, открытая, полная очарования «комсомольской богини» и радости искреннего человека. Эта искренность освещала всю её жизнь, делала из повседневной рутинной работы праздник сбывшейся мечты, иногда — подвиг. Как-то, ещё в студенческие годы, Гая Храбровицкая бросила отды в Крыму и

примчалась в Сибирь, в Омскую область, куда направлены были её соратники по герценовскому институту — поднимать целину. Это было не для комсомольской характеристики, а по логике характера. Таким же искренним чувством была продиктована её поездка на Куб в 63-м году — группа советских учителей отправилась обучать кубинских братьев русскому языку и участвовать в прекрасной и героической жизни Острова свободы. Всё было так, как она представляла, и осталось в памяти счастьем.

Галина Ивановна никогда не могла пройти мимо — мимо чьей-то судьбы, проблемы, мимо человека на улице,

Эмоциональная, деятельная, даже в такие «спокойные» понятия, как «архив» и «музей», она вносила своё — биение живой жизни. Работая в Центральном архиве ВЛКСМ, поражала коллег исследовательской настойчивостью: из ничего, казалось бы, возникали документы, предметы, а потом — живые люди, которых она торжественно приводила на какую-нибудь выставку в Историческом музее или ЦК комсомола и устраивала чествования, вручала награды.

И неслучайно в перестроечные годы (с 1984-го) ей пришлось возглавить Музей Николая Островского — образ героя, канонизированный коммунистической партией, оказался самым уязвимым и беззащитным перед лицом политических перемен, а музей — на грани вымирания. Новый директор не только отстоял от криминально-коммерческих посягательств заманчивую недвижимость в центре Москвы, над Елисеевским магазином, но сотворил в стенах музея новую жизнь. Стратегия была продиктована временем: фигуру мученика Гражданской войны дополнили... салоном Зинаиды Волконской, расползагавшемся в этом здании за сто лет до него, салоном, где блистали лучшие поэты и музыканты. В зале музея стали проводить концерты и вернисажи, свои «Декабрьские вечера». Сам же Николай Островский,

став предметом углублённого изучения и исследования, из «иконы» превратился в интересного, сложного, талантливого человека — музей занимается созданием научной биографии писателя. А главное, тема преодоления связала музейную работу с работой общественной, которая для Галины Ивановны Храбровицкой всегда оставалась важнейшей. Люди, утратившие зрение, слух, возможность передвигаться, но не желание жить, в музейном центре «Преодоление» обрели дом. Здесь стремились им помочь, устраивали выставки их работ, приглашали на вечера, рассказывали о подвиге их жизни, о победе духа.

Обо всём этом говорилось на вечере. Галина Ивановна, как всегда, нарядная, весёлая, улыбалась с большой фотографией, окружённой цветами. Выступавших было много: от музеев, от организаций инвалидов, от кубинского и китайского посольств, от комсомола; просто посетители музея. И казалось, что все они были близкими, давними друзьями Галины Ивановны, даже те, кто знал её совсем недавно.

В письме Людмилы Ивановны Шведовой, присланном музею, говорится, что память о Галине Ивановне останется «крупной и острой, как то чувство Преодоления, труд Преодоления и счастье Преодоления, которыми она жила все свои годы».

Трудно будет привыкнуть к тому, что её нет.

К.З.

Ивановские обрывы

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причём не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на траве, о чём-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска. Такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них всё же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядки у костров часами, словно заворожённые... Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня. Зачастил я сюда.

...Тихо шуршалишины по мягкой земляной дорожке, выходящей среди полей с ровными рядами изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные жёлто-коричневые столбики сусликов по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет — невдалеке появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пельнево светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома давно осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на рёбра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой сокрыть убожество брошенного жилья. Покосившись, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, словно притулившись друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрищей цепи поблёскивало — значит, есть в деревеньке люди и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, потоком ворвался аромат сирени и земли, — видимо, тут недавно узкой полосой прошёл дождик. Крутом запустение, необжитость, но земля всё так же призывно пахнет, словно зовёт к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабейшей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонёк лампы в красном углу. Сердцу стало тепло: ещё одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахом водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долины обрамляют тёмные стены, — это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звёзды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется отпущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа

благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам её.

Я сидел на сырой траве, стараясь уледить каждое колебание камыша, ососки, таяния остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон шуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позывали их котелки и кружки. Разговорился и картый перекат. Бух, бух, бух! — рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

— Вон, мужики уже вовсю... — проговорил брат недовольно. — А мы всё чего-то смотрим и смотрим. Что тут смотреть? — Природу, — вздохнул я и обвёл рукой окоём, словно был хозяином его.

— А чего её смотреть-то? — повертел башкой, пробурчал брат. — Чудной ты стал, Мишана. Природа — она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдёт.

...И то правда, брательник. И утро пройдёт, и мы пройдем, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осоками, — они тоже превратились в рать грозных великанов, стерегущих воду. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая шука, преследуя верховую рыбку. А я всё сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый пуг. Тут же началась их переключка. Слабенько проблеяли овцы, мыкнула корова, — наверно, пастух идёт по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек-береговушек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы.

А я сидел и осматривал окрестности — на рассвете всё меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа, — всё суетное, насущное забывается и отлетает. И я стал частью утра...

Михаил СМОРНОВ

Автор родился в г. Салават в 1958 году, печатался в СМИ Республики Башкортостан, Челябинских, нижегородских, московских изданиях, интернет-изданиях. Победитель Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси—2007» и неоднократный лауреат этой премии.

Завелась у матери, чтобы достать из кладовой с антресолей банки, я наткнулся в дальнем углу на тяжёлую коробку, завёрнутую в холстину. Взяв банки, прихватил и этот свёрток — посмотреть, что в нём находится. Отдал его матери и спросил:

— Слушай, мам, что за клад спрятали ты в кладовке? Я что-то не видел раньше.

— А-а-а, этот? Он остался от бабы Дуси. Я уж старая и забыла про него. Много лет он лежит у нас. Я подальше его с глаз убрала, чтобы вы ненароком не сунулись в коробку, — сказала мать.

— Какая баба Дуся? — Ты должен её помнить. Маленькая такая старушка на первом этаже в угловой квартире жила. Помнишь? Ты ещё пацанёнком был, когда её муж умер. Они на фронте поженились, вместе всю войну прошли. Вернулись, сын родился, а вскоре дяди Феди не стало. Сердце не

Нечего оставить

выдержало — рядом осколок сидел, врач опался его удалить. Он сдвинулся, и дядя Федя помер. Сильно горевала баба Дуся. Но назад мужа не вернёшь, а сына надо было ставить на ноги. Женька-то был постарше тебя. Вот и пришлось ей не только трудиться на производстве, но и после работы ходила по подъездам, мыла полы. Подрабатывала, чтобы сыну отправить все деньги. Он в институте где-то учился...

— Всё, вспомнил, — я перебил мать. — Это же она таскала постоянно вёдра с водой по подъездам? У неё была ещё привычка угощать малышию со двора конфетами. Точно?

— Да. Ребятишки её любили. Как увидят, что она вышла из подъезда, так сразу к ней бежать. Знали, что у бабы Дуси всегда есть карамельки в кармане. Тихая была, спокойная, — сказала мать.

— А сын, Женька, здоровый такой парень. Он же в другом городе учился, так? — спросил я у матери.

— Да, уехал... Как укатил в институт, так больше ни разу не появился. А она горбатилась, чтобы там его содержать. После её смерти я сколько раз писала ему, что мать оставила для него этот свёрток на память, а он так ни разу не отозвался, — с горечью в голосе проговорила она. — Ты же с Пашкой тогда помогал нашим мужикам со двора гроб на машину поднимать. Не забыл?

Я вспомнил бабу Дусю и её похороны... Тихая и незаметная старушка с лицом, иссечённым морщинами. Постоянно в одной и той же юбочке, латаной кофточке и линялой косынке, а зимой в старой, побитой молю, шали.

Мороз или снег, дождь или жара, а баба Дуся ташила в очередной подъезд тяжёлые вёдра с водой. Убирала мусор и отмывала бетонные полы от грязи. И сколько я вспоминал бабу Дусю — она оставалась в моей памяти маленькой, сухонькой, словно время не касалось её.

Умерла она в конце марта. Так же тихо и незаметно, как и жила.

Мать, возвращаясь из магазина, зашла к ней, чтобы оставить молоко и хлеб, и увидела, что она лежит на диване, будто решила отдохнуть немного от этих проклятых вёдер. Мать тихо прошла на кухню. Оставила на столе покупки и хотела выйти, чтобы не потревожить бабу Дусю. И вдруг что-то почувствовала — подошла к дивану. Свернувшись калачиком, баба Дуся не дышала, а рядом с ней лежал старый потёртый альбом с фотографиями, тетрадный лист, и в пальцах была зажата ручка.

Хоронили её на собранные соседями деньги. До последней минуты ждали сына. Хоть он и прислал телеграмму, что приехать не может, и просил соседей, чтобы похороны матери прошли без его участия.

Бабу Дусю хоронили в промозглый, холодный мартовский день. Сильный ветер гнал по небу низкие серые тучи, из которых сыпал со сырой снег, то мелкий, похожий на воляную пыль, дождь. Под ногами чавкало грязное месиво из снега и воды. Дома стояли сырые и мрачные. По окнам, лопая слёзы, стеклами тонкими струйками снег вперемешку с дождём.

Женщины в чёрных платках, мужики с хмурыми лицами заходили в квартиру проститься с бабой Дусей и, выходя, вытирали украдкой покрасневшие глаза. За много лет я первый раз увидел её в новой одежде, купленной соседками.

Читали молитвы старушки в тёмном. Пахло ладаном, какими-то травами и ещё чем-то неуловимым и непонятным тогда для меня. Запахом тлена...

Меня поразило её лицо. Куда-то пропали, разгладились все морщины. Ушло выражение постоянной заботы, и казалось, что она отошла от всех этих мирских дел, хлопот и находится где-то там — далеко от всех нас...

На подъехавшую с открытым кузовом машину осторожно поставили небольшой гроб с лёгоньким телом бабы Дуси. Дождь, попадая на её желтовато-восковое личико, стекал по краю глаз тонкими полосками, будто баба Дуся плакала, прощаясь со всеми.

Машина медленно поехала по двору, и все соседи тихим шагом пошли за ней, неся в руках венки из искусственных цветов. И лишь на грязном снегу остались лежать живые ярко-красные гвоздики...

— Мам, а можно посмотреть, что в свёртке? — попросил я.

— Гляди...

Я осторожно развернул холстину и снял крышку со старой коробки. Потёртый альбом с пожелтевшими фотографиями и ещё один свёрток. Открыл его — и застыл... Передо мной лежали потускневшие от времени два ордена Славы, орден Красной Звезды, несколько разных медалей, среди которых — «За отвагу» и «За взятие Берлина». А рядом с ними — старенький открытый конверт и неровно оторванный тетрадный листочек, на котором было написано корявым почерком: «Женечка, сыночек! Я очень прошу тебя, выбери время, приезжай в родной дом. Чувствую, что долго я проживу. Тебя поскорей бы дождаться, взглянуть, каким ты стал, да обнять в последний раз. Жаль, но оставить на память нечего, лишь альбом, где мы с отцом и ты — маленький. Больше у меня ничего нет, кроме медалей и орденов, что мы с папкой твоим на войне получили. Приезжай. Так хочется увидеть тебя в последни...»

Письмо оборвалось...

Эта книга открывает новую издательскую серию под названием «Неизвестные Воронежцы». И то, что в качестве героя первого выпуска выбран именно Андрей Снесарев (1865—1937), уроженец воронежской глубинки, учёный-востоковед, профессор, генерал, — по-своему символично. Необходимо отдать должное скрупулёзности и профессионализму автора — он не только построено изучил многочисленные письма Снесарева (благо сохранились!), его опубликованные работы, воспоминания о генерале. Писатель побывал практически во всех местах, связанных с жизнью своего героя, зорко и вдумчиво вглядываясь в дошедшие до нашего времени силуэты городов и весей, увидел на них отсвет пожара далёких времён. Описание столь подробны, что, не принадлежи они руке мастера русского слова, порой могло бы показаться, что это путеводитель или отрывок из краеведческой энциклопедии... Но лиризм прозы Будакова, его высокая гражданская позиция увлекают читателя даже там, где, казалось бы, присутствует лишь перечисление картин и событий.

Необычность темы притягивают страницы, повествующие о восточных экспедициях Снесарева. Вообще Азиатский вектор — один из краеугольных камней книги. Читателю представляется возможность увидеть научную лабораторию учёного, который дал миру образец многофакторного анализа проблемы, основанного на историческом, этнографическом и политическом материале. Взять те же исследования Снесарева по Афганистану, ведь он ещё век назад писал: Афганистан — «очень бедная, примитивная, без техники, без культуры» страна, которой «если и можно овладеть, то удержать её в руках очень трудно». А ещё одна мысль: «Азиатский мир не уничтожен, и его физиономия осталась прежней, усиление и будущая роль его должны быть признаны несомненными» — разве она не актуальна именно сегодня?

Вопросы, вопросы... За их замалчивание заплачено человеческими жизнями, и велико число этих жизней. Неравнодушные Виктор Будакова, его сердечное кипение при описании событий давно минувших лет могут иной раз больно задеть современного читателя, привыкшего к вошедшей ныне в моду толерантности. В книге — весьма уничтожительные оценки дореволюционной русской

Русская мечта: послесловие

Будаков В.В. Честь имею: Геополитик Снесарев. На полях войны и мира. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. — 496 с. — 1000 экз.

прессы и партий, звучит гимн консерватизму, обличаются повсеместные происки Британии. В то же время введя за своим героем Снесаревым современный писатель признаёт, что промышленность и менеджеры в дедовской России были слабые, элита корыстная, назначения на посты происходили неправильно, а лучшие люди спивались и гибли. Впрочем, только ли истории принадлежат эти горькие наблюдения и выводы? Где же выход? — вместе с царским генералом и сегодня спрашивает себя современный писатель. И здесь, мне кажется, метод мысленного перенесения в прошлое, метод слияния с героем в его размышлениях превращается в довольно рискованное занятие. К причеру, не могу согласиться с жесточайшим неприятием автором либералов и леворадикалов, как будто не было в России кричащих проблем начала XX века: голода, эпидемий, стачек, боёв на баррикадах. И почему надо делать вывод о том, что революции, по мнению автора, носили непременно криминальный характер? Можно ведь привести в пример немало имён русских писателей и историков, которые имели другое мнение.

И можно ли предполагать, что если бы Россия победила в Первой мировой войне, то «всё было бы хорошо»? Так и осталась бы Россия с императорской властью до конца Второй мировой войны, чем-то напоминая устроительство Японии?

В книге приводится очень подробное описание будней Первой миро-

вой войны, на фронтах которой Снесарев командовал полком, а затем дивизией. Чем объяснить подобный авторский метод? Стремлением привлечь внимание нынешней публики к теме той войны? Или попыткой в документальной форме создать что-то подобное романному повествованию? И, напротив, скороговоркой (обзорно, пунктиром) речь идёт о 1920-х годах. Почему? Потому что в 1920-е годы нельзя быть героем? Но ведь и Первая мировая война — это ужас, грязь и, как подчёркивается в книге, громадное кладбище в итоге.

Автор книги без обиняков показывает разнужность, превращение армии в фактическое стадо накануне революции. И тут же повторяет банально известные слова: «Народ не ошибается». На мой взгляд, предстоит всё же глубже вникнуть в вопрос: почему Снесарев перешёл на сторону большевиков? Ведь он прекрасно видел панику интеллигенции от того, что кончилось вечное обилие России, её долготерпение. А так желанна и, казалось, близка была победа в мировой войне!

В целом же в описании судьбы опального генерала и профессора видится некий итог русской мечты. Она завершается революцией, тиранией и началом, как ни удивительно, мечты новой. Андрей Снесарев оставил нам огромное количество предвидений в своих трудах, уже на склоне лет он признавал: надо знать свой народ, ведь народ и для новой элиты остался сфинксом. Золотые слова Снесарева: «Пронёсшаяся буря над Россией, да и над миром, не научила никого ничему» (май 1923 года, из дневника).

Труды А.Е. Снесарева заслуживают самого пристального изучения в XXI веке, его взгляды и позиция имеют самое непосредственное отношение к сегодняшнему миро-положению России. Крайне ценна мысль о том, что в мировой политике Россия должна соблюдать нейтралитет: «Наша Родина нуждается в самом глубоком покое, её границы должны быть совершенно надёжны, и потому всё внимание общественных сил должно быть приковано к внутренним реформам». Но мир на международной арене покупается не «политико-бесконечного великодушия и постоянных уступок». В сфере международных дел нельзя защищать свои интересы приёмом «отступить, отдать, бросить».

Алексей КОНДРАТЕНКО, ОРЕЛ

Доживём до счастья?

Начинается эта удивительная книга словами Александра Твардовского: «Можно всё понимать — что, к чему и чем оправдывается в конечном счёте, но, когда твоя бедная живая память накоплена картинками обезлечения, одичалости и уныния в том краю, с которым связано, может быть, всё самое лучшее, золотое и чистое в сердце, — это ужасно, чтобы только не искать других слов». Эта запись из рабочей тетради великого смоленца настраивает сразу на осо-

бый лад. Листаешь книгу, рассматриваешь фотографии, читаешь стихи... И понимаешь логику авторов, родившихся в деревне и всю жизнь работающих в родном краю. «Деревня-кормилица, деревня-страдалица, деревня-труженица останется теперь только на фотографиях, газетных строчках и экспонатах в музеях (редких!) крестьянского быта».

Всматриваешься в замечательные лица деревенских стариков-старух и представляешь, какими они совсем недавно бы-

Владимир Королёв, Валерий Цыркунов. Печаль моя, деревня. Фотостихоэссе. — Смоленск: Маджента, 2012. — 500 экз.

плюс строки поэтические действительно выглядят органично.

Понятно и их желание сделать сборник «Счастье моё, деревня!». Вот только доживём ли?

Анна АРТЁМОВА

— ДИАЛОГИ «КЛУБА ДС» —

Распишитесь в получении

— Кто там?
— Откройте, мы из военкомата!
— С каким ещё автоматом?
— Да не с автоматом мы, не с а-вто-ма-том!
— А, так вы с матом? Нет, не пустим, у нас матом не ругаются.
— Да кто ругается? Никто не ругается! Откройте, мы из военного комиссариата!
— Откуда, откуда?
— Да из военкомата же!
— А из военкома-а-та! Так бы и говорили. А что вам нужно?
— Да не что, а кто. Куфайкин И.С. здесь проживает?
— Ну здесь.
— Так откройте, мы к нему.
— Зачем это?
— Так ему повестка!
— Какая ещё повестка?
— Да не повестка, а повестка! Хотя правильно: сначала повестка, потом повестка.
— Какая ещё повестка?
— Ну в армию же.

— Не, никуда он не поедет.
— Как это не поедет? Все поедут, а Куфайкин И.С. не поедет?
— Таки не поедет!
— Это почему?
— А его нет дома.
— А где он?
— За хлебом пошёл.
— А когда будет?
— Через неделю.
— Точно через неделю?
— Точно, точно.
— Ну, ладно, мы придём через неделю.
— Проща неделя. Снова:
— Кто там?
— Мы из военкомата, откройте!
— А, проходите, проходите, гости дорогие!
— Спасибо! Что вы это нам с порога водку предлагаете?
— А выпейте за здоровье нашего дорогого внука, сына и брата Куфайкина Ибрагима Соломоновича!
— Нет, мы на службе! Вот вам повестка, уважаемый Иб... Ибрагим Соломонович.

Марат ВАЛЕЕВ,
КРАСНОЯРСК

ЭПИГРАММЫ

СКЛАДЫ И ВКЛАДЫ
Как по расписанию — подряд
Пылают армейские склады,
Разносят деревья снаряды,
А вот генеральские склады —
Они никогда не горят.

ЮННЕ МОРИЦ
Безусловно, ты права:
Слишком долгое молчанье
Вызывает одиночанье,
Забываются слова.

В годы мрачной непогоды
Нас спасла родная речь.
Достоиние народа
Надо всё-таки беречь.

ВСПОМИНАЯ БОРИСА СЛУЦКОГО
Нынче лирики в загоне,
Нынче критики в законе.

СОВРЕМЕННЫЙ «ПРОРОК»
Монетой сладко-льстивых
Тщеславы заплатив оброк,
На пьедестале узнездился
И объявил, что он — пророк...
Диагноз вскоре подтвердился.

МЕРА ГОМЕРА
Сто городов — вот славы мера —
Азартно спорят до сих пор,
Какой есть родина Гомера
И бесконечен этот спор.

А от тебя однажды навсегда
Все дружно открестились
города.

ЗНАМЕНИТОМУ ТЕЛЕКОМОРСТУ
Мой дорогой, прошу —
будь ласков
И уши наши пожалея:
Ведь даже пасмурный Херасков
Шутит намного веселей.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ
Прежде с песнями строил народ,
Нынче функция песен друная:
Песня строить и жить
Тем, кто пишет её и поёт.

ГЛУБОКО КОПАЕМ
Если б дали покопать
Под Большим ещё немного,
То пришлось бы закрывать
И Октябрьскую дорогу.

ВСПОМИНЕ САЛЬЕРИ
Азгброй гармонию
Поверять пустое:
Эта церемония
Ничего не стоит.

Если же не верите
Дружеским советам,
Вспомните Сальери —
Он сгорел на этом.

ИЗДЕРЖКИ ПРОГРЕССА

С прогрессом спорить —
Это спор пустой,
но всё-таки нелишне
Дать зарок нам...
На электронной книге
Лев Толстой
Мгновенно превращается
В Сорокина.

II
Свой труд завершив,
Он восторг не скрывал:
— Я «Анну Каренину»
Отцифровал!

ЖУРНАЛУ «НОВАЯ ЮНОСТЬ»
Всё, увя, с годами
вянет, убывает,
И кумир вчерашний нынче —
не герой.
Юности второй на свете
не бывает,
Как и осетрины
свежести второй.

II. П.
Моя любовь к тебе
И уважение
Стабильны, как земное
Притяжение.

ПЛОДЫ ЭВОЛЮЦИИ
На струнах трагедийной лиры
Бряцали Данты и Шекспира,
А нынче — борный ивец и жнец —
На них бряцает Гришковец.

ПОРА БЫ...

Ну до чего же мы наивны,
братцы!
Пора бы и додуматься уже:
По осени цыплят нам
не дожидаться,
Высиживая яйца Фаберже.

ЭПИТАФИЯ БЕДНЯКУ
(С древнегреческого)

Когда уйдёшь,
Когда меня не станет,
Мне холмика
Родной земли достанет.
Высокий обелиск
Помпезно и угрюмо
Пусть давит
На останки толстосума.

МИХАИЛУ ПРОХОРОВУ
Легендарный «Е-мобиль» —
Это сказка или бль?
И свершения её
Сколько ждать нам, ё-моё!

ПОПУЛЯРНОЙ ТЕЛЕКУЛИНАРКЕ

Тут явно работает
фактор иной,
А не кулинарное чудо,
Когда мужики истекают слюной
От повара, а не от блюда.

МУДРЫЕ ГРЕКИ
(Из Дамохарида Грамматика)

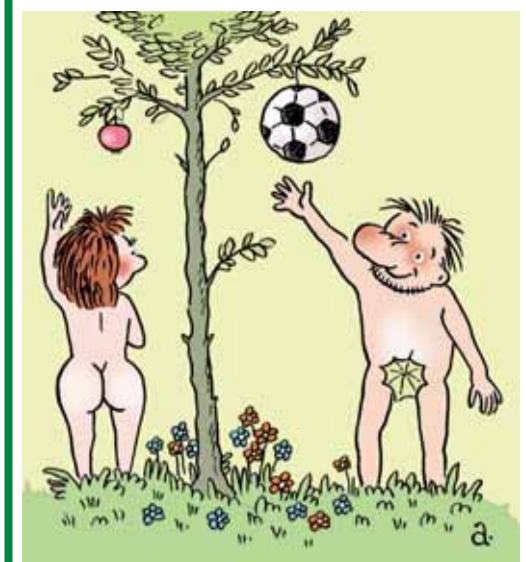
В афинских термах
Был порядок строгий:
Поутру в них
Входили только боги.

В час пятый
Полубоги полоскались,
А после них
Все прочие впускались.

САМОМУ СЕБЕ
Рифмуя сонно, но при этом
Трехом тщеславия не грешу.
Я не зову себя поэтом,
А говорю: «Стихи пишу».

Алексей ПЬЯНОВ

ЭХО ЕВРО-2012

Василий АЛЕКСАНДРОВ

ФУТБОЛЬНОЕ

*Кто только мяч ногами не пинал,
сулил победу, грозен и державен,
нам не помог пройти в четвертьфинал
ни русский бог, ни случай, ни Ариавин.*

*Зачем стараться из последних сил
Рвать связки, пробиваясь на штрафную,
когда и так ты все блага вкусил,
не разорив страну свою родную.*

*Дик Адвокат и без того богат,
ему плавать на волни маловеров,
когда он в бой ведёт свой продотряд —
команду молодых миллионеров.*

*Вперёд, Россия! Дел невворот —
где даль, где поворот за поворотом,
где я, твой сын, не буду, как урод,
опять дупить по собственным воротам.*

Игорь ВОЛГИН

Виктор БОГОМОЛ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

ВЫБОРЫ

Беспрецедентно высокая явка отмечена на выборах мэра города Допупырнска — на избирательные участки явились 99 процентов наблюдателей.

ИСТОРИЯ

Как удалось выяснить учёным, 5 ноября 1934 года колонна кинозрителей, направляющаяся в ленинградский кинотеатр «Титан» с лозунгом «Мы идём смотреть «Чапаева», была жестоко избита нападавшими на них фанатами фильма «Весёлые ребята».

ВСЕГДА В СТРОЮ

Продолжается благоустройство городских магистралей древнего Колоновска. Теперь здесь наряду с лежачими полицейскими можно увидеть лежачего пожарного и лежачую «скорую помощь».

Александр ХАНОВ

ПЕРЕСМЕШНИК

Прайс сантехника

(исправленный и дополненный)

Учитывая успешный опыт взимания с жильцов платы — за услуги бесплатные и лишние денег — за услуги платные, а также успешный опыт навязывания платных услуг, в дополнение к существующим (свинчивание старого водопроводного крана — 300 руб., ввинчивание нового — 800 руб.) ввести следующие тарифы и услуги:

- Звонок сантехника в дверь — 50 руб.
То же — двукратный — 100 руб.
Мрачное «Вызывали?» — 120 руб.
- Подход сантехника к крану — 100 руб.
То же — наследия — 90 руб.
Вдох сантехника с последующим открытием чехоманчика — 150 руб.
- Свинчивание старого крана — 300 руб.
То же — с рассказом сантехника о кранах — 350 руб.
То же — с критикой предыдущих сантехников — 400 руб.
То же — с рассказом сантехника о себе — 500 руб.
- Осмотр сантехником выданного хозяином нового крана — 100 руб.
То же — с горестным покачиванием лобастой головой — 150 руб.

То же — с объявлением об отсутствии в новом кране важной гайки — 200 руб.

5
Рассказ сантехника о бедах, неминуемых в отсутствие важной гайки:
рассказ о тархатящем кране — 100 руб.
рассказ о потопе — 200 руб.
То же — под «Полёт Валькирий» Вагнера (позывные мобильника сантехника) — 300 руб.

6
Поиски сантехником в чехоманчике важной гайки — 50 руб.
Выдача сантехником своей, последней, кровной гайки — 300 руб.
Установка нового крана — 800 руб.

ПРИМЕЧАНИЕ: Засовывание сантехником полученных денег в карман — бесплатно.

Сергей САВАРЕНСКИЙ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ГАЙД-ПАРК

Большая переимёнка

Если милицию переименовали и всё стало значительно лучше, надо продолжать это начинание, чтобы люди начали жить в стране как надо.
Например, переименовать все города и населённые пункты в Москву.
— Ты в Москву? А на лошади доедешь?
— Да тут же недалече...
А все предприятия назвать филиалами Газпрома...
— Ты где сейчас работаешь?
— Мойщиком в филиале Московского Газпромклининга. А раньше в ГазпромЖЭУ на полставки вкалывал.

Из профессий оставим лишь генеральных директоров, депутатов, менеджеров и певцов.
— И кем ты там трудишься?
— Менеджером по чистоте и порядку и певцом прогресса по совместительству.
Работу назовём сексом. И наоборот.
— Устал. Сексом занимался восемь часов без обеда, потом два часа сверхурочно, так ещё и назавтра осталось. Теперь пойду на работу, хоть там отдохну.
— Ну, смотри, не перетрудись.
Деньги назовём мусором и наоборот. Во-первых, му-

сор уберут из-за привычной тяги к деньгам, а во-вторых, к деньгам будут относиться проще:
— Опять ты принёс этот мусор. Брось в шкатулку...
Любовники с жёнами тоже необходимо поменять названиями. И тогда, наконец, установится мир в семье. Мужчины с радостью побегут домой — к любовницам...
И постепенно — переименованием за переименованием — жизнь у нас наладится, если её саму тоже переименовать в сказку...

Александр БРЮХАНОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Количество, переходящее в качество

Среди авторов «Клуба ДС» завидную активность проявляют воронжские юмористы. Их рисунки, рассказы, пародии хорошо известны читателям 16-й полосы. Вдобавок у них регулярно выходят новые книги.
За примером далеко ходить не надо — Виталий Мухин выпустил уже девятую. Она называется «Час холода: прогноз и пойд!» (Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012).
В новом сборнике В. Мухина представлены афоризмы, диалоги, каламбуры, репризы. Короче говоря, те миниатюры, которые накапливаются в записных книжках писателей вообще и сатириков в частности. Сам Виталий Мухин с присущей ему скромностью окрестил эти малоформатные произведения «витализмами». Чтобы стало понятно, что скрывается за этим новаторским словом, приведём несколько примеров, почерпнутых из вышеупомянутой книги.

***
Есть люди, которым не только руку — рубль подать приятно.
***
«Не всё так плохо», — сказал директор кладбища, увидев перед своим офисом очередь.
***
— Вам надо спать на животе.
— Не могу, я с него скатываюсь...
***
Полнёшь дурака за водкой — он её всю и принесёт.
***
В России битва титанов всегда оканчивается победой чайников.

***
На поле брани обычно побеждает тот, у кого брань сочнее.
***
Страшно не когда кухарка управляет государством, а когда она приглашает на работу своих друзей.
***
— Кто не рискует, тот не пьёт шампанское.
— А кто рискует, пьёт палёную водку.
***
Гаишник останавливает водителя: «Лейтенант Сидоров. Предъявите ваши купюры».
***
Когда мордой в салат — это не беда. Беда — когда мордой мимо салата.

ФЕСТИВАЛЬ

И не было лучше брата

В Праге завершился первый форум «Дни кино стран СНГ в Чехии». Это начало ежегодного проекта, представляющего в Европе творчество кинематографистов стран Содружества Независимых Государств. Форум проводился при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ (МФГС) и Российского фонда культуры. Его организаторы — продюсерский центр «Линия творчества», компании «Дарим вам мир», «SINECO s.r.o.», посольства в Чехии Азербайджана, Республики Беларусь, Казахстана и России.

Кинофорум открылся показом картины азербайджанского режиссёра Мурада Ибрагимбекова «И не было лучше брата», которая была показана впервые в конкурсной программе прошлогоднего кинофестиваля в Карловых Варах. Этот фильм-притча снят по роману отца режиссёра Максуда Ибрагимбекова. Через рассказ о жизни одной азербайджанской семьи показана не только атмосфера 60-х годов прошлого века, но и духовная связь человека с окружающим миром. В картине можно увидеть яркие актёрские работы известных в мировом кинематографе Сергея Пускепалиса, Нино Нинидзе и Евгения Цыганова. В программу Азербайджана вошёл и анимационный фильм «Зловредная муха» (режиссёр Франгиз Курбанова).
Кинематографисты Республики Беларусь показали анимационный фильм

«Сказки старого пианино» (режиссёр Оксана Черкасова) и документальный фильм «Инокания» (режиссёр Галина Адамович). В нём рассказывается о духовном пути известного белорусского композитора, матери троих детей Ирины Денисовой. Главная героиня попала в монастырь, сначала была инокиней, потом постриглась, и на данный момент она монахиня Свято-Елисаветинского женского монастыря.

В программе Казахстана чешские зрители могли посмотреть анимационный фильм «Две вороны» (режиссёр Дильшат Рахматуллин) и две картины, в которых снялась замужняя артистка России Наталья Аринбасарова — «Рай для мамы» (режиссёр Актан Арым Кубат) и «Жиде. Нежданная любовь» (режиссёр Сабит Курманбеков).

Форум завершился показом российской кинопрограммы. В неё во-

шли анимационный фильм «Лесное трио» (режиссёр Алексей Алексеев) и три полнометражные художественные ленты — «Овсянки» (режиссёр Алексей Федорченко), «Воробей» (режиссёр Юрий Шиллер), «Дом ветра» (режиссёр Вячеслав Златопольский).

Кроме показа картин межкультурный диалог запомнится в гостеприимной Чехии и музыкальной составляющей. В день открытия форума в Хрустальном зале Российской центра науки и культуры в Праге состоялся концерт классической музыки в исполнении артиста театра «Новая опера» Павла Пфистера (баритон) и лауреата международных конкурсов Виктории Пфистер (фортепиано). Романы Чайковского и Рахманинова органично вписались в духовную атмосферу форума.

Кроме этого для гостей кинофорума была организована поездка в УРР — крупнейшую компанию пост-продакшн в Европе и на известную киностудию «Баррандов», где снимались не только многие западные, но и советские, российские картины.

Этот форум — первый. Но, по мнению организаторов и послов в Чехии стран — участников форума, он уже сыграл значительную роль в укреплении культурных связей и должен иметь продолжение.

Софья АНДРЕЕВА

Министерство культуры Российской Федерации
Культурно-досуговая деятельность населения, олимпиады.

I ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОНКУРС

2012

Орган
I, II, III туры
Календарь 11–23 сентября

Духовые и ударные инструменты, духовые ансамбли
I и II туры
Свердловский федеральный округ
Новосибирск 26–29 сентября

Дальневосточный федеральный округ
Якутск 30 сентября–02 октября
Владивосток 03–06 октября

Уральский федеральный округ
Екатеринбург 08–11 октября

Приволжский федеральный округ
Казань 15–18 октября

Южный, Северо-Кавказский федеральные округа
Ростов-на-Дону 22–25 октября

Центральный федеральный округ
Москва 29 октября–01 ноября

Северо-Западный федеральный округ
Санкт-Петербург 06–09 ноября

III тур и Гала-концерт лауреатов
Москва 19–22 ноября

Арфа
I, II, III туры
Санкт-Петербург 28 ноября–05 декабря

www.muzkonkurs.ru